

Σ.В. Игелов

Российский
государственный
церб

Композиция,
стилистика
и семантика
в историческом
контексте

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Историко-архивный институт

*Кафедра источниковедения
и вспомогательных исторических
дисциплин*

Институт
«Русская антропологическая школа»

Библиотека РАН

Выпуск 1

Σ.В. Игелов

Российский государственный герб

Композиция, стилистика
и семантика в историческом
контексте

Москва
2005

УДК 929.6 (47)
ББК 63.2
П 92

Ответственный редактор
академик Российской академии наук
Вяч. Вс. Иванов

Консультант
д-р ист. наук, проф.
Е.И. Каменцева

Художник
М. Гуров

© Е.В. Пчелов, 2005

ISBN 5-7281-0809-1
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2005

Предисловие

Предлагаемое вниманию читателей исследование Е.В. Пчелова открывает собой ряд публикаций, отражающих научную работу нового Института Российского государственного гуманитарного университета – «Русской антропологической школы». Одной из задач этого научно-учебного объединения является изучение символики русской культуры в ее соотношении с другими традициями, призванное помочь осуществить сформулированный еще о. Павлом Флоренским план создания *Symbolarium'a* – свода всех используемых в разных культурах символов. При этом особое внимание обращается как на универсальные символы, объединяющие между собой различные традиции, так и на специфику их воплощения в отдельных странах, которая зависит от исторических условий их бытования.

Е.В. Пчелов рассматривает многовековую историю российского государственного герба. По отношению к каждому из входящих в него элементов – таких, как двуглавый орел, всадник на коне, поражающий дракона, и единорог – ведется сравнительное исследование, позволяющее выявить их истоки, последовательные изменения в разные периоды, роль в общей композиции и характер их меняющейся интерпретации. Так, прослеживаемая по памятникам история эмблемы двуглавого орла в Западной Евразии документирована уже древнемалоазиатскими – хеттскими изображениями (можно заметить, что о связи орла с царской властью говорится в древнехеттском ритуале, восходящем к XVII в. до н. э.). Но для дальнейшей судьбы символа оказывается нужным сравнение не только с его продолжением в том же ареале – Византии, но и в Западной (Священной) Римской империи. Интересны не только выявляемые отличия в понимании функций этого образа, но и связанные с разными его истолкованиями меняю-

щиеся подробности, например языки, высовывающиеся в тех случаях, когда клювы раскрываются сообразно с новым осмыслением символа.

Из увлекательных проблем, которые ставит перед историком русской культуры исследование Е. Пчелова, можно отметить судьбу запечатленного на печатях и монетах образа царственного всадника на коне, пронзающего копьем поверженного дракона (едва ли многие из тех, кто произносит название *копейка*, догадываются, что оно происходит от слова «*копьё*»). Кажется несомненным, что этот символ, с одной стороны, восходит (главным образом через иконографию Георгия Победоносца, привлекаемую с этой точки зрения к рассмотрению в работе Е. Пчелова) к тому универсальному образу культурного героя или Бога на коне, который исследован Фонтенроузе и следовавшими за ним специалистами по мифологии, с другой стороны, важен для родословной Медного Всадника и возникшего вокруг него Петербургского Мифа, на изучении которого сосредоточены усилия многих наших литературоведов.

Любопытное продолжение сулит и возможное дальнейшее сравнительное исследование других символов, обсуждаемых в публикуемой работе. Установленные в ней два разных значения образа единорога – религиозное и географическое (в российском гербе более позднее, указывающее на Среднюю Азию – Туркестан) – могут быть рассмотрены и в более широкой перспективе, учитывая недавнюю открытую роль этого символа в литературе и культуре средневековой Центральной Азии.

Отмеченные в исследовании другие эмблемы (в частности, связанные с символом дерева в сочетании с зооморфными образами) могут восходить к универсальным архетипам, в свое время раскрытым А. Леруа-Гураном.

Трансформация этих и многих других элементов российского герба, в том числе эмблем отдельных земель в их соотношении друг с другом внутри единой композиции, прослежена автором в связи с расширением границ империи. Возникающие благодаря анализу взаимного расположения частей герба вопросы, касающиеся ориентации при определении правой и левой сторон на центр герба или на зрителя, сходны с теми, которые по отношению к простран-

ственности в произведениях изобразительного искусства решал о. Павел Флоренский. Как он показал, данный вопрос сопряжен с мировоззренческой установкой создателя композиции и поэтому связывает изучение организации пространства символов с раскрытием общего замысла.

Замечательно исследованное Е. Пчеловым соотношение исторических причин преобразования символики герба с индивидуальными особенностями отдельных монархов. В этом смысле чрезвычайно интересен раздел работы, говорящий о мистических устремлениях императора Павла Первого, чьи чаяния общеевропейского христианского рыцарства можно было бы сравнить с отвечавшими духу того времени взглядами, выраженными в статье Новалиса. Попытка Павла ввести в российский герб принадлежавший ему самому как магистру Мальтийского ордена Мальтийский крест вместе с другими нововведениями была сразу же после его убийства отменена его сыном, преемником и противником (если не одним из убийц) Александром Первым. Отчасти аналогичным образом Иван Грозный пытался навязать гербу свои апокалиптические видения, но это не получило развития в последующей традиции. Примечательно обилие и неустойчивость символов в эпоху Петра Великого, когда будущие нововведения только наметились.

Заслуживает внимания и краткая характеристика преобразования герба при Временном правительстве, когда велика была роль личного стиля художника Билибина. Что касается последующего времени, о котором по мере раскрытия архивных данных можно будет говорить подробнее, в этом разделе увлекательны наблюдения, свидетельствующие об изоморфности структуры традиционного старого и нового гербов. В работе вся русская история последней половины тысячелетия показана через призму символики герба.

Директор Института
«Русская антропологическая школа»
РГГУ
Вячеслав Вс. Иванов

Предварительные замечания*

Бог – в деталях
Аби Варбург
(1866–1929)

Истории российского государственного герба, насчитывающей пять с лишним веков, посвящена обширная исследовательская литература¹. Довольно подробно изучена эволюция его основных эмблем, выявлены происходившие с ними трансформации, собран значительный изобразительный материал. Тем не менее проблема исследования семантики как герба в целом, так и конкретных его элементов в различные исторические эпохи еще далека от решения. Перед исследователем в данном случае встает несколько препятствий.

Прежде всего применительно к эпохе Средневековья, да и более позднего времени также, следует учитывать полисемантичесность изобразительных образов: «всякое изображение несло несколько смыслов, каждый из которых имел, видимо, функциональное назначение»², поэтому особенно важно определить, какой смысл был доминирующим для данного образа в данном контексте и как этот образ воспринимался современниками. Здесь, однако, главная сложность состоит не только в том, что семантика тех или иных эмблем изменялась со временем, но и в том, что далеко не для каждой эпохи в распоряжении исследователя

* В основе текста лежит доклад, сделанный на заседании «Русского семинара» Института высших гуманитарных исследований и Института «Русская антропологическая школа» РГГУ в январе 2004 г. Сердечно благодарю дорогих друзей и коллег И.А. Протопопову, С.В. Зверева, Т.Ю. Стукалову, Д.О. Торшилову, М.Ю. Катина-Ярцева, Е.Я. Зотову, А.И. Сосланда, Е.В. Улыбину и других за большую помощь в процессе работы над данным исследованием.

имеется достаточный материал источников, поясняющих смысл эмблемы. Так, применительно к российскому государственному гербу на печати, например, трактовка изображения всадника, колющего копьем змия, встречается, да и то в сжатом виде, в письменных источниках лишь со второй половины XVI в., т. е. полвека спустя после появления самой эмблемы в качестве именно элемента государственной геральдики. При этом интерпретация эмблемы может исходить от разных социальных и культурных слоев: официальных лиц, обладающих государственными полномочиями, например русских послов в европейских странах, представителей духовно-интеллектуальной среды и т. д. Иными словами, разница в восприятии эмблемы может быть довольно существенной, если к тому же учитывать авторскую индивидуальность создателей подобных интерпретаций³. Конечно, в этом случае наиболее существенна официальная трактовка, но дело осложняется тем, что и таких свидетельств немного – по сути первое законодательно официальное описание российского государственного герба (именно герба, а не печати) относится ко времени правления Павла I, а государственной печати – к 1667 г.

Поэтому в такой ситуации актуальным становится изучение не только государственных эмблем в целом, но и их взаимосвязанных элементов (под элементами здесь подразумеваются эмблемы, которые могут выступать и в качестве самостоятельных эмблем, но входят в общую композицию государственного герба, например короны над головами орла, змий под копытами коня всадника и т. д.), а также деталей изображения (тех особенностей изображения, которые имеют устойчивый, постоянный в определенном промежутке времени характер, хотя могут и изменяться, например положение крыльев орла, одежда всадника и т. п.) и, наконец, их пространственной соотношенности (взаимное расположение, поворот фигур и т. д.). Безусловно, каждое изображение государственного герба, особенно в эпоху Средневековья, несет на себе черты индивидуального «почерка» своего создателя-мастера. И в случае атрибуции отдельных изображений наиболее перспективным представ-

ляется анализ именно частных деталей и особенностей их изображения как бы на микроуровне (подобно методу «уликовой парадигмы», сформулированному К. Гинзбургом⁴). Но само по себе наличие элементов герба и деталей эмблем и их взаимная соотношенность, бесспорно, не случайны. Более того, они обнаруживают определенную устойчивость, позволяющую говорить о закономерностях в их бытовании (разумеется, с учетом и постепенной эволюции). Нельзя не согласиться с утверждением А.Л. Юрганова, что «для мышления средневекового человека не существует “праздных”, нейтральных с точки зрения мировосприятия изображений, выполняющих исключительно эстетическую функцию»⁵. Во многом это справедливо и для более позднего времени, особенно применительно к такой области, как геральдика. К сожалению, в отечественной исторической науке имеются лишь отдельные примеры такого анализа, которые тем не менее уже принесли весьма ощутимые плоды⁶.

Необходимо, впрочем, отметить, что происходившие изменения герба отнюдь не означали одномоментный и всеобщий переход к новым формам. Сила традиции была велика, и старые изображения еще могли продолжать использовать какое-то время, тем более, что, к примеру, отношение к государственным печатям, на которых и помещалось изображение герба, было очень внимательным, а сохранности старых печатей придавалось большое значение⁷. Поэтому важно именно первое появление изменения, которое не всегда можно определить с достаточной точностью. К сожалению, проблема сохранности материала применительно, в частности, и к печатям, дает о себе знать и здесь: множество документов русского Средневековья, а вместе с ними и оттисков печатей утрачено (можно упомянуть московский пожар 1626 г.)⁸, и даже наличие металлических матриц в музейных собраниях не обладает достаточной полнотой и хронологически не выходит за пределы конца XVII в.⁹ Отсюда неизбежно выводы исследования, выполненного на имеющемся материале, предполагают значительную степень приблизительности.

Историю российского государственного герба, по крайней мере до конца XVIII в., следует, разумеется, изучать прежде всего по памятникам сфрагистики, поскольку на государственных печатях и помещалось наиболее официальное геральдическое изображение¹⁰. Однако помимо печатей геральдические эмблемы присутствовали и на монетах (металлические денежные знаки), и на наградных «золотых» («нумизматические» по форме, но «фалеристические» по функциональности), и на знаменах (понятия государственного флага для допетровской Руси не существовало), имеются также многочисленные изображения в книгах (речь, конечно, не идет об «официальных» рисунках печатей и гербов, например в «Титулярнике» или в Полном собрании законов Российской империи), на предметах царского обихода, вооружения, декоративно-прикладного искусства и т. д. Количество форм здесь было очень велико и отличалось большим разнообразием¹¹ (не в последнюю очередь это зависело и от функциональных особенностей предметов, носителей гербовых изображений).

Казалось бы, логично предположить, что ближе всего к «каноническим» изображениям, эмблемам на печатях стояли изображения на монетах и наградных «золотых». Тем не менее это не так. Эти два комплекса изображений существенно отличаются не только друг от друга, но и от изображений на государственных печатях. «Изначальная нетождественность символических образов на монетах и печатях», отмеченная А.Л. Юргановым для конца XV–XVI в.¹², продолжала сохраняться вплоть до середины XIX в. (наблюдается она и сегодня). Поэтому, несмотря на весьма важное геральдическое значение нумизматического материала¹³, анализ государственного герба будет основываться прежде всего на сфрагистических источниках с привлечением и нумизматических, и фалеристических (в данном контексте – наградных «золотых»).

Задачами работы являются:

1. Анализ наиболее существенных трансформаций как государственного герба в целом, так и его элементов и

их интерпретаций в зависимости от культурно-исторического и идеологического контекста эпохи.

2. Выявление взаимосвязи и взаимовлияний стилистических особенностей изображения государственного герба и его семантики, иными словами, соотношения стилистического и смыслового аспектов эмблем.

3. Анализ пространственной соотнесенности эмблем и их локализации в рамках общей композиционной «топографии» герба с целью характеристики пространственно-ориентационных оппозиций (верх – низ, право – лево, центр – периферия) в российской государственной геральдике.

При этом основное внимание будет сосредоточено на композиционно сложных типах герба, причем таких, в которых появляются принципиально новые геральдические элементы, вписываемые в общую многофигурную структуру и вносящие в герб новое семантическое звучание.

1 От Ивана III до Ивана Грозного

1.1

Геральдические эмблемы на печати Ивана III и проблемы их изучения

В современной историографии первым памятником российской государственной геральдики считается красновосковая двусторонняя печать Ивана III (см. ил. 1), наиболее ранний экземпляр которой скрепляет жалованную меновную и отводную грамоту великого московского князя своим племянникам Федору и Ивану Борисовичам, датированную июлем 1497 г.¹⁴ Сохранились еще два экземпляра этой печати при двух документах 1504 г. (договор сына Ивана, Василия, со своим братом и жалованная грамота Ивана своим сыновьям)¹⁵. Кроме того, эта же (или подобная) печать скрепляла еще по крайней мере 5–6 актов¹⁶. Согласно исследованию В.А. Кучкина печать могла быть изготовлена в 1490 г.¹⁷

На лицевой стороне (аверсе) печати изображен всадник (без короны и нимба) с развешивающимся за плечами плащом, колющий копьем (?) в шею крылатого змия. Легенда по окружности представляет собой начальную часть титула Ивана III – субъектную, т. е. называющую самого государя¹⁸. На оборотной стороне (реверсе) печати помещено изображение двуглавого орла с закрытыми клювами и расправленными, но опущенными крыльями и двумя коронами над головами. По окружности идет заключительная часть титула (объектная), перечисляющая земли, на которые распространялась власть великого князя.

Обе эмблемы – и всадника, и двуглавого орла – породили множество интерпретаций и дискуссий в историографии. При этом прежде всего проводился поиск изображи-

тельных прототипов данных эмблем и делались попытки выявить их генезис на Руси. Определение изобразительного источника как бы само собой предполагало, что тем самым откроются возможности и для выявления семантики эмблемы. Но данная взаимосвязь все же представляется небесспорной: как уже отмечалось в историографии¹⁹, необходимо, очевидно, разделять изобразительный (иконографический) и смысловой аспекты, иными словами, стилистику самого изображения и семантику эмблемы. Безусловно, эти явления взаимосвязаны, но между ними может и не быть жесткой зависимости. Так, на стилистику изображения всадника вполне могли повлиять традиции иконографии Георгия Победоносца, но из этого автоматически не следует, что таковой смысл имела и сама эмблема печати, как и изобразительные прототипы двуглавого орла вовсе не с очевидностью объясняют его восприятие и значение в русском культурном и идеологическом контекстах.

Эмблему всадника («ездеца») зачастую возводят к изображениям на печатях русских князей с начала XIII в. и к эмблемам на монетах с рубежа XIV–XV вв.²⁰ Однако эти изображения весьма разнообразны и по форме, и по содержанию: всадник мог означать и святых (Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского и др.), и самих князей; различалось его вооружение (копье, меч) и другие детали («ездец»-сокольник). На печатях князей московской династии – непосредственных предков Ивана III – изображение всадника (без нимба) присутствует начиная с его деда Василия I, но сам Иван III, судя по всему, по крайней мере до конца 1470-х годов это изображение на своих печатях не помещал²¹. Существенно и то, что на печатях предшественников Ивана III отсутствует такой важный элемент эмблемы, как змий²². Он имеется только на печати последнего тверского князя Михаила Борисовича (его сестра была первой женой Ивана III), но там всадник вооружен мечом²³, и на монетах нескольких князей (Андрея Дмитриевича Можайского, Михаила Андреевича верейского, Ивана Андреевича Можайского), включая и отца Ивана III – Василия II, но здесь изображения столь же разнообразны (всад-

ник вооружен копьем или мечом), а если всадник и пронзает змия, то не в шею (как на печати 1497 г.), а в пасть²⁴. Следовательно, по всей видимости, тип изображения ездоца на печати 1497 г. более ранних полностью идентичных аналогов в русской сфрагистике и нумизматике не имеет. Иными словами, наличие лишь самого общего изобразительного типа – вооруженный человек на коне – не может, вероятно, ни являться стилистическим источником для всадника печати 1497 г., ни прояснить семантику самой эмблемы.

В то же время, казалось бы, стилистике всадника печати Ивана III наиболее близки изображения Георгия Победоносца в русской иконописи и декоративно-прикладном искусстве²⁵. В иконописи один из типов изображения сюжета «Чудо Георгия о змии» стилистически почти аналогичен всаднику печати 1497 г.²⁶ Однако и здесь обнаруживаются существенные отличия: у всадника на печати нет нимба над головой²⁷, он держит копье двумя руками (кажется, почти уникальный случай для иконографии Георгия Победоносца)²⁸ и колет змия не в пасть, а в шею. Поиски стилистических прототипов привели даже в северную Италию, а именно в Ломбардию, и тем самым была обоснована гипотеза об итальянском мастере – резчике печати 1497 г.²⁹ Аналог – опять-таки изображение Георгия Победоносца. Однако от того, какой мастер сделал печать 1497 г., вопрос о семантике самого образа всадника еще не снимается. Существенно то, какой смысл вкладывали в данную эмблему на Руси. Согласно наиболее распространенному мнению это символическое изображение правителя, князя, государя, защищающего свою землю от врагов, побеждающего их³⁰, о чем свидетельствуют и отсутствие нимба, и, правда, относящиеся к более позднему времени объяснения жителей Московского государства середины XVI–XVII в. (в отличие от иностранцев, склонных видеть в московском всаднике Георгия Победоносца): «государь на коне», «царь на коне победил змия»³¹.

Столь же дискуссионна и эмблема двуглавого орла. История самого символа изучена довольно подробно³², но

поиски прототипа российской эмблемы заставляли обращаться и к Византии, и к Священной Римской империи, и к Золотой Орде, и к балканским и причерноморским государствам. По-видимому, древнейшее в мировой культуре изображение двуглавого орла известно в Хеттской державе и относится к XIII в. до н. э.³³ Впоследствии двуглавый орел стал весьма популярен и на Востоке, включая арабский мир, и в Европе. Важно, однако, что двуглавые орлы в разных культурных традициях различались изобразительно и, что еще более существенно, семантически. Возможно, например, что в древнейших культурах двуглавость могла отражать «характерную двучленную (симметричную) структуру многих архаических мотивов, связанных с орлом»³⁴, или символизировать дуальную функцию правителя³⁵.

В Средние века возникла легенда, что двуглавый орел появился еще при императоре Константине Великом (или при других древнеримских правителях) и обозначал двуединство империи – Западной (Рима) и Восточной (Константинополя). При этом сама империя мыслилась единой, но с двумя государями во главе (единое тело орла и две головы)³⁶. Несмотря на то что реальных оснований эта легенда под собой не имеет, для прояснения семантики двуглавого орла в период его бытования в Византийской и Священной Римской империях она имеет большое значение. Ведь дело не в том, существовала ли сама эмблема двуглавого орла в Древнем Риме или нет, а в том, что в этом были убеждены в XIV–XV вв. Уже Джованни Виллани в своей «Истории Флоренции» (1348) разработал целую «генеалогию» римских геральдических орлов [одноглавые (?) серебряный орел в лазуревом поле у Гнея Помпея и золотой в червленом поле у Юлия Цезаря, черный орел в золотом поле у Августа, наконец, двуглавый орел у Константина Великого]. Впоследствии возникли разные варианты древнеримской «истории» орла, но цвета, относимые к орлам Цезаря и Августа, были, как правило, либо черный в золотом поле, либо золотой в червленом³⁷. Таким образом, поздние символы и их расцветка присваивались далекому

прошлому. Идеей о римском «наследии», конечно, и объясняется популярность двуглавого орла и на Западе, и на Востоке, в обеих империях, претендовавших на историческую преемственность от Римской³⁸. Генетическая близость московского орла с «римским» четко осознавалась на Западе³⁹.

Примечательно присутствие двуглавого орла, правда, весьма схематизированного, на монетах последнего тверского князя Михаила Борисовича (бежал в Литву в 1485 г.)⁴⁰, что может свидетельствовать о наличии подобной эмблемы на Руси еще до 1490 г.⁴¹ Изучение стилистики изображения орла на печати Ивана III привело исследователей к диаметрально противоположным выводам: или о вероятном византийском прототипе⁴², или же о сходстве с орлом Священной Римской империи⁴³. Первая точка зрения кажется более предпочтительной. И действительно, стилистически русский орел имеет вполне «спокойный», строгий вид (его крылья опущены, клювы закрыты), в то время как орел Священной Римской империи (ее государственный символ с 1430-х годов, времени правления императора Сигизмунда) имел раскрытые клювы, приподнятые концы крыльев и межперные фалды. Орел Ивана III весьма напоминает византийского орла, в частности с миниатюры второй половины XV в. из Евангелия, принадлежавшего Дмитрию Палеологу (здесь золотой двуглавый орел в червленом поле и три короны над головами орла, см. ил. 2)⁴⁴. В то же время две короны над головами русского орла, казалось бы, соответствуют двум нимбам (или нимбам и коронам) над головами орла империи Габсбургов, но наличие изображений орлов с двумя коронами и в византийской традиции, и на Балканах опять-таки не проясняет этот вопрос.

Несмотря на изобразительную схожесть русского орла с византийским, взаимное расположение эмблем на печати 1497 г. отсылает к европейскому образцу. Так, на печатях императоров Священной Римской империи XV в. [Фридриха III (1440–1493 гг.) и Максимилиана I (1493–1519 гг.)] на лицевой стороне помещалось изображение им-

ператора с регалиями, восседающего на троне, а на оборотной – двуглавого орла. Эта аналогия, или, как выразился Г.В. Вилинбахов, «схожесть символической модели печати», вроде бы подтверждает предположение, что и на русской печати всадник символически обозначает правителя, а орел – государство⁴⁵. О том же свидетельствует и легенда: если всадника сопровождает субъектный титул (называющий самого правителя), то орла – объектный (перечисляющий территории). А сама форма титула опять-таки соответствует тогдашней европейской традиции⁴⁶ (до Ивана III легенды на печатях русских князей были иными: в них присутствовало и само слово «печать»). Имперский характер русского орла сопрягается в историографии и с царскими претензиями Ивана III, и с установлением дипломатических контактов России со Священной Римской империей, а само создание печати объясняется конкретными дипломатическими задачами⁴⁷. Впрочем, Густав Алеф, с именем которого обычно связывают подробное обоснование гипотезы о европейском заимствовании двуглавого орла, полагал, что византийский «вариант» орла был принят Иваном III, дабы иметь царский символ, равный двуглавному орлу империи Габсбургов, но все же свой, т. е. типологическая аналогия в сочетании эмблем на печати и в общей семантике двуглавого орла вовсе не устраняла возможность поиска иных форм. В любом случае, очевидно, сама эмблема двуглавого орла символизировала не просто государство, а державу с притязаниями на особый, более высокий, нежели великокняжеский, статус, равный императорскому. Как император Священной Римской империи объединял под своей властью множество вассальных земель, так и московский великий князь был не только сюзереном князей удельных, но и властителем («господарем») многих других княжеств, утративших самостоятельность, чьи наименования вошли в великокняжеский титул. Подобие политической структуры (весьма, впрочем, условное) порождало и подобие государственной эмблематики.

Типологическая аналогия с габсбургским орлом в сочетании с отличающейся стилистикой изображения, отсы-

лавшей к византийской традиции, таким образом демонстрировала не просто «диалог» и «равновеликость» двух держав, но маркировала и определенное противостояние. Здесь вспоминаются слова Ивана III, переданные через московских дипломатов имперскому послу Николаю Поппелю, предложившему от имени императора Фридриха III в 1489 г. великому князю королевскую корону: «Мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители. ...А поставления как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим»⁴⁸.

При этом в данном контексте абсолютно несущественно, являлся ли двуглавый орел государственным гербом Византийской империи или нет (на самом деле нет). Замечание Н.П. Лихачева, которое обычно приводится для опровержения «византийской» версии: «Если будет доказано положение, что Византия (так же как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях императоров не помещала геральдического двуглавого орла, станет очевидно, что Московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела»⁴⁹, имеет значение, если рассматривать историю возникновения двуглавого орла на Руси в ракурсе исключительно заимствований и при условии неразрывности семантики эмблемы, ее изобразительной стилистики, функциональных особенностей ее носителя (в данном случае печати) и конкретных культурно-исторических взаимосвязей. Однако реальная ситуация была гораздо сложнее, и для изобразительного заимствования, например, вполне достаточно было и того, что сама по себе эмблема двуглавого орла (пусть и не выполнявшая функции государственно-геральдической) в Византии уже существовала. «Появление на русских печатях двуглавого орла, по мнению Г.В. Вилинбахова, служило одним из внешних выражений политической теории преемственности царской власти московскими князьями из Рима и Византии, подтверждением идеи Москвы – третьего Рима»⁵⁰. С этим трудно не согласиться⁵¹. В то же время для Руси, возможно, существенным в

этой эмблеме было не столько государственно-историческое ее значение, сколько статусное (имперский символ).

Итак, наиболее распространенной на сегодняшний день является гипотеза о появлении эмблемы русского двуглавого орла по аналогии (или даже благодаря прямому заимствованию) с государственным орлом Священной Римской империи (несмотря на изобразительную схожесть с негосударственным византийским орлом) и о постепенном формировании символа всадника на Руси, возможно, под воздействием иконографии Георгия Победоносца (или даже непосредственным заимствованием его изображения из Италии), но на печати Ивана III символически означавшего русского государя. Как видим, стилистические и семантические прототипы обеих эмблем при выявлении их генезиса остаются плохо согласованными друг с другом, что подтверждает идею о разности иконографического и смыслового характера геральдических изображений.

Детальный анализ самого изображения всадника привел А.Л. Юрганова к обоснованному выводу о глубинной связи этой эмблемы с эсхатологическими ожиданиями на Руси в преддверии 7000 года от Сотворения мира: «фигура царя-победителя в символе Русского государства знаменовала собой русского царя, которому суждено будет отдать власть Богу в Его Второе Пришествие». «По существу, – заключает историк, – это – символично-геральдическое воплощение идеи Третьего Рима, богоспасаемого царства. Особое значение имеет и то обстоятельство, что конь в этой композиции – сама православная вера, которую царь и государь должен сохранить в чистоте. Поражение змея скипетром-копьем – это уверенность в победе добра, торжества Христа в последней схватке со злом»⁵². Образ же Святого Георгия, по мысли исследователя, представляет собой иную, параллельную традицию, хоть изобразительно близкую, но семантически далекую – соединение обеих происходит значительно позже⁵³.

В контексте данного толкования более глубоко раскрывается и соотношение эмблемы всадника с эмблемой двуглавого орла⁵⁴. Символ православного государя поме-

щен на лицевой стороне печати – в преддверии ожидания Второго Пришествия и Страшного Суда он особенно актуализирован. Здесь же, в легенде печати, в титуле русского государя впервые появляется начальная часть «Божиею милостию», свидетельствующая о сакральном характере власти московского великого князя. При этом титул «великий князь» отходит на второй план, уступая место титулу «господарь всея Руси», указывающему на новый статус русского правителя⁵⁵. Если идея православного государя воплотилась в символе всадника (ездеца), то само царство присутствует на оборотной стороне печати и представлено эмблемой двуглавого орла. Ей соответствует перечисление тех земель, на которые простирается власть московского князя. Две короны над головами орла, очевидно, подчеркивали царский «характер» новой державы – отсутствие же короны на голове всадника, учитывая религиозно-эсхатологическую трактовку образа, вполне объяснимо: фигура всадника воплощала, скорее, духовную, нежели светскую идею. В этом плане взаимное расположение всадника и орла приобретает более глубокий смысл и примечательно, что оно (всадник на лицевой стороне печати, орел на оборотной) сохраняется довольно долго, вплоть до царствования Алексея Михайловича, когда изначальная обостренность символа всадника постепенно нивелируется.

Важно подчеркнуть и то, что ездец обращен в правую от зрителя сторону. Согласно правилам классической геральдики, как они сложились к XVI–XVII вв., правой считается сторона левая от зрителя, и наоборот. Таким образом, в геральдике взгляд идет не со стороны смотрящего на герб, а со стороны самого геральдического щита, вернее, рыцаря или герольда, его держащего. В этом случае все фигуры, находящиеся в движении, должны двигаться в правую геральдическую, т. е. в левую от смотрящего сторону, как бы навстречу противнику, а не отступая от него. В какую же сторону обращен всадник печати Ивана III? Анализ подобного европейского материала показывает, что в европейской сфрагистике того времени как раз нередки случаи поворота фигур, в частности всадников, в правую

сторону от зрителя. Иными словами, в случае эмблем на печатях преимущественным, вероятно, оставался взгляд смотрящего на печать, ибо воображаемое наличие некоего носителя печати не предполагалось.

Такое же направление движения (вправо от смотрящего) было характерно и для древнерусской иконографии Георгия Победоносца. Однако хорошо известно, что в иконописи изображение ориентировано по преимуществу на «внутреннюю зрительную позицию», т. е. соотношение правого и левого устанавливается от образа, а не от зрителя⁵⁶. Таково, например, соотношение правого и левого в системе иконостаса, устанавливавшееся относительно центрального образа – от иконы, а не от смотрящего на нее, хотя в отдельных случаях (фреска Киевской Софии с изображением Христа) известно соотношение правой и левой сторон от зрителя⁵⁷. Тем не менее на большинстве древнерусских икон Святой Георгий скачет в правую от зрителя, в левую «от образа» сторону. Таково положение всадника и на печати⁵⁸. Движение Святого Георгия влево в иконописи, возможно, объясняется тем, что в христианском искусстве, как правило, движением слева направо (для зрителя и соответственно справа налево для «внутреннего наблюдателя») обозначается направление времени (от настоящего к будущему, от прошлого к настоящему)⁵⁹. Для Святого Георгия подобное положение естественно, ибо он совершает подвиг, поражает змия, который будет побежден. Таким образом, на иконе разворачивается действие во времени, которому соответствует и направление движения самого Святого. Аналогичное направление движения всадника на печатях вполне могло сформироваться в общем контексте христианского религиозного искусства, а пространственная ориентированность всадника на печати Ивана III могла иметь прототипом как близкие европейские образцы, так и иконописную традицию. Хотя для сфрагистики, как уже отмечалось выше, нельзя исключить и преимущественное значение взгляда смотрящего на печать. В этом случае обращенность всадника направо, очевидно, была связана с традиционным представлением о правой стороне как благоприятной, положительной. Примечательно, что туда

же обращен и змий, но его движение прервано всадником (следует учесть и то, что змий угрожает пятке коня).

С конца XV в. наличие обеих эмблем на печатях русских государей стало постоянным. Аналогичную печать использовал и сын Ивана III Василий III. При этом стилистических изменений в изображениях не произошло. Следует лишь заметить, что если Иван III даже в начале XVI в. еще продолжал использовать печать с иным изображением⁶⁰, то при Василии III сочетание эмблем всадника и двуглавого орла становится единственным в великокняжеской государственной сфрагистике⁶¹.

Если изображения ездоца, разящего змия, и двуглавого орла стали с конца XV в. постоянными эмблемами на печатях московских государей, то в нумизматике дело обстояло иначе⁶². Изображения всадника на монетах Ивана III существенно различались: на деньгах («новгородках» и «московках») всадник мог быть вооружен или копьем, или саблей, причем змий, как правило, отсутствовал⁶³. Помещен он только на «новгородках», предназначенных, по видимому, для обращения на территории Казанского ханства, поставленного Иваном III в 1487 г. под контроль, о чем свидетельствует имя великого князя в арабской графике на их реверсе⁶⁴. Двуглавый же орел присутствует на мелких медных деньгах того периода – пулах, чеканившихся не только в Москве, но и в Твери, Новгороде и Пскове⁶⁵. У этого орла нет корон над головами, но общим своим видом он походит на сфрагистического орла, имея такие же опущенные крылья. На реверсе пул помещалась поясняющая надпись, в которой называлась сама монета, в то время как на реверсе «московок» и «новгородок» именуется правитель (хотя встречаются и имена мастеров-откупщиков, а также и некоторые изображения). Этот факт может, конечно, подтверждать семантику двуглавого орла как символа державы, объединившей разные земли, ведь пула чеканились в центрах бывших независимых государств, подчиненных Иваном III Москве. Различия в изображении ездоца на монетах и на печатях свидетельствуют скорее о параллельных традициях. О том, что на деньгах изображался именно

государь (вероятно, вне вышеупомянутой эсхатологической семантики, за исключением, быть может, денег Ивана III с арабской легендой), сообщают письменные источники. В середине 1530-х годов, в начале правления тогда еще малолетнего Ивана IV, проводится денежная реформа: «... а при великом князе Василье Ивановиче бысть знамя на денгах: князь велики на коне, а имея мечь в руце; а князь велики Иван Васильевич учини знамя на денгах: князь велики на коне, а имея копье в руце и оттоле прозвашеся денги копейные»⁶⁶.

Теперь на аверсе копейки помещалось изображение всадника с копьем, на аверсе деньги – всадника с мечом (или саблей), а на аверсе полушки, самой мелкой медной монеты, – изображение птички (голубя?)⁶⁷. На реверсе монет именовался сам государь, причем на реверсе полушки легенда состояла только из одного этого слова. В историографии хорошо прослежена эволюция изображения всадника на монетах XVI в. и по особенностям венцов на его голове (трехчастный венец, пятилучевая корона, великокняжеская шапка) и других деталей иконографии сделан вывод об отражении в эмблеме всадника на монетах образа самого царя, причем в контексте политических реалий того времени⁶⁸. Интерпретация ездоца на русских монетах как государя сохранялась неизменной вплоть до начала XVIII в. (по крайней мере, до 1704 г.⁶⁹).

Сложнее обстоит дело с интерпретацией птички на полушках. Условный схематизм ее изображения затрудняет идентификацию⁷⁰. Ясно лишь, что стилистически птичка не аналогична двуглавному орлу на пулах – она обращена в правую от зрителя сторону, ее крылья раскрыты, и она как бы готова к полету, хотя еще и не летит. Ближайший предшествующий по времени изобразительный аналог – птица на монетах князей тверской династии XV в.⁷¹ Символическое же значение этой эмблемы пока остается неопределенным.

1.2

Государственные печати Ивана Грозного.
Система печатей и вероятная семантическая
иерархия эмблем

Вернемся к сфрагистическому материалу. При Иване IV происходят следующие изменения эмблем на печатях. Клювы орла раскрываются, соответственно отчетливо изображаются языки, хотя крылья остаются опущенными⁷². Тем самым орел приобретает более воинственный вид. С середины XVI в. над головой всадника появляется корона, что вполне обоснованно связывается в историографии с принятием Иваном царского титула⁷³, а точнее, с признанием его Константинопольским патриархатом. Таким образом, сфрагистика несколько «запаздывает» по сравнению с нумизматикой. Это может в какой-то степени объясняться самим характером материала: монеты предназначались для внутреннего обращения, определенные же типы печатей скрепляли внешнеполитические документы. Возможности какой-либо политической демонстрации на международной арене были, разумеется, более ограничены, нежели внутри страны.

Появление над головой всадника короны при сохранении других изобразительных особенностей (в частности, копыта, пронзающего змия именно в шею) вроде бы свидетельствует о постепенной трансформации семантики символа ездеца от духовно-эсхатологического к сакрально-монархическому значению, эволюции, скорее всего, завершившейся в основных чертах ко времени правления Михаила Федоровича (о «рецидиве» апокалиптической семантики всадника на Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х годов см. далее). На формирование образа змееборца именно как царя, могло повлиять не только конкретное принятие Иваном Грозным царского титула и признание этого акта. В самом этом образе, по всей видимости, отражалось представление о царе как наместнике Бога на земле, а само изображение отсылало к сакральному первообразу царя земного – царю Небесному – змееборцу-

Христу⁷⁴. Тем самым акценты в семантическом диапазоне символа всадника постепенно смещались.

3 февраля 1561 г. «царь и великий князь печать старую меньшую, что была при отце его великом князе Василии Ивановиче, переменил, а учинил печать новую складную: орел двоголовой, а среди его человек⁷⁵ на коне, а на другой стороне орел же двоголовой, а среди его инърог (*единорог*)»⁷⁶. Такая печать, в частности, скрепила договор с Данией от 7 августа 1562 г.⁷⁷ Исследователи справедливо писали о «реформе печати», а значит и государственного герба⁷⁸. Ездец и орел, до того существовавшие отдельно, теперь соединились в единый эмблематический комплекс. Изображение всадника заняло место на груди двуглавого орла (см. ил. 3)⁷⁹.

При Иване Грозном складывается целая система государственных печатей⁸⁰. Две печати – двусторонние, вислые (привесные). Одна – «Большая» – скрепляла международные договоры, эмблемы на ее сторонах соответствовали реформе 1561 г. (на аверсе – орел с ездейцем, на реверсе – орел с единорогом), а легенда содержала полный царский титул. Вторая – «Малая» («кормленная») – скрепляла внутригосударственные документы, прежде всего жалованные грамоты, на ее аверсе изображался орел, на реверсе – единорог или же (чаще) на аверсе – ездец, на реверсе – орел. Легенда содержала малый титул государя.

Еще две печати были односторонними, прикладными. Одна из них – «Середняя» – скрепляла дипломатические акты более низкого ранга, чем международные договоры. На ней помещался орел с ездейцем, т. е. повторялось изображение аверса Большой печати, а легенда содержала сокращенный большой титул. Другая, вероятно, являлась личной печатью государя, на ней изображался или единорог, или двуглавый орел, или двуглавый орел с единорогом, причем легенды могло и не быть⁸¹. Этот тип печати существовал в XVI в. В первой половине XVII в. появилась так называемая «воротная» печать (носимая на шее), которой запечатывали внутригосударственные грамоты. Она была односторонней с изображениями ездеца или орла или орла

с ездецом. Итак, печати Московского государства были весьма разнообразны и по функциональному значению, и по наличию эмблем и легенд.

Наличие первоначально четырех печатей, причем и дву- и односторонних, демонстрирует весьма интересную структуру. В ней четко проявляется чередование дву- и односторонних печатей. Действительно, Большая печать – двусторонняя с «составными» эмблемами, Средняя – односторонняя, а по сути эмблем – лицевая сторона Большой, Малая – двусторонняя, с одинарными эмблемами одной из сторон Большой и, наконец, последний тип печатей – односторонняя, а по сути эмблем – одна из сторон Малой (или центральная часть оборотной стороны Большой). Тем самым преимущество в иерархии государственных печатей отдавалось не наличию двух или одной стороны⁸², а наличию тех или иных эмблем. Сложносоставные эмблемы (орел с ездецом или единорогом), вероятно, имели большее значение, чем одинарные (только орел, ездец или единорог), причем эмблема всадника имела большую значимость, нежели эмблема единорога. Орел же с ездецом был безусловно важнее орла без него. Но орел также обладал большей значимостью, если сравнить его с единорогом, что показывает взаимное расположение эмблем на одном из типов Малой печати (аверс – орел, реверс – единорог). Единорог же, которого в историографии начиная с В.Н. Татищева нередко считают даже личной эмблемой самого царя, по значимости уступал и ездецу, и орлу. Таким образом, при Иване Грозном выстраивается такая примерная семантическая последовательность государственных эмблем: ездец, орел и единорог. При этом наиболее значимой считалась не эмблема как таковая, а соединение эмблем. Соединение эмблем орла и всадника (всадник на груди орла) имело определенное семантическое «первенство» по сравнению с соединением орла и единорога (единорог на груди орла).

1.3

Эмблема единорога
и ее возможная семантика

Какой же смысл заключала в себе эмблема единорога? Согласно русским источникам XVI в. рог, или конкретнее рог инрога (единорога), мог символизировать «возвышение христианского царства», «рог спасения, данный Богом царю» (аллегория скипетра⁸³) и даже самого «великого государя»⁸⁴. Подобного рода образы, бесспорно, имеют библейский источник. В Евангелии от Луки (1, 68–69) явление Христа метафорически именуется «воздвижением рога спасения нашего». В Псалтири (91, 11) «вознесение» рога единорога служит метафорой приобщения к Господу и победы над врагами⁸⁵. Однако, несмотря на очевидный сакральный подтекст, в историографии распространено мнение, будто единорог Ивана Грозного символизировал верховную власть и силу московского царя⁸⁶, т. е. носил скорее светский, кратологический характер. По мнению же А.Л. Юрганова, единорог Ивана Грозного олицетворял собой власть Христа, что было особенно актуально для середины XVI в., когда эсхатологические ожидания «обострились до предела»⁸⁷. В то же время единорог появился на государственных печатях в начале 1560-х годов, когда царский титул Грозного наконец-то признали главы восточных православных церквей, прежде всего Константинопольский патриарх⁸⁸.

Собственно сама эмблема единорога была известна на Руси и раньше (печать Василия Михайловича верейского, чарка Семена Ивановича калужского)⁸⁹. В частности, на золотых «корабельниках» Ивана III единорог занимал место четырех английских львов между концами креста⁹⁰. В средневековой русской культуре единорог мог символизировать: Христа и непорочное зачатие⁹¹; Христа, помогающего падшему человеку; человека, не забывающего о Боге и возносящего молитву (единорог трижды в день славит Бога, обратиться на восток); человека, вооруженного «крепостью Христовой» против еретиков, и, наконец, даже

беса, одолевающего человека, и смерть⁹². Таким образом, этот символ, бесспорно, обладал широкой полисемантичностью: от обозначения Христа до обозначения смерти. Примечательно, однако, то, как единорог изображался на печатях Ивана Грозного и его преемников. Он идет, можно сказать шествует, опустив голову, и потому его рог направлен вниз. При этом одна из передних лап единорога поднята (как правило, дальняя от зрителя)⁹³. Такая поза весьма близка изображению единорога на миниатюре из лицевого списка «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова (1495)⁹⁴.

Для прояснения семантики эмблемы единорога важно, думать, обратить более пристальное внимание на толкование царского скипетра в послании новгородского архиепископа Пимена Ивану Грозному (1563): «Владыка Господь... воздвиге рог спасения нашего тебе, боговенчанного царя, и вручил ти есть скипетро Российскаго царствия, жезл силы, жезл достояния, устрояюща словеса на суде, храняща истину в веки, творяща суд и правду посреде земля и непорочным путем ходяща»⁹⁵. Здесь Господь вручает царю не просто скипетр, знак силы и власти, но делает его залогом спасения, хранителем истины и установителем правды на земле. Таким образом фигура царя приобретает те самые функции «исполнителя воли Божьей по наказанию человеческого греха и утверждению истинного „благочестия“»⁹⁶, которые столь ярко проявились в опричной политике Ивана Грозного. В контексте эсхатологических ожиданий, в преддверии скорого Страшного Суда слова Пимена приобретают особое значение. Символ единорога не только является символом Христа, но он означает и власть православного государя как духовного судии и символизирует веру в будущее Второе Пришествие⁹⁷.

В таком случае получает объяснение и взаимное расположение эмблем на государственных печатях. И ездец, и единорог соединяются с орлом. Они помещаются на щитки в центр символа Московского царства. «Действие» (борьба со змием и шествие единорога) осуществляется как бы на фоне пространства Московской державы. Зримо очерчи-

вается то место, где будет происходить последняя борьба со злом. На обеих сторонах печати 1562 г. и всадник, и единорог движутся в одну сторону (вправо от зрителя). Единорог как бы следует за всадником. Православный государь, разящий зло, сменяется государем, идущим ко Христу. Единорог шествует вправо от зрителя (ср. обращенность единорога на восток в одном из толкований), он опускает голову, смиренно склоняясь пред Господом, а его рог направлен вниз, в направлении поверженных грешников.

Соединение орла с единорогом происходит и на «золотых» Ивана Грозного⁹⁸, Федора Иоанновича и их преемников, вплоть до Федора Алексеевича включительно⁹⁹. Но с Большой печати царя Федора Иоанновича единорог исчезает. Вероятно, символ, актуальный для Ивана Грозного, становится менее значимым для его преемника. На обеих сторонах Большой печати 1589 г. в щитке на груди орла изображен ездец¹⁰⁰. В начале XVII в., уже при Борисе Годунове, единорог вновь возвращается на реверс Большой государственной печати¹⁰¹ и остается там до середины XVII в., времени правления царя Алексея Михайловича. Следует думать, что в XVII в. эмблема единорога постепенно утратила свой христианско-эсхатологический смысл, все более воспринимаясь в качестве личной эмблемы московского царя¹⁰². Тесную связь символики единорога с образом государя в какой-то степени подтверждает и то, что в конце XVI–XVII в. единорог присутствует на печатях приказа Большого прихода, а затем Большого дворца¹⁰³.

1.4

Большая государственная печать
Ивана Грозного

В период правления Ивана Грозного титул московского царя существенно увеличился. Поэтому на Большой печати он уже занимал несколько строк. Количество строк царского титула первоначально равнялось трем на каждой стороне¹⁰⁴. Титул читался по каждой

окружности, сверху вниз, от края печати к центру, где находились эмблемы. Иное расположение титула являет Большая печать Ивана Грозного конца 1570-х годов (наиболее обоснованная датировка по крайней мере завершения работы над печатью – между июнем 1577 г. и августом 1578 г.)¹⁰⁵, которая представляет собой совершенно особое, уникальное явление в средневековой российской геральдике (см. ил. 4). По сути, это первая сложная геральдическая композиция в истории российского государственного герба.

В середине («среднике») печати на лицевой стороне изображен двуглавый орел с ездоцем, а на оборотной – с единорогом. Орел увенчан только одной короной над обеими головами. Над самой же короной помещен православный восьмиконечный крест с буквами IC XC. Еще выше в круге расположен крест на Голгофе с орудиями страстей Христовых и головой Адама, окруженный надписью: на лицевой стороне – «Древо дарует древнее достояние», на оборотной – «Христова хоругвь христианам похвала». По окружности идут по двенадцать эмблем с каждой стороны (называемые печатями) тех территорий, названия которых входят в объектный титул легенды печати. Сама легенда (титул) идет по двум окружностям с каждой стороны. Вначале по окружности, в центре которой помещен орел, т. е. по окружности «средника», затем по внешнему краю печати. Таким образом подчеркивается первостепенное значение эмблем в центре печати, а затем «охватывается» и внешняя окружность с земельными эмблемами.

«Печати» земель помогают определить соотношение правой и левой сторон для всего изображения. Как уже отмечалось в историографии, порядок расположения этих эмблем соответствует порядку их перечисления в титуле¹⁰⁶. Причем сначала следует эмблема, находящаяся в верхнем ряду справа от орла и креста, затем находящаяся слева, потом находящаяся во втором ряду справа, затем – там же слева и т. д. Такой порядок, конечно, не случаен. И действительно, «согласно местническим правилам при фланговом порядке расположения (полков, лиц и т. д.)

в боевых порядках и церемониях («правая и левая рука» в полках, рынды по обе стороны трона и т. д.) соблюдалось старшинство «справа налево» (или если лицом к государю, то наоборот)»¹⁰⁷. Такая традиция позволяет определить правую и левую стороны для печати 1577 г. Взгляд здесь идет не со стороны смотрящего на печать, а со стороны самих центральных эмблем, что обуславливается наличием эмблем территориальных. И это соотношение сторон соответствует европейским геральдическим правилам.

Следовательно, всадник на груди орла на лицевой стороне печати движется в левую сторону, а единорог – на оборотной стороне – в правую. Напомню, что на печатях, где присутствуют эмблемы только орла, всадника и единорога, всадник и единорог оба обращены в правую сторону от зрителя. На печати же 1577 г. единорог повернут в левую от зрителя сторону, но в правую от самой печати. Всадник же сохранил свое расположение по отношению к смотрящему на печать. Движение единорога в правую, семантически «благоприятную», сторону понятно и не нуждается в специальных объяснениях. Движение же всадника влево можно объяснить сохранением традиции предшествующих изображений на печатях, однако в таком случае не совсем ясно, почему развернулся единорог.

Если всадник сохраняет свое значение в качестве символа православного государя, вступающего в борьбу с силами зла в преддверии Страшного Суда, то, возможно, его обращенность влево находит дополнительное объяснение: всадник как бы скачет в направлении этого самого мирового зла, разя змия, обращенного в ту же сторону. Единорог, напротив, движется вправо, символизируя следующий этап – смиренную передачу власти Христу. В то же время, если соотнести эмблемы аверса и реверса, окажется, что всадник и единорог как бы движутся навстречу друг другу. Получается, что смена одной эмблемы другой, как это было на предшествующих печатях, уступает место их встрече. При этом, возможно, корректируется семантика всадника: символически обозначая русского государя, представителя «земной» власти (над головой всадника появляется

корона), он соотносится с символом духовной власти – единорогом. Тем самым достигается их единство в общей идее власти московского царя. «Уподобление власти царя власти Божьей, по мысли А.Л. Юрганова, не прошло мимо сознания Ивана Грозного и стало едва ли не главным мотивом его деятельности»¹⁰⁸. Духовное содержание царской власти в России получает в эмблемах данной печати особенно яркое символическое воплощение.

Сам принцип кругового расположения земельных эмблем отвечает европейской традиции, в частности печатей Священной Римской империи и польского короля (одновременно великого князя литовского)¹⁰⁹. Европейские геральдические аналогии находит и поворот этих эмблем по направлению к центральной композиции (принцип «геральдической учтивости»). Исключение составляют только стрела («печать Сибирская») и лук со стрелой («печать Вятцкая»), но их поворот от центра выглядит вполне объяснимым: конечно, стрелы не могли быть направлены на орла, иначе они как бы угрожали ему.

Обращает на себя внимание количество эмблем – их по 12 на обеих сторонах печати, а всего 24. Это число не полностью соответствует количеству объектов, перечисленных в титуле. Начальные титульные объекты – владимирский и московский – не представлены никакими эмблемами [такое положение, кстати, сохраняется вплоть до XVIII в., вероятно, это объясняется неразделенностью понятий русского государства и московского царства в то время – в качестве эмблемы последнего мог восприниматься и всадник, и сам двуглавый орел (в «Титулярнике» 1672 г. именно он назван московским гербом)]. В то же время Лифляндия представлена сразу тремя эмблемами, что, разумеется, говорит об особой актуальности территориальных притязаний Ивана Грозного. Напомним, что печать создавалась в годы Ливонской войны¹¹⁰.

В историографии делались попытки истолковать эмблемы земель в духовно-символическом смысле, в частности находя их источник в текстах Физииолага и Псалтири. Правда, характеристика соответствующих животных, за

редкими исключениями (олень и голубь), оказывалась скорее негативной¹¹¹. Это объяснялось якобы отраженной в эмблемах печати идеей христианизации языческих народов, что мало подходит для большинства упомянутых территорий: лишь немногие из них имели тюркское или финно-угорское население, большинство эмблем относятся к землям Древней Руси. В конечном итоге Н.А. Соболева, например, склонна видеть в эмблемах печати символическое выражение не конкретных территорий, а неких идей¹¹², т. е. в собственно геральдическом значении этим эмблемам отдают предпочтение.

При внимательном анализе всего комплекса этих эмблем становится очевидно, что определенно сложное символическое значение имеют только четыре из них [казанский дракон-василиск, сложная новгородская эмблема, волк с короной над головой, служащий эмблемой царства Астраханского, и трон с княжеской шапкой, усвоенный великому князю Смоленскому (позднее эмблема Твери)], а еще четыре, относящиеся к ливонским землям, имеют европейское геральдическое происхождение. Все остальные эмблемы – это изображения или оружия (в трех случаях), или животных (большой частью вполне естественных для российских земель) и, вероятно, могут объясняться как эмблемы именно конкретных территорий.

Окружение центральных эмблем печати территориальными, казалось бы, прежде всего демонстрировало их политическое объединение под властью московского государя и служило символом единства его державы. По всей видимости, ту же функцию выполняла и одна корона над головами орла: она подчеркивала *единодержавную* царскую власть, а православный ее характер явствовал из символа восьмиконечного креста, водруженного над нею.

Но если сами «печати» все-таки символизируют конкретные территории, то их количество (по 12 на каждой стороне, а всего 24), по-видимому, не случайно и может иметь глубокий духовно-религиозный смысл¹¹³. С одной стороны, сакральное число 12 хорошо объясняется библейской традицией, где, как известно, встречается неоднократно

но. В частности, 12 – число колен Израилевых, и потому, возможно, оно как нельзя лучше подходило для обозначения «конгломерата» земель и народов. С другой стороны, числа 12 и 24 присутствуют в «Откровении Иоанна Богослова», где число 12 служит одним из способов описания небесного Иерусалима, а 24 старца восседают на престолах вокруг престола Господня в картине Второго Пришествия и Страшного Суда. Вероятно, 12 ступеней, которые вели к трону московских царей при их венчании на царство¹¹⁴, также восходят к апокалиптическому образу Святого града, стена которого имела 12 оснований.

Столь же символичен и Голгофский крест, который как бы увенчивает всю композицию печати¹¹⁵. Это не просто символ «правоверного, причем единственного правоверного царства»¹¹⁶. Таковую символическую функцию выполняет, скорее всего, другой крест – восьмиконечный, увенчивающий корону. Голгофский же крест с орудиями страстей Христовых и головой Адама – символ спасения всего человечества, искупления его грехов. В православной церкви, кроме того, и крест схимнический, и крест погребального савана. Таким образом, и он, очевидно, несет эсхатологическую смысловую нагрузку.

Привлекает внимание и взаимное расположение надписей вокруг креста на обеих сторонах печати. Основная идея надписи аверса – «Древо дарует древнее достоинство» – искупление страданиями Христа грехов всего человечества, надписи реверса – «Христова хоругвь христианам похвала» – вера в торжество конечного спасения христиан. Таким образом, первая надпись эсхатологична и семантически связана со страданиями ради искупления грехов, вторая более «оптимистична» и демонстрирует твердость веры и надежду на Божию милость. Тем самым обозначаются как бы два этапа: грядущий Страшный Суд и торжество Христа и праведных христиан. Существенно, что эти идеи абсолютно точно соответствуют центральным эмблемам на груди орла. Первая – эсхатологическому всаднику, карающему грешников; вторая – единорогу, символизирующему Второе Пришествие Христа. А если вспомнить, что церковная

хоругвь (о хоругви как метафоре Голгофского креста прямо говорит надпись на реверсе) знаменует собой крестный ход – путь ко Христу, то значение символа единорога раскрывается с еще большей полнотой. Таким образом, все эмблемы печати представляют собой единое смысловое пространство, будучи семантически соотнесенными друг с другом.

Всадник и единорог, Голгофский крест, 24 печати земель – все это раскрывает особое духовно-мистическое, религиозно-апокалиптическое содержание печати Ивана Грозного. В этом смысле она близка тем идеям, которые воплотились в политике опричнины, по сути являвшейся, как показал А.Л. Юрганов, реализацией царем задачи наказания зла в преддверии Страшного Суда¹¹⁷. Царь Иван выполнял как бы роль и мирского, и духовного судии, мысля себя последним православным государем, на которого возложена высокая миссия наказания человеческого греха, причем не только в масштабах своей страны. Ливонская война казалась ему воплощением этой борьбы с еретиками «германцами», и недаром эмблемы Ливонской земли вошли в число земельных печатей¹¹⁸. Печать 1577 г. не только выражала государственно-политические идеи, но и несла прежде всего мощный духовный заряд – была своего рода апокалиптическим символом московского царства, и, конечно, личность Ивана Грозного сыграла здесь решающую роль. Недаром тип герба этой печати просуществовал очень недолго. Уже ближайшие преемники Ивана Грозного ослабили это семантическое «звучание», оставив лишь центральные изображения и «установив» Голгофский крест между головами орла. И даже сам принцип расположения земельных эмблем вокруг центральных исчез из русской государственной геральдики, по крайней мере, на столетие.

2 От Федора Иоанновича до Алексея Михайловича

2.1

Геральдические эмблемы на печатях царей
конца XVI – первой половины XVII в.
«Земская» печать с одноглавым орлом

На Больших печатях царей Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича на головах орла две короны, а между головами Голгофский крест (но без главы Адама и орудий страстей) (см. ил. 5). Исчезновение единственной, центральной, короны¹¹⁹ может объясняться тем, что на этих печатях отсутствуют земельные эмблемы, а композиционная замена короны крестом, как уже отмечалось в литературе, может символизировать православный характер Московского царства¹²⁰. Крест мог быть особенно актуален для религиозного царя Федора: земному царству он явно предпочитал Царствие Небесное, и эта духовная составляющая герба была усилена. Причем крест не просто венчает композицию, он как бы органично вырастает из самой центральной эмблемы герба, соединяясь с ней.

Примечательно, что единорог, который также сохраняется на Больших печатях в первой половине XVII в., «возвращается» к повороту направо от смотрящего – отсутствие территориальных эмблем вокруг главной фигуры возвращает традиционную ориентацию в соотношении правого и левого.

Существенно иное изображение российского герба наблюдается на прикладной односторонней печати Лжедмитрия I 1604 г., когда он еще титуловался «царевичем Московским»¹²¹. Здесь орел приобретает новый внешний вид: его крылья подняты и распушены, между перьями по-

явились фады, всадник в щитке на груди орла повернут влево от зрителя, он колет змия копьем в пасть и напоминает западноевропейские изображения Георгия Победоносца (см. ил. 6). Между и над двумя головами орла появляется третья корона, по форме и размеру отличающаяся от двух меньших¹²². Исследователи справедливо объясняют эти изменения тем, что печать, очевидно, изготовил польский мастер, о чем свидетельствуют и некоторые лингвистические особенности легенды, и само изображение¹²³. Внешний вид орла с центральной третьей короной и всадником, обращенным в «правильную» геральдическую сторону, отсылает к печатям и гербам Священной Римской империи и Польского королевства. Подобное изображение встречается и на одной из золотых медалей Лжедмитрия, по-видимому, созданных в Кракове в 1605 г. по случаю его обручения с Мариной Мнишек¹²⁴. Когда же Лжедмитрий становится московским царем, то традиционные формы изображений российского герба возвращаются¹²⁵. Так что изменения 1604–1605 гг. следует скорее считать случайными, нежели видеть в них источник для дальнейшей эволюции герба.

Первое и второе ополчения («Совет всей земли») использовали так называемую «земскую» печать с одноглавым орлом (державшим в лапах змею?)¹²⁶. На этой печати не было никаких атрибутов власти и элементов прежнего герба. Одноглавый орел, видимо, обозначал «государство без государя», но стилистически отличался от двуглавого: его тело было слегка развернуто влево от зрителя, а голова повернута вправо. Это изображение вряд ли можно поставить в ряд российских геральдических орлов, скорее оно отсылает к эмблемам на печатях частных лиц, где нередко были античные и западноевропейские сюжеты¹²⁷.

2.2

Изменения государственных геральдических эмблем при Михаиле Федоровиче

В гербе на печатях первых Романовых державно-политическая семантика усилилась. При Михаиле Федоровиче происходят следующие трансформации государственного герба. Во-первых, по наблюдениям А.Л. Юрганова, всадник поражает змия уже не в шею, а в пасть (печать 1627 г.)¹²⁸, что стилистически сближает ездоца с образом Георгия Победоносца, хотя такое сопоставление еще не вербализуется. Ездец же во второй половине XVI–XVII в. обычно трактуется как изображение государя. Во-вторых, на Малых печатях Михаила Федоровича – «орловской воротной» с 1625 г. (см. ил. 7) и «двойной кормчей» с 1627 г. (см. ил. 8) – над и между головами орла появляется третья, большая по размерам корона¹²⁹ (три короны над головами орла изображены уже на доспехах Михаила Федоровича 1616 г.¹³⁰). С 1645 г. третья корона присутствует и на Большой государственной печати¹³¹.

Символические объяснения трех корон относятся к более позднему времени. Для печатей же Михаила Федоровича существенно не только то, что центральная корона больше двух других, но и то, что она принципиально от них отличается по стилистике изображения. Три короны здесь еще не составляют как бы единого комплекса. Третья корона венчает все изображение в целом, всю эмблему коронованного орла и, следовательно, не предполагает единой интерпретации с двумя другими.

Прояснить семантику третьей короны позволяет царская грамота, посланная в феврале 1625 г. воеводе Ивану Ивановичу Баклановскому в Туринский острог, в которой говорилось о введении новой печати с Благовещения, 25 марта 1625 г.: «По нашему указу сделана наша печать новая, больше прежние, для того, что на прежней печати наше Государское титуло описано было несполна; а ныне перед прежнюю печатью прибавлено на печати в подписи, в нашем Государском именованьи: „Самодержец“; а что

у прежней нашей печати были промеж глав орловых слова, и ныне у новыя нашия печати слов нет, а над главами у орла коруна»¹³².

Этот текст однозначно свидетельствует, что произошедшее изменение объяснялось необходимостью символически отобразить титул «самодержец». Третья корона, напрямую семантически не связанная с двумя меньшими, и была в данном случае наиболее подходящей эмблемой. И хотя слово «самодержец» в царском титуле появилось уже при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове¹³³, только Михаил Федорович символически отобразил новый статус московского государя. Причем произошло это сначала лишь на Малых печатях, скреплявших внутригосударственные акты, и лишь спустя два десятилетия на Больших, скреплявших прежде всего акты внешнеполитические. Такое положение вполне объяснимо с учетом того, что признание прав Романовых на российский престол на международной арене было долгим и небезболезненным.

2.3

Государственный герб на печати 1667 г.

Еще более показательной в отношении государственно-политических идей стала Большая печать Алексея Михайловича 1667 г., созданная после окончания войны с Речью Посполитой за Левобережную Украину (см. ил. 9). В царском указе изображение на печати впервые именуется гербом. В его описании преобладает светская, кратологическая трактовка. Указ Алексея Михайловича «О титуле царском и о государственной печати» от 14 декабря 1667 г. содержит следующее официальное описание нового государственного герба: «Орел двоеглавный есть герб державный Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, Его Царскаго Величества Российскаго Царствия, на котором три коруны изображены, знаменующия

три великия, Казанское, Астраханское, Сибирское, славныя Царства, покоряющиеся Богом хранимому и высочайшей Его Царскаго Величества милостивейшаго Государя державе и повелению. На правой стороне орла три грады суть, а по описанию в титуле Великия и Малыя и Белыя России, на левой стороне орла три грады своими писаньми образуют Восточных и Западных и Северных; под орлом знак отчича и дедича; на персех (*грудь*) изображение наследника, в пазноктях (*пазнокть* – *последний сустав пальца, на котором растет ноготь*) скипетр и яблоко и являют милостивейшаго Государя, Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя»¹³⁴. Каждый элемент герба трактуется в соответствии с тем или иным элементом царского титула, помещенного на печати: «Божиею милостию мы, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец и многих государств и земель Восточных и Западных и Северных отчич и дедич и наследник и государь и обладатель». Таким образом, весь царский титул отражен во всей совокупности эмблематических изображений. Само же изображение герба не только отражает титул, но и соответственно «выстраивается» в зависимости от его элементов (как это было и в случае Большой печати Ивана Грозного и сохранилось впоследствии при создании новых государственных гербов в императорский период).

В гербе 1667 г. мы видим целый ряд существенных эмблематических изменений, которые восходят к печати жалованной грамоты Алексея Михайловича Богдану Хмельницкому 1654 г., изображение с которой позднее перешло на печать Малороссийского приказа¹³⁵, образованного после присоединения Левобережной Украины к России. Следует думать, что эти изменения в значительной степени обязаны «малороссийской эпопее» Алексея Михайловича.

Крылья орла (впервые после кратковременного эпизода Лжедмитрия I) поднялись и расправились (между перьями заметны фады), а в лапах появились знаки царской власти: в правой – скипетр, в левой – держава. Скипетр, как

следует из текста указа, соответствовал слову «самодержец», а держава – слову «обладатель». В целом же государь и его власть символически воплощались в ряде элементов герба и во всей их совокупности.

При этом эмблема всадника на груди орла соответствовала слову «наследник» царского титула. Таким образом, она также как бы символизировала самого государя, но через его титулование «наследником». Следует учитывать и тот факт, что понятие наследника, наследия, преемственности власти приобрело особенную актуальность именно в 1667 г. Первого сентября этого года (на новогодие 7176 г. от Сотворения мира) состоялось торжественное официальное объявление наследником престола сына Алексея Михайловича царевича Алексея Алексеевича (1654–1670). Это был очень значимый династический акт, подчеркивавший преемственность престолонаследия в новой царской династии (напомню, что сам Алексей Михайлович наследником не объявлялся, а вопрос о правах Романовых на русский престол в международном контексте был существенным в течение нескольких десятилетий после венчания Михаила Федоровича на царство). То, что понимание геральдического всадника в качестве «наследника», возможно, в какой-то степени сопрягалось с таким новым явлением государственной жизни, как официальный наследник русского престола, вроде бы подтверждается недолгим бытованием такой трактовки: уже к концу царствования Алексея Михайловича вернулось традиционное объяснение всадника как символического обозначения царя¹³⁶.

Интересно геральдическое окружение орла. Появление скипетра и державы в лапах орла (с тех пор почти всегда ставших обязательными атрибутами) в качестве символов самодержавной власти царя как будто ослабляло первоначальную семантическую «нагрузку» третьей короны. И действительно, теперь три короны обозначали три царства: Казанское, Астраханское и Сибирское. Подобное объяснение известно еще с 1630-х годов (Адам Олеарий: царства Русское, Астраханское и Казанское¹³⁷), но официально оно закрепляется только в 1667 г.

Изменению семантики эмблем, в данном случае корон, сопутствует и изменение стилистики их изображений: внешний вид корон становится одинаковым, а две короны, венчавшие головы орла, поднимаются над ними и отрываются от них. Таким образом, три короны теперь представляют собой единую эмблематическую систему.

При этом, очевидно, центральная корона символизировала Казанское царство, правая – Астраханское и левая – Сибирское. Любопытно, что титул «всея Сибирския земли повелитель» появился уже при Иване Грозном с 1555 г.¹³⁸, но первоначально находился в заключительной части титула. При Борисе Годунове с 1599 г. появляется титул «царь Сибирский», который перемещается на третье место в перечне царств и следует за Казанью и Астраханью¹³⁹.

Семантика корон как символов трех ордынских царств имеет глубокие основания. Обладание тремя царствами как бы легитимировало и царский титул московского государя, резко повышало его статус. Недаром такое большое значение придавалось присоединению Казанского ханства при Иване Грозном. Как показала М.Б. Плеханова, обладание царственным градом, Казанью, становилось своего рода источником царственной силы и для Москвы¹⁴⁰. Обладание тремя царствами, бесспорно, укрепляло «царственность» Московского царства еще больше – это было уже не просто царство, а в некотором смысле «царство царств». По своему статусу царства стояли выше, чем все остальные объекты царского титула, и их семантическое сопряжение с коронами кажется вполне закономерным. А поскольку царств было три (такое положение сохранялось до начала XIX в.), то изменение семантики трех корон, а вслед за ней и стилистики самих изображений, стало закономерным.

Не случайно трактовка корон как символов царств особенно подчеркивалась в отношении с европейцами: первое такое объяснение мы встречаем в записках иностранца. Со временем смысловое значение корон изменилось, и та семантика, которую они имели при Михаиле Федоровиче (символ самодержавия, власти Московского государя), реанимировалась. Это, впрочем, не привело к обратному

изменению их внешнего вида. Все три короны остались однотипны, в первой половине XVIII в. приняв вид императорских¹⁴¹.

Помимо трех царств на печати 1667 г. появились еще две триады эмблем. С правой стороны орла (при этом взгляд шел от орла) три города означали Великую, Малую и Белую России. Это титулование, появившееся при Алексее Михайловиче, свидетельствовало о присоединении исконных «русских», вернее древнерусских, земель. Новое изображение герба, о котором идет речь, появилось, напомним, после заключения Андрусовского перемирия с Речью Посполитой, закончившего войну за Левобережную Украину. Территория Московского государства существенно увеличилась за счет славянских земель. Расположение эмблем трех «Россий» сверху вниз соответствовало порядку их перечисления в титуле.

Менее очевидно значение еще трех эмблем – с левой стороны орла. Три города означают «Восточные, Западные и Северные страны». Что подразумевалось под этими понятиями, не совсем ясно. Скорее всего, они носили условный географический характер – власть московского царя распространяется на земли в трех частях света, причем как на востоке, символически благоприятном, так и на значительно менее «позитивных» западе и севере¹⁴². При этом восток, естественно, занимал первое место в титуле и верхнее место в ряду эмблем, запад – второе и среднее (вероятно, простая оппозиция востоку), а север (как наименее «благоприятная» сторона света) – третье и нижнее. Конкретная географическая локализация этих понятий, еще раз подчеркнем, вряд ли возможна.

Интересна, однако, история их появления в титуле. Так, слова «и иным многим землям Восточным и Северным государь» известны в интитуляциях грамот с середины 1510-х годов и идут сразу после слов «государь всеа Руси». В 1554 г. они, претерпев трансформацию, перешли из начала титула в конец («Востока и всея Северные страны повелитель»)¹⁴³, а с 1555 г. место «Востока» заняла Сибирь – «всея Сибирские земли и Северные страны по-

велитель». При Борисе Годунове в связи с перемещением слов «царь Сибирский» в начальную часть титула оба понятия оказались разорванными¹⁴⁴. Все же три атрибута вместе – «Восточная, Западная и Северная страны» (государства) – появляются впервые, как можно думать, в интитуляции грамоты ноября 1585 г. царя Федора Ивановича: «и иных многих государств государь, Восточных, и Западных, и Северных, отчич, и дедич, и наследник»¹⁴⁵. Таким образом, если сначала Сибирь и могла отождествляться с Востоком (ибо заняла его место в титуле), то со временем эта соотнесенность перестала осознаваться (ибо в титуле могли присутствовать одновременно оба объекта – и Сибирь, и Восток). В 1656 г. русские дипломаты так объясняли объекты титула: «...за великим государем нашим в тех странах государства есть: на востоке – царство Казанское и Астраханское, а на Западе и Севере – Сибирское царство и иные многие города и места»¹⁴⁶. Эту весьма условную ориентировку не следует принимать во внимание при анализе печати, поскольку татарские царства символизировали короны.

Исходя из структуры титула можно заключить, что первоначально «Восточная и Северная земли», находясь перед конкретными географическими объектами и следуя после атрибута «всеа Русии», обобщенно очерчивали территориальные пределы владений московских государей, простиравшихся как на восток, так и на север. Иными словами, они определяли пространство, а далее в титуле шла конкретная локализация земель. Когда же атрибут «Северная страна» стал помещаться в конце титула, то его смысловое значение оказывалось иным: «Северная страна» не «покрывала» конкретные объекты, а выполняла роль условного географического ориентира. При наличии же всех трех обозначений («Восточных, и Западных, и Северных») к ним вновь возвращалось географически обобщающее значение.

То, что «Сибирь» и «Северная страна» стояли в титуле рядом, могло в какой-то степени способствовать их смысловому сопоставлению [после того как обозначение Сибири

ушло в начало титула, атрибуту «Северная страна» стали предшествовать «Болгарский» (в кратком варианте титула) или «Кондинский» (в полном)]. В «Титулярнике» 1672 г. «Северная страна» обозначена конем с двумя звездами (позднее эта эмблема стала гербом Иверии, т. е. грузинских земель)¹⁴⁷. Уже во второй половине XIX в. в росписях царского кабинета Теремного дворца подобная эмблема (конь со звездой) обозначена как Томская и сопоставлена, таким образом, с тогдашним томским гербом¹⁴⁸.

Титульный объект «Северная страна» сохранился в титуле вплоть до 1917 г.¹⁴⁹ Включение всех трех обозначений («Восточных, и Западных, и Северных») в эмблматику государственной печати 1667 г. было особенно актуальным, так как именно их и не хотели признавать за рубежом¹⁵⁰.

Интересно, что условные изображения городов сгруппированы по принципу смысловых рядов: справа от орла – «Великая, Малая и Белая России», слева – «Восточная, Западная и Северная страны». Тот принцип, по которому строилось расположение эмблем на печати Ивана Грозного 1577 г., уступил место логической иерархии. Вся композиция являет собой, таким образом, три триады, расположенные по трем сторонам от орла. Крылья орла направлены и подняты вверх¹⁵¹. Он как бы охватывает ими и три «России», и три «страны», «покрывая» их своей властью, что соответствует титулу «обладатель» (это слово появилось в царском титуле еще в конце XVI в.). С этого времени и до 1917 г. крылья орла оставались поднятыми (за исключением первой половины XIX в., когда в одном из типов государственного герба крылья орла были опущены, но распластаны)¹⁵².

Под орлом расположен «знак отчича и дедича» (соответствующий словам титула «отчич и дедич»). Его значение раскрывается при сопоставлении с печатями грамоты Богдану Хмельницкому и Малороссийского приказа. На них под орлом изображены две группы людей и между ними лежит на возвышении гетманская булава¹⁵³. Таким образом символически обозначено принятие Украины под

власть московского царя. На печати 1667 г. изображения менее конкретны, но можно думать, что «знак отчича и дедича» подчеркивал исконные права на эти земли русского государя.

Существенно, что все эмблемы занимают лишь одну сторону печати. С этого времени российская государственная печать становится односторонней. Геральдическое изображение печати 1667 г., в котором прежде всего закреплялись конкретные политические реалии, просуществовало до конца XVII в., начального периода правления Петра I¹⁵⁴.

3 От Петра I до Павла I

3.1 Изменения государственного герба в Петровскую эпоху

При Петре I эмблематика государственных печатей отличается большим разнообразием, пожалуй, как у никакого другого российского монарха. Конечно, это связано с кардинальными изменениями, произошедшими в стране, в том числе и в сфере государственной идеологии. Из печатей начала правления Петра привлекает внимание рисунок печати из «Дневника» Иоганна Корба, относящийся к 1699 г.¹⁵⁵ Он интересен тем, что как бы возвращает к традициям печати 1577 г. Здесь эмблема ездоца названа «московской», а шесть эмблем, соответствующих первым названиям объектного титула, расположены на крыльях орла. Их порядок вполне традиционен – справа налево (естественно, по отношению к орлу) и сверху вниз: Киев, Владимир, Новгород, Казань, Астрахань и Сибирь. По окружности 26 эмблем соответствовали титулу в том же порядке. Однако ни одного экземпляра этой печати в распоряжении исследователей не имеется.

Среди наиболее важных изменений петровского времени следует отметить прежде всего постепенную трансформацию семантики ездоца от символа царя к образу Георгия Победоносца. В 1711 г. дипломат князь Б.И. Куракин уже трактовал всадника как образ Святого Георгия¹⁵⁶. То же самое отметил и Петр Великий при описании своего штандарта и русских морских флагов в 1710-х годах¹⁵⁷. С 1718 г. на монетах под копытами коня начинает чеканиться змий и такое изображение становится постоянным с 1727 г.¹⁵⁸ Товарищ герольдмейстера, по сути основатель ге-

ральдики в России, граф Франциск Санти в 1722 г. составил новое описание государственной печати¹⁵⁹. Согласно описанию черный двуглавый орел помещался в золотом поле, а на его груди находился московский герб, окруженный цепью ордена Андрея Первозванного. Московским гербом признавалось изображение Святого Георгия, поражающего копьём черного змия, в красном поле. Такую расцветку закрепил при Екатерине I указ о государственной печати от 11 марта 1726 г.: «Орел черный с распростертыми крыльями, в желтом поле, в нем ездец в красном поле»¹⁶⁰. И хотя в нем Георгий Победоносец еще именуется ездецом, в феврале 1730 г. при утверждении 88 земельных гербов для полковых знамен всадника вновь признали Георгием Победоносцем¹⁶¹. Так ездец завершил свою эволюцию, с этого времени он стал изображением Святого Георгия и был признан московским гербом¹⁶². Устоялась и цветовая гамма: конь белый, змий черный, поле щита красное (епанча и копьё в описании 1730 г. названы желтыми). Движение Георгия оставалось традиционным – в правую от смотрящего сторону.

Таким образом, символизация государя в гербе постепенно нивелируется. С одной стороны, образ царя персонифицируется на монетах: на их аверсе при Петре I на рубеже XVII–XVIII вв. появляется царский профиль¹⁶³. С другой – Георгий как покровитель воинства становится особенно близок Петру и его преемникам, соединяясь в гербе с цепью ордена Андрея Первозванного, признанного в качестве небесного покровителя России.

Култ Андрея Первозванного приобрел при Петре особую значимость не только потому, что этот святой был первым апостолом Христа, к тому же, по легенде, побывавшим на территории будущей Руси. Он также считался покровителем мореплавания (Андрей первоначально был рыбаком), и Андреевский крест появился на флагах военных кораблей российского флота. В гербе же появилась цепь ордена, учрежденного царем в конце XVII в., – первого российского ордена, ставшего впоследствии высшим орденом империи. Она охватывала или все изображение герба, или

только центральный щиток с московским гербом¹⁶⁴. Вторым вариантом в дальнейшем закрепился. Иногда, впрочем, на петровских походных печатях крестом Андреевский крест даже заменял эмблему всадника¹⁶⁵. Известны и малые печати Петра с изображением на груди орла Богоматери и даже Распятия, окруженного сиянием¹⁶⁶. Царь пытался использовать различные символы, и «неустойчивость» государственной эмблематики его времени свидетельствует о сложном процессе поисков новой символики.

Трансформировалась и цветовая гамма государственного герба. Судя по всему, по крайней мере в конце XVII в. двуглавый орел считался золотым в красном поле¹⁶⁷, при Петре I орел стал черным в золотом поле¹⁶⁸. Это, бесспорно, влияние цветов герба Священной Римской империи¹⁶⁹. Ими демонстрировались имперские претензии Петра в отличие от прежних цветов, отсылавших к эпохе Московского царства и православной Византии. В цветовом решении герба «византизм» уступал место имперским устремлениям, обращенным к Европе, и через них, возможно, даже апеллировал к античному наследию.

Аналогия с орлом империи Габсбургов проявлялась и в самой стилистике эмблемы: в поднятых крыльях орла стали более заметны фады, а на печати 1712 г. работы Беккера орел приобрел и вычурный, фигурный хвост (см. ил. 10). Печать Беккера стала своего рода образцом и для Большой государственной печати, созданной во второй половине 1730-х годов швейцарским гравёром Иоганном Карлом Гёдлингером (1691–1771)¹⁷⁰. Здесь вверх подняты уже не только крылья орла, но и головы. Цепь ордена Андрея Первозванного охватывает щиток с московским гербом, а вокруг орла расположены еще шесть щитков с основными земельными гербами, соответствующими начальным объектам императорского титула: киевским, владимирским, новгородским, казанским, астраханским и сибирским (см. ил. 11). Они опять-таки расположены в традиции XVI–XVII вв.: справа налево и сверху вниз. Три герба древнерусских земель – столиц Руси (Киев, Владимир, Новгород) – обрели первенство по отношению к татарским

царствам, что эмблематически точно отражало начало объектного титула. Для идеологического «оправдания» российского царства, а тем более империи, обладание тремя царствами утратило былую актуальность¹⁷¹.

Этот процесс сопровождался и трансформацией внешнего вида корон над головами орла. В связи с политическими изменениями при Петре I изменилась и их форма. Они приобрели вид императорских, причем произошло это еще до официального провозглашения России империей в 1721 г.¹⁷² На печати Гёдлингера три императорские короны, расположенные так: две маленькие на головах орла и одна большая над всей композицией, были как бы объединены лентой (ордена Святого Андрея Первозванного), концы которой выходили из-под центральной короны¹⁷³.

Государственная печать работы И. Гёдлингера служила в этом качестве вплоть до конца царствования Николая I, т. е. на протяжении примерно 120 лет¹⁷⁴. С каждым новым царствованием менялась лишь легенда, кроме того, при Павле I добавились новые геральдические элементы (впоследствии отмененные). Однако изображения государственного герба в конце XVIII – первой половине XIX в. продолжали изменяться.

3.2

Государственная геральдика
в царствование Павла I
и Большой герб Российской империи 1800 г.

Религиозно-мистический смысл государственного герба вновь особенно актуализируется при Павле I. 10 августа 1799 г. появился новый вариант герба¹⁷⁵ (см. ил. 12). Щит с московским гербом на груди орла положен на Мальтийский крест – эмблему Ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Символически четыре направления креста толковались как четыре христианские добродетели (благоразумие, справедливость, сила духа и воздержание), а восемь концов – как добрые качества христианина (вера,

добродетель, рассудительность, воздержание, терпение, благочестие, братолюбие, любовь – 2 Пет., 1, 5–7)¹⁷⁶, белый цвет символизировал целомудрие и безупречность рыцарской чести на поле брани¹⁷⁷. Павел I, как известно, взял Орден под свое покровительство и был избран его Великим магистром¹⁷⁸. Над щитком с Георгием Победоносцем расположена Мальтийская орденская корона, увенчивающая крест: подобная корона действительно была изготовлена для императора.

Можно полагать, что таким образом в гербе было обозначено личное магистерское достоинство императора Павла, тем более, что для того времени (практически до середины 1850-х годов) понятия герба государства и герба монарха не были разделены¹⁷⁹. Однако такому пониманию препятствует Большой государственный герб империи 1800 г. Здесь в центре геральдического щита помещен щиток с гербом 1799 г., а сам щит положен на Мальтийский крест. Титулование Великим магистром Державного ордена (подобно другим титульным объектам) отражено и в последней части большого щита: серебряный прямой крест в красном поле, помещенный здесь, служил гербом Ордена. Таким образом, именно в этих эмблемах Большого герба воплотился личный магистерский статус императора, что соответствует и правилам орденской геральдики¹⁸⁰, и тексту манифеста о Большом гербе: «Восприяв Титул Великого Магистра Державного Ордена... соединили Мы и Крест Ордена сего с Гербом Нашим». Все это показывает, что орденская символика в гербе 1799 г. имела несколько иной, нежели просто лично-статусный, характер.

И действительно, в этом гербе государственные эмблемы Российской империи соединились с символикой Мальтийского ордена. Два христианских символа – Георгий Победоносец и Мальтийский крест – оказались наложенными один на другой и сами, в свою очередь, разместились на груди двуглавого орла. Тем самым в гербе продемонстрировалось не только обретение российским императором статуса главы духовно-рыцарского ордена¹⁸¹, но и воплощалась идея об особой, мыслящейся во вселенском

масштабе, религиозной миссии государя, призванного защищать христианскую веру [причем не только православную, но и католическую (от безбожников-якобинцев)]¹⁸² и тем самым объединить обе части христианского мира во всей полноте единого духовного универсума.

Московский герб держался на ленте ордена Андрея Первозванного, а короны объединялись лентой красного цвета – ордена Святого Александра Невского или, что еще более вероятно, ордена Святой Анны – династического ордена Гольштейн-Готторпской династии, основанного в память бабки императора его дедом и введенного Павлом в число российских императорских орденов.

Еще более показателен Большой государственный герб, утвержденный 16 декабря 1800 г.¹⁸³ (см. ил. 13). Однако, вероятно из-за гибели Павла, соответствующий манифест так и не был издан, и герб, по сути, остался проектом¹⁸⁴. Это первое изображение российского государственного герба, созданное полностью в рамках европейских геральдических традиций. Композиционно оно обнаруживает бесспорную аналогию с прусским королевским гербом (см. ил. 14), что неудивительно, учитывая ориентированность существенных сторон тогдашней государственной жизни, таких, например, как армия, на прусские образцы¹⁸⁵, что было обусловлено во многом личными пристрастиями самого императора.

Все территориальные эмблемы сгруппированы в рамках одного щита. 34 части щита служат своеобразным фоном для центрального щитка с государственным орлом (по сути с гербом 1799 г.) и еще восьми щитков (в прусском гербе число частей гербового щита было больше 50). По периметру от центрального щитка расположены семь щитков с гербами наиболее значимых земель, первых в титуле: Киевским, Владимирским, Новгородским, Казанским, Астраханским, Сибирским и Херсониса Таврического.

Герб Херсониса Таврического появился после присоединения Крыма¹⁸⁶. В императорском титуле Херсонис Таврический был назван царством, и тем самым декларировались преемственность России от Византийской империи

и права на ее бывшие земли (Крым). Идея византийского наследства приобрела особую значимость при Екатерине II (вспомним ее «константинопольский проект» воссоздания Византийской империи под скипетром второго внука Константина) и была «унаследована» Павлом. И даже само название «Херсонис Таврический» давалось в нарочито грецизированной форме. Герб царства Херсониса Таврического, конечно же, был знаковым: тот же двуглавый орел, считавшийся византийским заимствованием (пришедшим в Россию, как полагали, еще во времена Владимира Святого в результате его женитьбы на византийской принцессе Анне¹⁸⁷) и воплощавший таким образом историческую преемственность (впоследствии такая семантика данного орла была усилена: его крылья опустились по византийскому образцу¹⁸⁸); на его груди православный восьмиконечный крест, символизировавший уже и преемственность духовную, православную, ибо креститель Руси Владимир принял крещение именно в Херсонесе. Такая трактовка была официально закреплена в описании герба Таврической области, утвержденного 8 марта 1784 г.: «В золотом поле двухглавый орел, на груди оного в голубом поле золотой осьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России чрез Херсонес произошло; крест же поставлен в государственном гербе для того, что и оный прислан от Греческих Императоров в Россию, тогда, когда восприято Великими Князьями крещение»¹⁸⁹.

В расположении главных земельных эмблем соблюдался традиционный порядок, восходивший к Большой печати Ивана Грозного: справа налево и сверху вниз, но главное место, над центральным щитком, принадлежало родовому гербу императора – династическому гербу герцогства Гольштинского. Павел нарочито демонстрировал свою родовую принадлежность и преемственность, а потому включил свой родовой герб в государственный и поставил его в наиболее почетное положение, сразу вслед за государственным орлом. Далее в 34-х частях большого щита изображены гербы всех территорий, перечисленных в объектном титуле императора, начиная с Псковского (правый верхний)

и завершая Еверским (немецкое княжество, находившееся во владении Анхальт-Цербстской династии, унаследованное Екатериной II в 1793 г. и позднее, в 1818 г., переданное великим герцогам Ольденбургским) и гербом Державного ордена Святого Иоанна Иерусалимского¹⁹⁰.

Существенно, однако, внешнее окружение щита. Большой щит покоится на Мальтийском кресте, над ним расположен рыцарский шлем анфас с наметом, и все это изображение увенчивает императорская корона, поддерживаемая справа архистратигом Михаилом и слева архангелом Гавриилом. Мальтийский крест и рыцарский шлем вновь отсылают нас к идее военно-духовного ордена, к пониманию власти государя не просто как блюстителя, но и как защитника веры. Крест за щитом (равно как и последняя часть щита с гербом Державного ордена) указывал на магистерское достоинство Павла I.

Фигуры архангелов, выступающих в качестве геральдических щитодержателей, также подчеркнута символическая. В прусском гербе щитодержателями являются два лесных дикаря со штандартами в руках. Критик Большого государственного герба середины XIX в. П.И. Белавенец отмечал, что использование ангелов как щитодержателей в государственной геральдике, кроме России, не известно¹⁹¹. На самом деле ангелы поддерживают щит герба не только французского королевского дома (хотя они и одеты в геральдические супервесты), но и щит княжества Шаумбург-Липпе; как щитодержатель ангел присутствовал и в государственном гербе Австро-Венгрии. Но, разумеется, в России в фигуры архангелов вкладывался особый смысл. Архистратиг Михаил, предводитель небесного воинства, стоит справа от щита и в одной руке держит пламенеющий меч. Архангел Гавриил, благовеститель, – слева и держит лилейную ветвь. Сочетание этих фигур было широко распространено в русской культуре¹⁹². Культ же архангела Михаила особо поддерживался Павлом¹⁹³. В Средние века архистратиг Михаил считался «родоначальником рыцарства, бранный подвиг которого был первой из когда-нибудь явленных воинских и рыцарских доблестей»¹⁹⁴. Как госу-

дарь и воин, император считал его своим небесным покровителем. День архангела Михаила 8 ноября стал праздником для всех «ветвей» орденов Российских. В Петербурге на месте Летнего дворца, где родился Павел, был построен Михайловский замок с церковью во имя архангела Михаила, где и должны были происходить торжественные орденские церемонии. Своего младшего сына, родившегося в 1798 г., император назвал Михаилом¹⁹⁵. Оба архангела символизировали духовный смысл российской монархии, подчеркивали религиозную миссию России и как бы охраняли государственный герб, т. е. были духовными защитниками державы. Существенно, что именно Павел ввел в государственное законодательство представление о российском императоре как «верховном защитнике и хранителе догматов веры, блюстителе правоты и всякого в Церкви святой благочиния» и в этом смысле как о «Главе Церкви» (Акт о наследии престола 5 апреля 1797 г.)¹⁹⁶. Сочетание же архистратига Михаила и архангела Гавриила в государственном гербе воплощало не просто духовную, а военно-религиозную (причем с военно-рыцарским оттенком) суть власти государя так, как ее понимал сам Павел.

Под щитом изображена цепь ордена Андрея Первозванного, а за щитом возвышаются два штандарта. На одном изображен российский императорский герб (1799 г.), на другом – военно-христианская символика: одноглавый орел со скипетром и громовыми стрелами (перунами) в лапах¹⁹⁷, устремленный к кресту в солнечных лучах. В манифесте о гербе он назван символом неустрашимости¹⁹⁸. Орел обращен к солнцу¹⁹⁹, к свету и одновременно ко Христу. Подобное изображение известно на полковых штандартах павловского и александровского времен, символизируя бесстрашное христолюбивое воинство²⁰⁰. В гербе 1800 г. впервые появилась и мантия (сень), увенчанная императорской короной.

Итак, в Большом (Полном) государственном гербе павловской эпохи отражены не только государственно-политические реалии, но и духовно-религиозные идеи охранения и защиты Веры. Мистическая натура императора

ярко проявилась и в появлении новых эмблем, и даже в самой композиции герба, но, как и в случае с «эсхатологическим» гербом Грозного, государственный герб павловского царствования просуществовал совсем недолго. Уже в апреле 1801 г. Александр I отказался от мальтийской символики (креста и короны) в государственном гербе²⁰¹, а манифест о Полном гербе Российской империи так и остался невостребованным.

4

От Александра I до Николая II

4.1

Государственный герб в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. государственные гербовые орлы приобрели иной вид. Крылья орла опустились, но как бы широко распластались в готовности к полету, над головами осталась только одна корона, щит с московским гербом приобрел иной, декоративный вид (треугольный и заостренный кверху – типа английского), а в лапах орел держал или скипетр и державу, или в правой – факел, горящий с двух концов, и двойной перун со стрелами-молниями, а в левой – лавровый венок²⁰² (см. ил. 15). Эти изменения произошли под воздействием художественного стиля ампира²⁰³. В таком же стиле, в частности, был выполнен, разумеется, и герб Французской империи при Наполеоне, на котором, кстати, одноглавый золотой орел держал в лапах перун²⁰⁴. Но если наполеоновский орел с опущенными крыльями и перуном стилистически воспроизводил имперских орлов Древнего Рима (атрибут Зевса-Юпитера и как следствие этого символ императорской власти), утверждая семантическую «преемственность» (Римская империя – империя Наполеона), то российский имел другую форму крыльев. По словам святителя московского митрополита Филарета (Дроздова) (его мнение особенно интересно, поскольку он представлял ту духовную среду, которая очень тонко воспринимала символику окружающего мира), такое расположение крыльев воспринималось некоторыми современниками как «примета, что Россия уже не возвышается, а опускает крылья»²⁰⁵.

В первой половине XIX в., однако, существовал и иной тип российского государственного орла (см. ил. 16).

Крылья этого орла, напротив, были подняты вверх, и всеми атрибутами он напоминал орла предшествовавших царствований (три короны, скипетр и держава в лапах, цепь ордена Андрея Первозванного вокруг московского герба)²⁰⁶. Одно примечательное изменение все же произошло. С 1832 г. щитки с территориальными гербами располагались так: на правом крыле орла сверху вниз – царств Казанского, Астраханского и Сибирского, на левом – царств Польского, Херсониса Таврического и великого княжества Финляндского²⁰⁷. Во-первых, три «новых» важных государственных объекта заменили гербы трех древнерусских столиц: Киевский, Владимирский и Новгородский. Во-вторых, нарушилась традиционная последовательность расположения гербов в ориентации правого и левого. Справа шли гербы древних царств, присоединенных еще в XVI в., а слева – новых, присоединенных в конце XVIII – начале XIX в. Общая последовательность выглядела так: Казань, Астрахань, Сибирь – Польша, Херсонис Таврический, Финляндия. При этом царство Польское заняло место впереди мифического царства Херсониса Таврического. В российской политике Польша, как известно, придавалось особенное значение. Николай I в 1829 г. короновался в Варшаве в качестве польского короля. Затем автономия Польши после восстания 1830–1831 гг. была отменена, и включением польского герба в российский Николай подчеркивал государственное и территориальное единство своей империи. Великое княжество Финляндское, по статусу уступавшее царствам, заняло в этой символической иерархии последнее место.

4.2

Большой государственный герб
Российской империи 1857 и 1882 гг.

Следующий, эмблематически и композиционно сложный, вариант государственного герба появился в начале нового царствования. В 1856 г. по распоря-

жению Александра II Борис Васильевич Кёне (1817–1886)²⁰⁸, в июне 1857 г. возглавивший Гербовое отделение департамента Герольдии Правительствующего Сената, разработал новый государственный герб. 8 декабря 1856 г. Александр II предварительно утвердил рисунки гербов, исполненные художником А.А. Фадеевым, а 11 апреля 1857 г. – Большой, Средний и Малый гербы империи²⁰⁹. Затем в 1882–1883 гг., после изменения некоторых деталей, Александр III утвердил рисунки Большого, Среднего и двух вариантов Малого государственных гербов, выполненных академиком живописи, придворным художником Адольфом Иосифовичем Шарлеманем (1827–1901)²¹⁰. С этого времени и до 1917 г. государственный герб России оставался без изменений. Наличие трех типов государственного герба – Большого, Среднего и Малого – объяснялось тем же, чем и раньше: гербы изображались на печатях, скреплявших разные по своей значимости документы²¹¹. Использование всех трех типов четко регламентировалось законом.

Перед создателем герба стояла очень сложная задача. Необходимо было в компактной форме отразить в гербе полный императорский титул, количество перечисляемых объектов в котором превысило к тому времени уже пятьдесят. Кроме того (и прежде всего), в гербе нужно было выразить и основную суть российской государственности. Кёне должен был разработать герб сильной и мощной империи, отразить в нем и государственно-политические, и религиозные идеи, вселить в подданных империи чувство уверенности и стабильности, несколько пошатнувшееся в связи с окончанием неудачной для России Крымской войны.

Большой государственный герб 1857 (см. ил. 17) и 1882 гг. (см. ил. 18) (как условно будем его называть) имел наиболее сложную композиционную структуру. Он получил резко негативную оценку в историографии. Так, П.И. Белауенц, писавший свою работу в период Первой мировой войны, обрушился на Кёне за приверженность немецким геральдическим традициям и счел его творение беспорядочным нагромождением мало связанных между

собой эмблем²¹². Такое мнение стало общим местом в историографии. Современная исследовательница А.Л. Хорошкевич так охарактеризовала геральдическую деятельность Кёне: «Созданный им герб представлял собой эклектическое смешение старых и новых эмблем и лучше всего демонстрировал не особенности Российской империи, а отсутствие художественного вкуса этого выходца из Германии еврейского происхождения, выпускника Берлинского и Лейпцигского университетов»²¹³. Посмотрим, справедлива ли эта оценка.

Обратимся к официальному описанию герба. «В золотом щите черный двоголовый орел, коронованный двумя Императорскими коронами, над которыми третья такая ж, в большем виде, корона с двумя развевающимися концами ленты ордена Святого Апостола Андрея Первозванного». Основная эмблема герба (двуглавый орел с Георгием Победоносцем) осталась, разумеется, прежней, но стилистика изображения двуглавого орла изменилась. В поднятых крыльях орла стали более заметны фады, хвост приобрел декоративный резной вид²¹⁴, клювы раскрылись максимально широко, а концы высунутых языков загнулись вверх. Орел стал как бы более хищным и агрессивным²¹⁵. В то же время само изображение приобрело более геральдический, в духе западноевропейского геральдического искусства, характер. По мнению П.И. Белавенца, «вместо прежнего впечатления воинственной торжественной силы» получилось какое-то «отчаянно растрепанное изображение»²¹⁶. Следует заметить, что вариант 1882 г. более приглажен, но общий вид рисунка сохранен. И своим внешним видом, и, естественно, цветовой гаммой российский орел еще больше приблизился к своему австрийскому «собрату». Это был орел сильной и мощной империи, ревниво оберегавшей свое достоинство. Прототипом изображения императорской короны в гербе 1882 г. служила уже не условная геральдическая корона, как прежде, а вполне конкретная – коронационная корона Екатерины II 1762 г. (так называемая Большая императорская). Кстати, и большинство гербов царств увенчали вполне конкретные короны.

«На груди орла герб Московский». Его изображение также изменилось. Во-первых, Кёне развернул его в правую геральдическую сторону, т. е. влево от зрителя. Он поступил так и со всеми остальными гербами, в которых имелись фигуры, находящиеся в движении²¹⁷. Согласно правилам классической геральдики это было абсолютно правильное решение. Но оно вызвало неоднозначную оценку. Так, митрополит Филарет (Дроздов) отмечал: «Какая беда в том, что всадник в московском гербе долго ехал налево, тогда как геральдика велит ему ехать направо? По моему мнению, в сем деле более силы и действия должны иметь отечественная история и отечественные предания»²¹⁸. Напомню, что эти слова принадлежат деятелю церкви. С его точки зрения, поворот фигуры нарушал издревле сложившуюся, характерную для церковного искусства традицию²¹⁹. Единомысленны с ним оказались и создатели современного московского герба – они взяли за основу московский герб времен Екатерины II, а не кёневский вариант. В то же время Кёне попытался усилить религиозную семантику московского герба тем, что верхний конец копья Георгия Победоносца был изображен в виде креста²²⁰.

«Главный щит (с гербом Государственным) увенчан шлемом Святого Великого Князя Александра Невского». Шлем, как и другие атрибуты внешней части герба, восходили к павловскому варианту 1800 г. Но, хотя его положение (анфас) не изменилось, это уже был не западноевропейский рыцарский шлем, а древнерусский, отсылавший к многовековой исторической преемственности, «православность» которого подчеркивалась и его принадлежностью Александру Невскому и государственным девизом «С нами Бог» на нем. Любопытно, что в качестве шлема Александра Невского выступил совершенно реальный шлем XVII в. – «шапка большая Ерихонская» царя Михаила Федоровича 1621 г. На защитной носовой стрелке этой «шапки» изображен архангел Михаил, покровитель царя-воина и православного воинства (архангел Михаил является и одним из щитодержателей в гербах 1857 и 1882 гг.). «Шапка большая ерихонка» была совершенно особым военным головным

убором и в XVII в. по сути выполняла функцию боевого царского венца²²¹. Уже в середине XIX в. этот шлем считали принадлежавшим Александру Невскому²²². С такой «атрибуцией» он и вошел в состав государственного герба. «Новая», удревненная персонификация владельца шлема существенно повышала значимость самой регалии. Образ Александра Невского стал особенно популярен, по крайней мере со времен Петра I, и занял важное место в системе государственной идеологии. Он являл собой уникальное сочетание князя – правителя и предшественника многих поколений русских монархов, православного святого, защитившего православную веру от католической экспансии, и воина – полководца, защищавшего Русь с оружием в руках. Несмотря на значительное число святых-правителей в русской истории, такое «сочетание» имел только Александр Невский, что, конечно, не могло не способствовать героизации и мифологизации этого образа, занявшего в историческом самосознании русского народа совершенно выдающееся место.

Слова «С нами Бог» стали государственным девизом Российской империи. Интересно, что это абсолютно точное соответствие девиза прусского королевского герба, который даже и расположен аналогично девизу герба российского (в российском гербе девиз повторен и на сени). Здесь сложно говорить о каком-либо слепом копировании, поскольку это широко распространенный библеизм, в церковнославянском переводе «С нами Бог, никто же на ны», помещенный, например, еще на кольчуге Бориса Годунова рубежа XVI–XVII вв.²²³ «Намет черный с золотом», т. е. в цветах поля щита и главной фигуры – орла. Сверху на щите также положена лента в цветах государственного флага (бело-желто-черная), которые официально были утверждены 11 июня 1858 г.²²⁴

«Вокруг щита цепь ордена Святого Апостола Андрея Первозванного; по сторонам изображения Святых Архистратига Михаила и Архангела Гавриила». Помещение этих фигур в государственный герб вызвало негативную реакцию митрополита Филарета (думается, что его точку зре-

ния разделяла определенная часть духовенства). Митрополит высказывался против архангела Михаила в данном качестве, поскольку «народ, увидя такой герб, может вспомнить при сем об Архангельском соборе как усыпальнице государей», против архангела Гавриила в этом качестве, поскольку первая церковь в Москве не была Благовещенская, «на радость граду» (а именно так в то время объяснялось присутствие архангела Гавриила в гербе), да и «трудно было бы догадаться, что это относится к Благовещенской церкви», и, наконец, вообще против того, чтобы «кого-либо из архангелов или святых прославленных мужей представить держащими государственный герб». «Будет ли споконно благочестивое чувство православного, – писал митрополит, – если увидим архангелов низведенными к тому, чтобы держать государственный герб, предмет величайшей важности в государственном отношении, который, однако, не есть знамение божественное или святыня? ...Полагаю, что сия дисгармония идей, сие подчинение идеи святого идее гражданской, неблагоприятно почувствуется людьми строгого благоговения к святыне»²²⁵. Но, как видим, архангелы в гербе все же остались. Причем, если в варианте 1857 г. их фигуры повернуты от щита и они как бы представляют герб, то в варианте 1882 г., напротив, обращены к гербу и, таким образом, как бы охраняют его.

«Сень золотая, коронованная Императорскою короною, усеянная Российскими двоеглавыми орлами и подложена горностаем. На ней червлёная надпись: «С нами Бог!». Над сенью возникающая Государственная хоругвь с осьми-конечной на древке оной крестом. Полотно Государственной хоругви золотое». На самой хоругви повторено центральное изображение государственного герба – то, о котором шла речь выше. Если сравнить композицию анализируемого герба с композицией Большой печати Ивана Грозного 1570-х годов, то нетрудно заметить, что хоругвь герба, по сути, аналогична Голгофскому кресту печати, занимая то же, самое верхнее, место. Государственной хоругви никогда не существовало в реальности. Однако ее присутствие в гербе, равно как архангелов и девиза, подчеркивало право-

славный характер российского царства²²⁶. Тем самым в центральной части герба были отражены Божественное происхождение царской власти и ее государственное значение, что соответствовало началу императорского титула: «Божиею поспешествующею милостию Император и Самодержец Всероссийский».

Пятнадцать щитков с земельными гербами, включая девять больших и шесть малых, расположенных вокруг центрального изображения²²⁷, объединяли более 50 гербов и символизировали все территории, перечисленные в полном титуле императора. Их расположение не случайно. Самый нижний – родовой герб императора, состоящий из герба Романовых и герба герцогов Голштинских (Ольденбургского дома). Его местонахождение внизу герба символично. Вместе с центральным гербовым изображением и хоругвью он составляет как бы осевую вертикаль всей композиции. Если хоругвь олицетворяет Божественное начало и потому выше всех остальных эмблем, центральная часть символизирует само государство, то нижний герб – императорскую династию, царственный род. Царь, Россия и Бог – вот три понятия, означенные этой осью. «За веру, царя и отечество» – эти слова символически воплощены не только в гербе в целом, но и в данных трех элементах прежде всего. Соединение небесной власти и земной достигается символом хоругви вверху и династическим гербом в основании всей композиции, которую увенчивают крест и двуглавый орел.

Восемь больших щитков представляют гербы следующих земель: царства Казанского (увенчан Казанской шапкой), царства Астраханского (увенчан венцом Михаила Федоровича 1627 г.), царства Польского (увенчан коронационной короной Анны Иоанновны, которой короновался в Варшаве Николай I), царства Сибирского (увенчан алтабасной шапкой Ивана Алексеевича), царства Херсониса Таврического (увенчан шапкой Мономаха), объединенного герба царства Грузинского и кавказских земель (увенчан грузинской царской короной, сделанной при Павле I для грузинского царя), объединенный герб Киевский, Влади-

мирский и Новгородский (увенчан шапкой Мономаха «второго наряда»), великого княжества Финляндского (увенчан короной этого княжества, в действительности никогда не существовавшей)²²⁸. Примечательно, что шапка Мономаха венчает герб царства Херсониса Таврического, в то время как объединенный щит Киевского, Владимирского и Новгородского гербов – шапка Мономаха «второго наряда», созданная для венчания на царство Петра I в 1682 г. Такое распределение венцов отражает традицию представления о шапке Мономаха как о византийской регалии, и соответственно ее сопряжение именно с гербом Херсониса Таврического лишь подчеркивало преемственность царской власти от Византии. Исконно древнерусские, столичные по статусу города и земли увенчала копия шапки Мономаха, созданная уже на Руси. Так обозначена преемственность от византийского Херсониса к древнерусским Киеву, Владимиру и Новгороду, от византийского императорского венца к венцам русских государей.

Расположение этих гербов в целом соответствует их порядку в императорском титуле и построено по принципу композиции печати Ивана Грозного: справа налево и сверху вниз. Исключение составляют лишь два последних герба. «Киевский, Владимирский и Новгородский» идут в императорском титуле вслед за «Московским» и прежде «царства Казанского» и других царств. Но в расположении гербов соблюдена не столько историческая, сколько статусная иерархия. Киев, Владимир и Новгород никогда царствами не являлись. Не было таковым и великое княжество Финляндское. Его появление среди больших гербов объясняется сокращенным титулом императора, в котором «великий князь Финляндский» следует после слов «Царь Грузинский», и на этом титул заканчивается (в большом же титуле атрибут «великий князь Финляндский» отделен от предшествующих слов «царь Грузинский» еще пятью объектами). Выбор правой и левой стороны для этих двух последних гербов обусловлен их исторической значимостью. Объединенный Киевский, Владимирский и Новгородский герб занимает правое место (справа и от герба династии

Романовых), финляндский – левое. Существенно, что если проанализировать герб с позиции романовского герба, то ближе к нему окажется как раз объединенный герб древних русских столиц.

Шесть верхних, малых, щитков также расположены по строгому принципу. Земельные гербы сгруппированы в них по территориальному признаку. В гербе 1857 г. расположение таково: первое место, справа – объединенный герб земель великороссийских, второе место, слева – украинских, третье место, справа – белорусских, четвертое место, слева – литовских, пятое место, справа – прибалтийских и шестое место, слева – северо-восточных (эмблемы земель, населенных финно-угорскими народами). В гербе 1882 г. порядок немного изменился, потому что добавился герб Туркестана. Теперь расположение стало таким: великороссийский, украинский (малороссийский), белорусско-литовский, прибалтийский, северо-восточный (угро-финский)²²⁹ и туркестанский гербы.

Этот порядок соответствует традиционной последовательности Великой, Малой и Белой России. Затем идут: западные Прибалтика (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия и Семигалия) и Корелия – четвертый щит; восточные финно-угорские Пермь²³⁰ (центральный щиток), Вятка²³¹, Болгария (по всей видимости обозначавшая земли марийцев и чувашей)²³², еще более отдаленные Обдорская²³³ и Кондинская²³⁴ земли – пятый щит; и, наконец, шестой щит – Туркестан²³⁵. Преимущество в расположении Прибалтики по сравнению с Пермско-Вятским конгломератом (присоединенным к России значительно раньше, еще в XIV–XVI вв.), вероятно, объясняется статусностью остзейских территорий, среди которых присутствовало герцогство – Курляндское и Семигальское (в титуле обозначены как «княжества», впрочем, аналогично и северо-восточным землям). Любопытно, что для герба Туркестана был взят тот самый единорог, который когда-то украшал государственные печати царей XVI–XVII вв. начиная с времен Ивана Грозного, но теперь приобрел совсем иной смысл²³⁶.

Примечательно, что в Большом гербе 1857 г. вся композиция земельных гербов выстроена в некую геометрическую рамку, контуры которой напоминают хоругвь²³⁷.

В Большом гербе 1882 г. вновь возвращена круговая композиция. Гербы нижней полуокружности покоятся на лавровых и дубовых ветвях (символы славы и силы), при этом лавровые ветви охватывают центральную эмблему справа, а дубовые – слева²³⁸. А шесть гербов верхней полуокружности объединены опять-таки лишь композиционно, закругленным расположением самих щитов. Да и гербы нижней части окружности композиционно объединены по сути «фоном», представляя своеобразное геральдическое ожерелье российского государственного орла. Здесь не ощущается слишком сильного, напряженного единства. Вся же композиция имперского герба покоилась на символически выраженной идее объединения земель под единым скипетром российского монарха, а герб императорской династии находился в основании всей композиции, подчеркивая тем самым, что единство скреплялось династией и фигурой государя. Стилистически достигалось ощущение равновесия и стабильности, и государственный герб, в семантике которого преобладал государственно-кратологический камертон, стал столь же стабилен в употреблении.

Анализ герба позволяет сделать вывод, что Кёне использовал два образца: павловский вариант 1800 г. (в свою очередь восходивший к композиции прусского герба) и Большую государственную печать Ивана Грозного 1577 г. Причем центральная часть герба в основных своих элементах обнаруживает соответствие с павловским гербом (центральный щит, щитодержатели, шлем и намет, цепь ордена Святого Андрея Первозванного, сень и корона, девиз), а ее окружение отсылает к печати Ивана Грозного [круговое расположение земельных гербов (с соблюдением того же принципа последовательности: справа – налево, сверху – вниз), хоругвь на «месте» Голгофского креста]. При этом Кёне попытался соединить российскую и западноевропейскую (немецко-австрийскую – внешний вид орла, разворот

фигур в правую геральдическую сторону) геральдические традиции. Иными словами, он попытался аккумулировать в новом гербе все наследие прежних многосложных композиций российского государственного герба, а значит, тем самым подчеркнуть неразрывность исторической преемственности. В то же время прежний опыт государственной геральдики России Кёне представил с позиций европейской геральдической практики и в рамках европейского геральдического искусства.

Средний герб Российской империи представлял собой ту же композицию, но без шести верхних щитков, Малый – или только центральную часть, без щитодержателей, или только орла, на крыльях которого помещалось восемь гербов «царств». В 1857–1859 гг. все изображения российского государственного герба на монетах, предметах обмундирования и т. д. были унифицированы²³⁹.

5

Государственные гербы республиканского периода

5.1

Герб на печати Временного правительства

После Февральской революции встал вопрос о новом государственном гербе. 6 марта при Комиссии по делам искусств, которой руководил А.М. Горький, создали специальную подкомиссию «для разъяснения вопроса о государственном гербе». 15 марта в качестве герба было рекомендовано использовать «древнюю эмблему Российского государства», но без символов царской власти²⁴⁰. Юридическое совещание в апреле 1917 г. признало, что «двуглавый орел не связан ни с династией Романовых, ни с каким-либо определенным строем»²⁴¹. Но окончательно утвердить государственный герб могло только Учредительное собрание²⁴². Пока же для печати Временного правительства гербовое изображение создал известный художник Иван Яковлевич Билибин (1876–1942)²⁴³.

Новый двуглавый орел лишился всех своих атрибутов, а его внешний вид был нарочито архаизирован (здесь, конечно, особенно чувствуется авторский стиль художника, превосходного иллюстратора русского фольклора). За основу Билибин взял изображение орла времен Ивана III²⁴⁴. Однако орел Билибина оказался наиболее простым, даже элементарным российским гербом (у орла Ивана III голубые венчали короны). Клювы нового орла остались открытыми, но в значительно меньшей степени, чем у орла предшествующего, при этом языки остались высунутыми²⁴⁵, отчего головы приобрели сходство со змеиными. Империя рухнула, а вместе с ней опустились и орлиные крылья. Знаком власти вместо имперских атрибутов (корон, скипетра и державы) стало помещенное под орлом изображение

Таврического дворца, где заседала Государственная дума, а затем и первые составы Временного правительства (см. ил. 19). Место герба Романовых оказалось занято символом новой власти. Поскольку нижняя часть печати (вернее ее внешнего пространства) приобрела особую семантическую нагрузку, то изменилось (впервые с конца XV в.) и расположение круговой надписи. Она начинается внизу, от изображения дворца, идет по окружности и им же заканчивается. Композиция внешней части общего пространства печати как бы перевернулась, и верх оказался низом²⁴⁶.

Орел Временного правительства просуществовал несколько лет, присутствуя, в частности, на денежных знаках разнообразных правительств (в большинстве случаев антибольшевистских) времен Гражданской войны²⁴⁷. Существовало, что ни одно из белогвардейских правительств практически не вернуло орлу в полном объеме знаков императорской власти – регалий. Так, короны вообще ни разу не встречаются²⁴⁸. Это, разумеется, было связано с чисто идеологическими моментами, ибо цель реставрации старого режима не ставилась. Однако лишенный регалий орел, да еще и с опущенными крыльями, не мог быть действенным символом в условиях вооруженной борьбы. Поэтому в ряде случаев крылья орла поднимались и оставались поднятыми или распластанными, клювы раскрывались, а в лапах появлялись те или иные атрибуты. На груди орла вновь появлялся щиток с образом Георгия Победоносца, теперь воспринимавшимся не столько, очевидно, как символ Москвы, сколько как символ воинства, причем христолобикового²⁴⁹, и как знак грядущей победы. Любопытна и аналогия Георгию на купюрах Северо-Западного правительства (белый фронт генерала Н.Н. Юденича), ориентировавшегося на захват Петрограда. Здесь центральное место на груди орла занимает изображение Медного всадника в лучах восходящего солнца. Всадник обращен в правую от зрителя сторону, на Петроград. Таким образом символ Москвы уступил место символу Петербурга. Щит с Медным всадником увенчивала держава (не корона!), вероятно, как наи-

более нейтральный символ государственной власти²⁵⁰. В целом орел стилистически напоминал орла первой половины XIX в.: распластанные крылья и молнии в лапах. Размещение Медного всадника на месте Георгия Победоносца – одно из интересных проявлений той глубинной связи фальконетова монумента с образом героя-змееборца, которая привлекает ныне внимание исследователей²⁵¹.

На банкнотах правительства адмирала А.В. Колчака орел держал в правой лапе меч, а в левой – державу. Над головами орла сиял крест, но не Голгофский (как было когда-то), а Константиновский, с надписью «Сим победиши». Идея священной войны с большевизмом была выражена новыми изобразительными средствами по старым композиционным схемам. Среди наиболее интересных эмблематических явлений на бумажных денежных знаках эпохи русских революций 1917 г. можно считать и совмещение «билибинского» орла со свастикой, по всей видимости, использованной в качестве солярного символа. Вообще мотив солнца и света (аналогичный будущему восходящему солнцу герба СССР) был одним из самых популярных в период революций и Гражданской войны.

5.2

Гербы советской эпохи. Герб СССР

По принципу композиции, схожей с композицией печати Временного правительства, «строились» и советские государственные печати и гербы. На проекте первого советского государственного герба²⁵² (художник А.Н. Лео) место Таврического дворца занимает надпись «Совет народных комиссаров», опять-таки означающая правительство. На утвержденном же рисунке государственной печати РСФСР эта надпись заменена лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (см. ил. 20). Расположение же круговой легенды осталось прежним. Итак, «утяжеление» смысловой нагрузки низа привело к определенной переориентации внешнего пространства геральди-

ческой композиции. С приходом советской власти орел, сведенный к своей самой простейшей форме, окончательно ушел в небытие. Теперь обратимся к государственному гербу СССР [создан в 1923 г., утвержден в январе 1924 г., изменения – 1936, 1946, 1956 (окончательный вариант) гг.; авторы – Владимир Николаевич Адрианов (1875–1938), Всеволод Павлович Корзун, Иван Иванович Дубасов (1897–1987)] (см. ил. 21 и 22).

Казалось, здесь наблюдается полный разрыв со старой геральдической традицией, появляются новые символы и новые смыслы, но при всем эмблематическом различии некоторые семантические характеристики обнаруживают сходство.

Как ни парадоксально, композиционное построение герба СССР напоминает имперский герб 1882 г. Совершенно иная содержательная традиция как бы наслоиась на прежнее композиционное решение. И действительно, место центральной эмблемы – двуглавого орла – заняла новая центральная эмблема – серп и молот. Императорскую сень, подчеркивавшую самодержавную сущность государственной власти, композиционно заменило изображение земного шара, на который в будущем распространится власть рабочих и крестьян. Лавровые и дубовые ветви композиционно аналогичны колосьям пшеницы²⁵³, территориальные гербы – ленте с девизом на языках народов советских республик, а государственная хоругвь (религиозный символ) – красной пятиконечной звезде (символизирующей союз трудящихся пяти континентов)²⁵⁴. В то же время нижняя часть герба СССР остается столь же «утяжеленной», как и герба на печати Временного правительства, отчего происходит определенная переориентация внешней части пространства герба.

Интересно, как расположены надписи на национальных языках на ленте. Со временем их число менялось, после 1956 г. их стало 15²⁵⁵. Некая условная последовательность союзных республик закреплялась конституцией: первой шла РСФСР, последней Эстонская ССР. Этот порядок сам по себе заслуживает специального внимания.

Он подобно диптиху автокефальных православных церквей (сравнение исключительно формальное!) носил чисто символическое значение, но был законодательно закреплен. Первая триада республик: РСФСР, Украинская ССР и Белорусская ССР – воспроизводила все ту же, известную с середины XVII в. титульную формулу «Великия, Малыя и Белья России». А надписи на ленте в гербе СССР шли в такой последовательности: в самом низу центральная, на русском языке, справа от нее (и слева от зрителя) – на украинском, слева от нее (и справа от зрителя) – на белорусском и т. д. справа налево снизу вверх до туркменской и эстонской²⁵⁶. Поскольку низ оказался особенно значим, то и композиция внешних элементов герба пошла снизу вверх, но перекрестный порядок справа налево и дальше, причем в ориентированности по гербу, а не по зрителю, т. е. тот самый, который имелся на печати Ивана Грозного, присутствовал и в советском гербе.

Динамика в направлении снизу вверх присутствовала и в центральной композиции герба. Восходящее солнце освещало земной шар, а общая устремленность вверх заканчивалась символом пятиконечной звезды как идеологического единства во всемирном масштабе. Единство же союзных республик отражалось в перетянутых лентой колосьях, и, кстати, это единство оказалось даже более жестко заявлено, чем объединение территориальных гербов в имперском гербе.

Единство частей в государственном целом композиционно декларируется на уровне взаимоотношений центра и периферии. И действительно, на печати Ивана Грозного 1577 г. единство земель демонстрируют круговое расположение эмблем и обращенность фигур к центру. Тем самым достигается направление от периферии к центру, хотя круговое расположение легенды производит обратное впечатление. На печати Алексея Михайловича 1667 г. орел распахивает крылья, и таким образом центральная эмблема как бы охватывает периферию – символы подвластных территорий, расположенные по трем сторонам от орла. Эта композиция формирует направление от центра к периферии,

причем в отличие от печати Грозного, делящей государственные и земельные эмблемы на два поля окружности – внутреннее и внешнее, на печати Алексея Михайловича происходит как бы объединение государственных и земельных символов в рамках общей композиционной системы. На тех изображениях герба, где территориальные эмблемы наложены на крылья орла, происходит еще более жесткое объединение, при котором, впрочем, государственный символ становится неким фоном для территориальных – части уже непосредственно «входят» в «организм» целого.

В павловском гербе 1800 г. единство заявлено максимально жестко. Объединение всех земельных эмблем в одном, едином щите создает впечатление неразрывной сомкнутости в четких геометрических рамках. Здесь, конечно, не могла не отразиться приверженность императора к упорядоченности и дисциплине (при всем влиянии прусского образца). В Большом гербе 1857 г., как уже говорилось, единство земельных гербов заявлено лишь композиционно: они геометрически расположены вокруг центрального изображения, очерчивая контур хоругви. В Большом гербе 1882 г. вновь появляется круговая композиционная схема. Но земельные гербы окружают центр с государственным орлом, не отделяясь от него в особую внешнюю окружность (как на печати Ивана Грозного, где подобным «разделителем» служит титул), но и не жестко подчиняясь ему. Здесь объединяющей эмблемой служат лавровые и дубовые ветви, на которых лежат девять щитов нижнего полукруга.

Показательно, что в отличие от унитарной Российской империи (в ней отсутствовали национальные административно-территориальные образования) на гербе СССР, представлявшем собой совсем иную административно-государственную систему, где декларировалось добровольное объединение республик и даже право наций на «самоопределение», единство республик символически выражалось в более жестких формах. Символ связанного пучка колосьев, восходящий к общефольклорным и библейским мотивам, перевитый одной лентой с многоязычными надписями,

демонстрировал тесную сплоченность (недаром это слово вошло в ту эпоху в официальную идеологическую лексику), даже спаянность, неразрывность республик и народов СССР. Герб СССР, подобно имперскому гербу, также обладал известной устойчивостью, ибо в основании его композиции находился символ единства советских республик, составивших Советский Союз (колосья, перевитые лентой с надписями). Однако восходящее солнце, в лучах которого серп и молот на земном шаре определяли будущее всего мира, вводило герб СССР в определенный футурологический контекст. Это был уже герб не просто символически «закреплявший» свершившееся, но и обращенный в будущее. И этим (хотя, конечно, не только этим) он отличался от имперских гербов XVIII–XIX вв.

Герб СССР просуществовал почти 70 лет. Герб, созданный Кёне, – 60 лет. Герб Алексея Михайловича (1667 г.) – около 30. Герб Большой печати Ивана Грозного – меньше десяти²⁵⁷, а герб Павла I (1799 г.) – меньше двух лет. Все эти сложные геральдические композиции приносили каждый раз новые элементы, эмблемы, детали в российскую государственную геральдику: одни из них закреплялись в ней, другие вскоре исчезали. Менялась общая семантика герба, на нее влияли и политические, и идеологические, и религиозно-духовные установки, большую роль играли и личности правителей. Но если те эмблемы, которые несли семантику власти и государства, усиливали кратологический или политический подтекст государственного герба и в этом смысле были понятны многим – сохранялись и обладали значительной устойчивостью, то иные, ориентированные на особые духовно-религиозные и даже мистические значения, довольно быстро уходили из него или совсем (как мальтийский крест), или сохраняясь еще какое-то время в качестве рудимента (единорог), или постепенно трансформируясь в своей семантике. Особенно показательна в данном контексте судьба государственных гербов Ивана Грозного и императора Павла. Внутренне сложные, мистически настроенные личности, они, бесспорно, влияли на создание этих композиций, воплощая в них свои прежде всего духовные настроения. Но ни пронзительно апокалиптическая семантика герба Ивана Грозного, ни духовно-рыцарственная символика герба Павла не смогли удержаться в пространстве государственной геральдики. Напротив, герб Российской империи второй половины XIX в. и герб Советского Союза обнаружили большую устойчивость именно благодаря своей идеологическо-

политической семантике, выражавшей общегосударственные идеи. При этом если герб Российской империи в основном отражал свершившуюся политическую и идеологическую реальность, то герб СССР был направлен и в будущее. В нем также воплотились своеобразные квазирелигиозные ориентиры, но они были частью государственной идеологии. Личностно же «окрашенные» государственные геральдические композиции, символизировавшие идеи, которые не смогли по тем или иным причинам закрепиться на уровне официальной доктрины, оказывались недолговечны.

Приложение

СОЗДАТЕЛЬ ГЕРБА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

(Барон Б.В. Кёне: штрихи к портрету)

Личность и труды барона Бориса Васильевича Кёне получили в геральдической историографии крайне резкую отрицательную оценку. Такая репутация сложилась у Кёне еще при жизни, но в дореволюционный период отношение к его деятельности было более взвешенным, вплоть до появления в 1915 г. большой работы П.И. Белавенца об истории государственного герба в имперский период, по сути являвшейся запоздалой полемикой по поводу кёневского варианта герба и особенно актуальной для периода Первой мировой войны, когда обострилась борьба со всем немецким и австрийским. Позиция Белавенца вкупе с негативной характеристикой личности Кёне многими его современниками повлияла и на современную историографию. Практически в каждом труде по истории государственной геральдики России авторы отзываются о создателе имперского герба с саркастической неприязнью и каждый считает своим долгом привести отрывок из так называемой «Археологической оды» Е.Е. Люценко, написанной в 1870 и 1878 гг. и посвященной бар. В.Г. Тизенгаузену, весьма популярной в свое время в научных кругах [«Различных государств кресты / На шее у него болтались, / Развешенные в три ряда, / Здесь было все: медали, знаки / И даже, наконец, звезда / Персидской бешеной собаки (имеется в виду персидский орден Льва и Солнца. — *Е.П.*)... Берлинский партикулярист, / Шпион по иностранной части, / Как самозванный геральдист / Добился он на службе власти» и т. д.]. Впрочем, цитируется она крайне избирательно и далеко не в лучших своих местах²⁵⁸.

Такое единодушие, основанное на заранее сформированном мнении, не позволяет более трезво, без излишней эмоциональной экзальтированности оценить вклад Кёне в

русскую науку и геральдическую практику. Работ, посвященных этой теме, за исключением небольшого текста С.Л. Плотникова²⁵⁹, практически не имеется. Целью данного очерка является краткий обзор истории жизни и деятельности Кёне, одного из самых любопытных деятелей истории русской геральдики.

Бернгард Карл (в России Борис Васильевич) Кёне (4/16.7.1817, Берлин – 5.2.1886, Вюрцбург, Бавария)²⁶⁰ родился в семье тайного государственного архивариуса, берлинского еврея, принявшего реформатское вероисповедание²⁶¹ (сам Кёне и его сын остались протестантами, несмотря на то что связали свою жизнь с Россией, а внук уже был православным). Он рано увлекся нумизматикой и свою первую работу в этой области («Монетное дело города Берлина»)²⁶² опубликовал в возрасте 20 лет, когда еще был учеником берлинской гимназии имени Фр. Вердера. Затем Кёне учился в Лейпцигском и Берлинском университетах, в 1841 г. защитил диссертацию о монетах Фридриха II Бранденбургского и получил звание приват-доцента Берлинского университета по кафедре нумизматики и археологии. Он также стал одним из активных деятелей, а затем и секретарем Берлинского нумизматического общества, а в 1841–1846 гг. руководил изданием журнала по нумизматике, сфрагистике и геральдике²⁶³. Вообще Кёне имел превосходные организаторские способности и, в частности, умел хорошо поставить издательское дело, что впоследствии пригодилось ему в России²⁶⁴.

С Россией Кёне заочно познакомился еще в начале 1840-х годов. Известный нумизмат Яков Яковлевич Рейхель, служивший в Экспедиции заготовления государственных бумаг, владелец одной из крупнейших нумизматических коллекций, обратил внимание на молодого человека, вскоре ставшего его помощником в собирательстве и «представителем» в немецких нумизматических кругах. После окончания университетского курса Кёне впервые приехал в Петербург. В Берлин он вернулся с твердым желанием поступить на русскую службу и выступил претендентом на свободную тогда кафедру археологии в Петер-

бургской Академии наук (чего так и не произошло). В результате протекции Рейхеля 27 марта 1845 г. Кёне был определен помощником начальника Первого отделения Императорского Эрмитажа (Первое отделение включало собрания антиков и монет, им руководил крупный нумизмат Флориан Антонович Жиль) с чином коллежского асессора [к концу жизни Кёне дослужился до тайного советника (1876)]. Следует подчеркнуть, что именно в это время, во второй половине 1840 – начале 1850-х годов в Эрмитаже велась самая активная работа (под непосредственным руководством Николая I) по созданию собственно музея, открытого для публики, в новом здании (Новый Эрмитаж), строившемся по проекту Лео фон Кленце.

В Петербурге Кёне развил бурную деятельность. Упорное желание попасть в Академию наук, причем по археологическому «направлению», стимулировало не только активное изучение им археологии, но и его не менее активную организаторскую работу. Стремясь обрести нужный вес в научных кругах, Кёне выступил инициатором создания в России специального нумизматического общества, но поскольку археология неизбежно привлекала его, он соединил две эти науки под одним «административным» названием – так появилось Археологическо-Нумизматическое общество в Петербурге (позднее Русское Археологическое общество), наименование которого Кёне попытался объяснить уже на первом его заседании (17 июня 1846 г.), подчеркивая тесную связь археологии и нумизматики. Президентом общества согласился стать герцог Максимилиан Лейхтенбергский, вице-президентами стали Жиль и Рейхель, секретарями – И.А. Бартоломей и Кёне. По сути, вся организационная работа легла на плечи предприимчивого иммигранта, который сразу же постарался придать ей как можно более широкий размах. Работа в обществе выявила несколько характерных черт деятельности Кёне. Во-первых, он сумел организовать издание «Записок» общества, шесть томов которых увидели свет в 1847–1852 гг. Во-вторых, Кёне отличала большая научная активность, он выступал практически на каждом заседании, а его интересы были

крайне разнообразны. Достаточно сказать, что когда в разросшемся обществе в 1851 г. образовались три отдела (русской и славянской археологии, восточной археологии, древностей и западной археологии), Кёне записался во все три и в третьем был избран секретарем. Наиболее крупной его научной работой этого периода стала книга «Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического» (СПб., 1848). В-третьих, Кёне стремился пропагандировать себя и общество в европейском масштабе. На нем лежала вся переписка с иностранными учеными. Работы самого Кёне известны на семи языках. А иностранные научные общества неизменно принимали его в свои члены, так что к концу жизни он являлся членом 30 зарубежных обществ и академий (в Петербургскую он так и не попал). Кстати, ориентированность на Запад привела к тому, что Кёне старался не допускать на заседаниях докладов на русском языке (только на французском и немецком, издание «Записок» общества осуществлялось на французском, немецком и русском языках), и лишь после того как в общество вступил этнограф и археолог Иван Петрович Сахаров (1807–1863), русский язык был восстановлен в своих правах. В период деятельности Кёне в обществе и его работы в Эрмитаже открылась еще одна его, нелюбимая черта, отталкивавшая многих общавшихся с ним людей – «искательство», стремление заручиться поддержкой значительных фигур чиновного мира. И действительно, со временем Кёне сумел войти в доверие и к гр. В.Ф. Адлербергу, и к гр. П.А. Шувалову, пользовался расположением сына министра народного просвещения, известного археолога гр. А.С. Уварова. Он, кроме того, помогал им собирать нумизматические коллекции, приобретая репутацию ловкого дельца, успешно занимавшегося скупкой и продажей монет. Видимо, эта деятельность и привела к тому, что 2 апреля 1850 г. Кёне был перемещен во Второе отделение Эрмитажа (картинная галерея). Одновременно он предпринимал шаги, чтобы закрепиться на геральдическом поприще, поступив на службу в департамент Герольдии Правительствующего Сената.

Карьера Кёне в Русском Археологическом обществе оборвалась с приходом нового августейшего руководителя Великого князя Константина Николаевича. Он не утвердил избрание Кёне секретарем третьего отдела общества (единственный случай за всю историю общества), в результате чего в начале 1853 г. Кёне покинул его ряды. Константин Николаевич, видимо, вообще питал к Кёне устойчивую неприязнь. В частности, он неодобрительно отнесся к проекту государственного герба 1856–1857 гг. Н.И. Веселовский так оценил роль Кёне в истории Русского Археологического общества: «Во всяком случае, следует заметить, что наше Археологическое общество очень многим обязано Кёне. Он с первых же дней существования общества сделался одним из самых усердных его сотрудников. Не много прошло заседаний, в которых мы не видели бы участия Кёне, то сообщавшего свои исследования по разным вопросам археологии, то изыскивавшего классические древности и монеты, поступавшие в Императорский Эрмитаж или находящиеся в частных собраниях, то дававшего разные более или менее интересные заметки. На нем лежала первое время иностранная переписка, и он же состоял редактором *Mémoires*’ов во все время их выхода. И надо сказать, что удаление Кёне оставило в обществе существенный пробел, который долго никем не был восполнен»²⁶⁵.

Вторая половина 1850-х годов – это триумф Кёне в Герольдии, когда он в 1856 г. создает Большой государственный герб империи, а в июне 1857 г. становится управляющим Гербовым отделением при департаменте (с оставлением в должности по Эрмитажу). Возглавив всю практическую работу в области российской геральдики, Кёне в течение последующих лет начал масштабную геральдическую реформу, стремясь унифицировать и придать системность корпусу российских родовых и территориальных гербов путем приведения их в соответствие с правилами европейской геральдики (например, поворот фигур в правую геральдическую сторону; замена некоторых, казавшихся ему не подходящими для геральдики фигур иными и т. д.) и введения новых принципов и элементов (помещение

губернского герба в вольную часть городского, система эмблем внешней части территориальных и городских гербов, отражающих их статус и т. д.)²⁶⁶. Кёне принадлежит также и авторство черно-желто(золотого)-белого государственного российского флага, решенного в цветах главной фигуры и поля щита российского государственного герба (черный орел в золотом поле)²⁶⁷. Но, несмотря на успешность практической геральдической деятельности, научная репутация Кёне в те же годы оказалась безнадежно испорченной. Летом 1858 г. в королевском минц-кабинете в Стокгольме Кёне обнаружил древнерусскую монету. Интерпретировав ее как монету князя Олега, он поспешил оповестить о сенсационной находке научный мир и натолкнулся на твердые и аргументированные возражения А.А. Куника. Куник однозначно и абсолютно верно определил монету как сребреник Ярослава Мудрого с изображением Георгия Победоносца, Кёне не воспринял критику и стоял на своем – в печати развернулась острая дискуссия. К ней подключился В.В. Стасов, раздувший ее до масштабов настоящего научного скандала. Кёне обвиняли в недопустимо оскорбительном тоне. Примером этого считали слова «первооткрывателя», что ему безразлично мнение чиновников минц-кабинета Эрмитажа (где служил Куник), поскольку, дескать, «никто из них до сих пор не издал в свет никакого сочинения по Нумизматике» (имелся в виду прежде всего Куник)²⁶⁸. Со временем страсти улеглись, но научное реноме Кёне было испорчено²⁶⁹.

Между тем продолжалась и эрмитажная деятельность Кёне. В январе 1864 г. он был назначен советником по ученой части Эрмитажа. В 1866 г. издал с небольшими комментариями репродукции хранящихся в Эрмитаже картин Леонардо да Винчи и Рафаэля, в следующем году «Галерею портретов Дома Романовых» – знаменитую Романовскую галерею Зимнего дворца. В конце 1870-х годов Кёне совершил действительно значимое научное открытие. Благодаря сфрагистическому анализу и исследованию документальных материалов ему удалось выяснить историю покупки Екатериной II коллекции картин берлинского коммерсанта

И.Э. Гоцковского в 1764 г.²⁷⁰ Приобретение коллекции считается началом истории Эрмитажного музея, и этой датой, вошедшей сегодня во все путеводители и издания по Эрмитажу, мы обязаны именно Кёне. Одна из последних крупных работ Кёне (1882) рассматривала историю дипломатических отношений российского и прусского дворов с середины XVII по середину XVIII в. включительно.

15 октября 1862 г. Кёне было дозволено принять баронский титул, пожалованный 12/24 мая того же года правительницей (за малолетством принца Генриха XXII) княжества Рёйсс-Грейцского Каролиной-Амалией²⁷¹. В литературе можно встретить утверждение, что этим титулом Кёне обязан созданному им государственному гербу Российской империи²⁷², но эти данные нуждаются в подтверждении. Скорее всего, предприимчивый нумизмат просто купил права на этот титул и таким образом стал, наверное, единственным в России бароном «Рёйсс-Грейцским».

Звезда Кёне закатилась в начале царствования Александра III. В июне 1883 г. барона отчислили из состава коронационной комиссии. В апреле 1885 г. он, получив отпуск, уехал за границу «на лечение», где и умер. Потомки Кёне находились на военной службе. Сын – Борис Борисович (1846–?), гвардейский офицер, полковник (1889), участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.²⁷³ Внук – тоже Борис Борисович (1872 – после 1931), выпускник Николаевского кавалерийского училища – дослужился до генерал-майора, воевал у белых, в эмиграции жил в Югославии и Болгарии²⁷⁴. Пока не удалось выяснить, здравствуют ли его потомки в настоящее время.

Примечания

¹ Из работ, посвященных истории государственного герба в целом или охватывающих большой хронологический отрезок, важно отметить: *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990 (репринт. изд.: СПб., 1855). С. 136–174; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963, 1974; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993 (разделы о гербах написаны Н.А. Соболевой); *Герб и флаг России. X–XX века* / Отв. ред. Г.В. Вилинбахов. М., 1997 [раздел о гербе написан А.Л. Хорошкевич (далее – *Хорошкевич А.Л.* Герб), отдельные параграфы раздела – Г.В. Вилинбаховым и С.Ф. Фаизовым; одно из наиболее ценных по полноте и информативности изданий]; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997; *Он же.* История Российского герба и флага. СПб., 2004. По геральдике имперского периода см. также: *Шепелев Л.Е.* Геральдика России. XVIII – начало XX века. СПб., 2003.

² *Данилевский И.Н.* Рец.: Соболева Н.А. Русские печати. М., 1991 // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 177.

³ Примером здесь могут служить объяснения трех венцов над головами орла в стихах «Славянской Библии» 1663 г. как веры, надежды и любви к Богу (*Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 35) или двуглавости российского орла иноком Гервасием в 1689 г. как символа правления двух царей – Ивана и Петра, а трех корон («венцов») как символа Святой Троицы (*Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 243–244). В контексте интерпретаций современного государственного герба, когда двуглавость орла объясняется евразийским пространством России, можно вспомнить и трактовку киевского «Синописа» (1680 г.): «Православного царя орел двоеглавный, / От Восток солнца, даже до Запада славный. / Благочестием Веры, силою Державы / Врагов души и тела побеждает главы».

⁴ См.: *Гинзбург К.* Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М., 2004. С. 189–241.

⁵ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 332.

⁶ Юрганов А.Л. Символ русского государства и средневековое сознание // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 118–132 (см. также: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 329–355); Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999 (см. также: Кучкин В.А. Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 24–39); Королев Г.И. Стилистика двуглавых орлов XIII–XVII вв. (сравнительный разбор) // Гербовед. № 38. М., 1999. С. 60–65. К сожалению, единственным примером анализа каждой из «составных частей» государственного герба в отечественной геральдической историографии так и остается классический, полуторавековой давности труд А.Б. Лакиера (Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 142–159).

⁷ Лаврентьев А.В. Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 33.

⁸ Там же. С. 43.

⁹ Соболева Н.А. О методике изучения сфрагистического материала XV–XVIII вв. (Историографические заметки) // Вспомогательные исторические дисциплины (далее – ВИД). Вып. 8. Л., 1976. С. 149.

¹⁰ Наиболее полное собрание изображений государственных печатей XVI–XVII вв.: Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. Вып. 1. М., 1882. Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном архиве Министерства иностранных дел (МГАМИД), было осуществлено под руководством директора архива барона Ф.А. Бюлера. Оно представляет собой по сути публикацию материалов, подготовленных еще прежним директором МГАМИД князем Михаилом Андреевичем Оболенским. Барон Федор Андреевич Бюлер (1821–1896) – почетный член Императорской Академии наук с 1878 г., действительный член Археографической комиссии, гофмейстер Двора Его Императорского Величества, директор МГАМИД, Государственного Древлехранилища и Комиссии печатания государственных грамот и договоров

с 1873 г. Две «печати» из этого издания (№ 13 и № 35) представляют собой на самом деле наградные золотые.

¹¹ «... в изображениях на рисунках, сосудах и других неофициальных памятниках она (речь идет о форме двуглавого орла. – Е.П.) изменялась до чрезвычайности. Вообще, мы должны заметить, что двуглавый орел употреблялся как украшение очень часто на изделиях, и потому вкус художника решал, как убрать любимую эмблему и какие придать ей атрибуты», – писал А.Б. Лакиер (Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 143). Здесь нужно, конечно, разграничивать собственно государственный герб и геральдические изображения «на тему» государственного герба. Очевидно, что более или менее «канонические» изображения государственного герба не могли помещаться абсолютно на любых предметах, поэтому и происходили всевозможные эмблематические и изобразительные трансформации, в результате которых создавались своего рода квазигосударственные гербы, обозначающие герб, но не идентичные ему. Это интереснейшее эмблематическое «пространство», находившееся как бы между официальным изображением (с фиксированным набором элементов) и функцией обозначения данного предмета, как имеющего отношение к царской, государственной власти, в котором рождались самые разнообразные формы, нуждается еще в детальном изучении в каждой из «предметных» областей (оружие, изразцы и др.). Ясно лишь, что главной фигурой, выполнявшей обозначающую функцию, всегда оставался двуглавый орел, а его конкретная атрибутика менялась в зависимости от самого предмета.

¹² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 332.

¹³ Примером такой работы может служить кн.: Уздеников В.В. Геральдическое оформление российских монет 1700–1917 гг. М., 1998.

¹⁴ Воспроизв.: Хорошкевич А.Л. Герб. С. 115–116 (с неверной атрибуцией Василию III и определением лицевой и оборотной сторон). Текст грамоты: «1497 г. июля. Жалованная меновная и отводная грамота великого князя Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь Тверского уезда, промененные им великим князем» // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей

XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 341–344 (№ 85).

¹⁵ Воспроизв.: *Соболева Н.А.* Происхождение печати 1497 года: новые подходы к исследованию // Отечественная история. 2000. № 4. С. 34–35; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. Ил. на цветной вкладке.

¹⁶ *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 157–158; *Кучкин В.А.* Происхождение русского двуглавого орла. С. 5, 20–22.

¹⁷ *Кучкин В.А.* Происхождение русского двуглавого орла. С. 21.

¹⁸ О структуре интитуляции княжеских актов см.: *Кашианов С.М.* Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. (Опыт первичной классификации) // ВИД. Вып. 8. С. 71 и сл. В легенде аверса данной печати мы видим «именную», «богословскую» и «титულную» части.

¹⁹ *Черных А.П.* Выступление в дискуссии по докладу Н.А. Соболевой «Печать 1497 г. – историко-художественный памятник Московской Руси» // Труды Ин-та российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3. М., 2002. С. 63.

²⁰ Наиболее подробный анализ изображений всадника на печатях и монетах см.: *Молчанов А.А.* Предыстория московского герба // Альманах «Марс». № 1. 1997. С. 3–8; *Chernetsov A.V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An iconographic study. Oxford, 1983. P. 98–114. Pl. XI–XIII; см. также: *Вилинбахов Г.В.* Всадник русского герба // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 21. Л., 1981. С. 117. О первых изображениях всадника в древнерусской княжеской сфрагистике см. также: *Королев Г.И.* Всадник на печати новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого // Гербовед. № 17. М., 1997. С. 82–86 (здесь же наиболее близкие европейские аналогии). Вообще же всадник – одно из наиболее и повсеместно распространенных изображений правителя в европейской средневековой сфрагистике того времени.

²¹ См.: *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 154–158.

²² Н.А. Соболева, впрочем, усматривает «едва различимого змея» под копытами коня всадника на печатях Василия I (*Соболева Н.А.* Происхождение печати 1497 года... С. 28), но не прослеживает его наличие на печатях других русских князей.

²³ *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 160.

²⁴ *Chernetsov A.V.* Op. cit. Pl. XI–XIII.

²⁵ *Соболева Н.А.* Происхождение печати 1497 года...; *Она же.* Герб Москвы: (Исторический очерк). М., 2000. Подробно о Святом Георгии в византийском и древнерусском искусстве см.: *Алпатов М.В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы. Т. 12. Л., 1956 (также в кн.: *Алпатов М.В.* Этюды по истории русского искусства. Т. 1. М., 1967. С. 154–169); *Лазарев В.Н.* Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись: Ст. и исслед. М., 1970. С. 55–102. О самом образе Святого Георгия и символикe, с ним связанной, см.: *Аверинцев С.С.* Георгий Победоносец // Мифы народов мира: Энцикл. Т. 1. М., 1991. С. 273–275; *Сендерович С.Я.* Георгий Победоносец в русской культуре: Страницы истории. 2-е изд., перераб. М., 2002.

²⁶ *Сендерович С.Я.* Указ. соч. С. 19–27 (со ссылкой на труды В.Я. Проппа). Очень важный изобразительный материал собран в кн.: *Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Святой Георгий Победоносец: Образ Святого Георгия Победоносца в России. СПб., 1995.

²⁷ П.И. Белавенец, впрочем, утверждал, что наличие нимба над головой Святого Георгия необязательно и позднее в российской геральдике не встречается (*Белавенец П.И.* Изменение Российского Государственного герба в Императорский период: (Историческая справка) // Вестник Императорского общества ревнителей истории. Вып. 2. Пг., 1915. С. 71), однако речь должна идти об изобразительной традиции XIV–XV вв., в которой как раз нимб над головой Георгия Победоносца, как правило, присутствовал.

²⁸ См.: *Перхавко В.Б.* Выступление в дискуссии по докладу Н.А. Соболевой // Труды Ин-та российской истории РАН. С. 64; Изображения: *Соболева Н.А.* Происхождение печати 1497 года... С. 34; *Она же.* Драконоборец из Ломбардии // Родина. 2003. № 4. С. 44.

²⁹ *Соболева Н.А.* Происхождение печати 1497 года... С. 34–35; *Она же.* Драконоборец из Ломбардии. С. 42–46.

³⁰ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 110–111; *Хорошкевич А.Л.* Символы русской государственности. М., 1993.

С. 19–20; Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б. Указ. соч. С. 23–28; Кучкин В.А. Указ. соч. С. 18.

³¹ Многочисленные примеры трактовки всадника на печатях как государя см.: Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 83–86; Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч. С. 111–114; Вилинбахов Г.В. Всадник русского герба. С. 119–120; Соболева Н.А., Артамонов В.А. Указ. соч. С. 11–12; Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б. Указ. соч. С. 24–27. Наиболее ранним по времени объяснением, видимо, являются слова новгородского архидиакона Геннадия, посланного Иваном Грозным в 1558 г. в Святую Землю, alexandрийскому патриарху Иоакиму: «Государь на кони». Трактовка 1530-х годов («Князь великий на коне») объясняет этимологию названия «деньги копейные» и относится к нумизматике. То же касается и букв «кн» рядом с изображением всадника на монетах XV в. Среди иностранцев, трактовавших московского всадника как Георгия Победоносца, побывавшие в России в XVI–XVII вв. Р. Барберини, Д. Флетчер, С. Коллинз и И. Корб. Любопытно, что московские англичане середины XVII в. объясняли происхождение этой эмблемы тем, что якобы в свое время английская королева Елизавета прислала Ивану Грозному знак ордена Подвязки (с изображением Святого Георгия) (Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 4: Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961. С. 98).

³² Наиболее обстоятельный труд предпринял историк-эмигрант А.В. Соловьев (*Solovjev A.V. Les emblems héraldique de Byzance et de Slaves // Seminarium Kondakovianum. Vol. 7. Praha, 1935. P. 119–164*); см. также: *Hohenlohe-Waldenburg F.K. Der Heraldische Doppel Adler. Stuttgart, 1871*; *Kornemann E. Adler und Doppeladler im Wappen des alten Reiches // Das Reich: Idee und Gestalt. Stuttgart, 1941. S. 45–69*; *Leonhard W. Das grosse Buch der Wappenkunst. München, 2003. S. 182–204*; Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет; Соболева Н.А. Печать 1497 г. – историко-художественный памятник Московской Руси // Труды Ин-та российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3. М., 2002. С. 33–38 (здесь же и литература вопроса).

³³ См.: Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 11.

³⁴ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Орел // Мифы народов мира: Энцикл. Т. 2. М., 1992. С. 260.

³⁵ Как это, вероятно, было в культурах доколумбовой Южной и Центральной Америки [см.: Березкин Ю.Е. Двуглавый ягуар и жезлы начальников (Символы власти и социальные функции в доколумбовой Америке) // Вестник древней истории. 1983. № 1. С. 163–184]. О дуалистических мифологиях и двоичных кодах культуры см.: Иванов Вяч. Вс. Нечет и чет: Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998. С. 505–540 (гл. 2: Близнецы). Дуальная система организации была характерна, в частности, для кочевых обществ, включая Монгольскую державу [Рыкин П.О. Дуальная система власти на Руси при Александре Невском (антропологический подход) // Клепинин Н.А. Святой благоверный и великий князь Александр Невский. СПб., 2004. С. 214–218], хотя для политической структуры государств Чингизидов двоевластие, скорее, исключение, нежели правило [Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей: Древность и Средневековье. СПб., 2004. С. 199; см. также с. 214–215 (текст Т.И. Султанова)].

³⁶ Эмблема двуглавого орла как нельзя лучше выражает идею двуединства: она удивительно симметрична и уравновешена. При этом достигается и эффект абсолютной равновеликости двух частей, ни одна из них не «главнее» другой, и в то же время обе составляют единое целое. Вообще двуглавого орла следует признать одной из наиболее «удачных» эмблем в мировой культуре.

³⁷ Подробнее о различных геральдических конструкциях вокруг римской прародине двуглавого орла у авторов XIV–XVII вв. см.: Королев Г.И. Символизация Цезаря и Августа (с древних времен по XVII век) // Гербовед. № 55. М., 2002. С. 28–33.

³⁸ В конечном итоге чисто юридически обе традиции совместились, поскольку брат Софьи Андрей Палеолог в 1502 г. завещал свои права на византийский престол «католическим государям» Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской, чья дочь Хуана Безумная вышла замуж за сына Максимилиана Габсбурга Филиппа I и стала матерью императоров Карла V и Фердинанда I.

³⁹ Примером тому может служить переписка Ивана IV с Юханом III, обвинявшим московского царя в узурпации печати Римской империи. В ответ Иван писал, что унаследовал печать от своих прародителей, а свое право на нее обосновывал тем, что является наследником императора Августа (согласно существовавшей тогда идеологии о происхождении Рюрика от рода Августа) (*Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // *Архив русской истории.* Вып. 5. М., 1994. С. 223).

⁴⁰ См.: *Орешиников А.В.* Древнейшее русское изображение двуглавого орла // *Труды Московского нумизматического общества.* Т. 2, вып. 1. М., 1899. С. 11–14; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 138; *Chernetsov A.V.* Op. cit. Pl. XXI, 5, ср.: там же, 6–8, pl. XXXVII, 1; Р. 154–155 (изображения, встречающиеся на монетах Михаила Борисовича, впрочем, весьма разнообразны). А.В. Орешиников полагал, что Тверь заимствовала византийского орла из Москвы. «То, что двуглавый орел рассматривался как знаковый эквивалент верховной власти, подтверждается фактом использования этой эмблемы как Москвой, так и Тверью, боровшимися тогда за верховенство» (*Вилинбахов Г.В.* История Российского герба и флага. С. 13–14).

⁴¹ О некоторых других примерах, связанных в основном с изобразительным искусством, см.: *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 21; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 101; *Вагнер Г.К., Воробьева Е.В.* Архитектурный декор Руси X–XIII веков // *Древняя Русь: Быт и культура.* М., 1997. С. 200. Изображение двуглавого хищной птицы на бляшке из Гнездова, датируемой X в., см.: *Кулаков В.И.* Предшественники эмблемы Византии // *Гербовед.* № 5–6. М., 1994. С. 10; автор объясняет это изображение религиозными ритуалами древних скандинавов, однако, очевидно, что его вряд ли можно связывать с позднейшим русским двуглавым орлом. Сами по себе спорадические изображения двуглавого орла на различных памятниках культуры на протяжении большого временного промежутка в рамках одного региона могли принадлежать к совершенно разным символическим традициям.

⁴² См.: *Алеф Г.* Заимствование Москвой двуглавого орла: точка зрения несогласного // *Из истории русской культуры.* Т. 2.

Кн. 1. М., 2002. С. 633. Несмотря на то что двуглавый орел не был официальной государственной геральдической эмблемой Византии, его изображения были не только хорошо известны в империи, но и связаны с династией Палеологов. «Герб, представляющий в червленом поле золотого двуглавого орла, следует полагать символом Византии, — отмечает Т.Ю. Стукалова, анализируя геральдические эмблемы на одной миниатюре XIV в., — хотя формального герба по западноевропейскому образцу это государство не имело. Однако ярко-красные (пурпурные) императорские одежды, расшитые золотыми двуглавыми орлами, хорошо известны, и уже с XII в. дорогие ткани по византийскому образцу с такими же изображениями орлов изготавливались в Палермо и Кордове. Более того, на золотой булле Андроника II Палеолога (1282–1328), датируемой 1293 г., двуглавый орел предстает как эмблема императора, и во второй половине XIV в. оформляется как полноценный герб Морейского деспотата. В правление того же императора появляются и первые монеты, украшенные двуглавым орлом» (*Стукалова Т.Ю.* Опыт геральдического комментария к миниатюре XIV в. // *Нумизматический сборник ГИМ.* Т. 16. М., 2003. С. 101; см. также: *Гурулёва В.В.* Монеты Палеологов с изображением двуглавого орла в собрании Государственного Эрмитажа // VIII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. М., 2000. С. 40–43). (История пурпурного цвета — отдельная тема для исследования.) О двуглавом орле в контексте византийской императорской эмблематики см.: *Вилинбахов Г.В.* История Российского герба и флага. С. 10–11 (примечательно, что на знамени Андроника II Палеолога был изображен золотой двуглавый орел под двумя коронами на красном поле). Двуглавый орел — распространенный элемент в эмблематике восточных христианских церквей, связанных с византийской традицией (*Комаровский Е.А.* Западная и российская церковная геральдика: традиции и перспективы // *Гербовед.* № 70. М., 2004. С. 116).

⁴³ *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 18–19.

⁴⁴ Воспроизв.: *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 16.

⁴⁵ *Алеф Г.* Указ. соч. С. 632–633; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 127; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 25.

⁴⁶ *Алеф Г.* Указ. соч. С. 629–630.

⁴⁷ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 19–21. Историк полагает, что данная печать «первоначально предназначалась для скрепления русских дипломатических документов, адресованных соправителю императора, папе и князьям Германии и Италии» (С. 14). Остается вопрос, почему же ею скреплялись внутригосударственные акты, пусть даже и большой важности. Вероятно, в период Ивана III система употребления тех или иных печатей только начинает складываться. О постепенности утверждения новых эмблем в качестве официальных символов говорит и то, что великий князь одновременно продолжал использовать и печать с совсем иным изображением (Соболева Н.А. Русские печати. С. 156).

⁴⁸ Цит. по: Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 118.

⁴⁹ Цит. по: Соболева Н.А. Русские печати. С. 199–200.

⁵⁰ Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 25.

⁵¹ Хотя концепция «Москва – Третий Рим» была изложена в послании монаха Филофея только в 1523–1524 гг., идея о преемственности Москвы от восточноримской империи, в том числе и в контексте дипломатических взаимоотношений с государями Священной Римской империи, существовала уже в 1480–1490-х годах (см. подробнее: Синицына Н.В. Указ. соч. С. 115–132, особенно с. 118–121).

⁵² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 345. «Концепция Москва – Третий Рим носила эсхатологический характер, и в этом контексте русский монарх как глава последнего православного царства наделялся мессианистической ролью» (Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 55). Змий А.Л. Юргановым идентифицируется как аспид-крас.

⁵³ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 347–349.

⁵⁴ Выдвинутая недавно гипотеза И.Н. Данилевского о семантике двуглавого орла на Руси (Данилевский И.Н. Сколько голов у двуглавого орла? // Норна у источника Судьбы. М., 2001. С. 95–105), который связывается исследователем с образом трехглавого орла из библейской 3-й книги Ездры, не подтверждается,

однако, отечественным изобразительным материалом – корона между двумя головами орла появляется только к концу царствования Ивана Грозного, а до этого никакого намека на гипотетический «след» третьей головы нет. В то же время трехглавые орлы известны в европейской геральдике XIV в. Это орлы «немецкого» типа, но «в основе» своей одноглавые: одна голова на шее и две головы завершают оба крыла. При этом головы на крыльях обращены навстречу друг другу. Именно такой вид, например, имеют орлы на миниатюре «Манесской рукописи» XIV в., изображающей поэта Рейнмара фон Цветера. Вообще же в немецкой геральдической традиции одноглавые орлы на конце крыльев имеют своеобразные утолщения, обозначаемые зачастую трилистниками, соединенными полумесяцем [подробнее об орлах этого типа применительно к произведениям декоративно-прикладного, в частности ювелирного, искусства см., например: Pietrusiński J. Średniowieczne klejnoty monarsze w złotym skarbie ze Środy Śląskiej // Klejnoty monarsze. Skarb ze Środy Śląskiej. Wrocław, 1996. P. 31–37 (на примере короны конца XIII – первой четверти XIV в., здесь же близкая иконография орлов)]. В российской государственной эмблематике, впрочем, известно такое изображение, но оно относится к истории царских регалий. Так называемый скипетр царя Михаила Федоровича, созданный, по всей видимости, во второй половине XVI в., увенчан тремя одноглавыми орлами под одной короной (Бобровницкая И.А. Регалии российских государей. М., 2004. С. 11–14), при этом на крыльях орлов по два соединенных трилистника, что, безусловно, объясняется западноевропейским происхождением этого предмета. Как полагают, скипетр был создан в Праге в начале XVII в. при дворе императора Рудольфа II, возможно, южнонемецкими мастерами (Мартьянова М.В. Регалии царя Михаила Федоровича. М., 2003. С. 35–38). Отмечу лишь, что особенности изображения геральдических орлов могут, вероятно, помочь прояснить конкретные истоки этого памятника.

⁵⁵ В.А. Кучкин считает, что прочтение титула на печати следует начинать со слов «великий князь» (Кучкин В.А. Указ. соч. С. 10). Но если читать по окружности сверху вниз от копы всадника, то первыми будут слова «Иоанн Божиею милостию». Такое же расположение титула присутствует на печатях и Василия III, и Ивана Грозного [Снимки... № 4 (1514 г.), 6 (1517 г.), 7 (1539 г.)].

На аверсе печатей 1514 и 1517 гг. легенда начинается словами «Василей Божиею милостию» и заканчивается «великий князь», а на аверсе печати 1539 г. состоит из слов «Иван Божиею милостию господарь всея Руси»; на реверсе же всех трех печатей легенда начинается словами «и великий князь» и далее следует объектный титул. Эти аналогии вроде бы свидетельствуют о том, что в конце XV – начале XVI в. титул российских государей на печатях начинался с имени. Повторение же слов «великий князь» в начале легенды на реверсе печатей Ивана III и Василия III может объясняться необходимостью презентации и самой структурой объектного титула (в противном случае пришлось бы сразу перечислять объекты «Влад. и Мос.» и т. д.). Такую же особенность легенды аверса имеют и другие печати XVI в., например печать Василия III 1516 г. (воспроизв.: *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 144). С имени царя начинается легенда и на аверсе Малых (двойных кормчих) печатей Ивана Грозного 1577 г. и Федора Иоанновича 1584 г.: «Иван (Феодор) Божиею милостию царь...» (Снимки... № 16, 22, 25). В русских актах начала XVI в. присутствовала сходная структура интитуляции: имя + формула «Божиею милостию» + титул (такое положение сохранялось до середины 1510-х годов); «постановка имени на первое место соответствовала традиции западноевропейских королевских актов, обычно начинавшихся с имени короля или императора» (*Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 31). Да и в самом тексте грамоты 1497 г. интитуляция выглядит так: «Мы, Иван, Божьею милостию государь всея Руси и великий князь» [Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 341 (№ 85)].

⁵⁶ *Успенский Б.А.* «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 137–145.

⁵⁷ Подробнее см.: *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 373 и сл.

⁵⁸ Недаром П.И. Белавенец называл такой поворот геральдической фигуры поворотом «в церковную сторону» (*Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 70).

⁵⁹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 140–141.

⁶⁰ *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 156.

⁶¹ Здесь, конечно, не идет речь о личных «перстенных» (перстневых) печатях государей, изображения на которых могли быть никак не связаны с государственной символикой, – такие печати известны вплоть до времени царя Алексея Михайловича. См.: Снимки... № 11 [перстневая печать Ивана Грозного 1557 г., изображение похоже на один из типов печатей Ивана III – «Победа, увенчивающая венком героя» (?) – *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 154, 156 (№ 34, 35)], № 20 (Ивана Грозного 1545 г.), № 58 (Алексея Михайловича 1653 г., изображен Самсон, раздирающий пасть льву), № 59 (Алексея Михайловича 1656–1658 гг., изображен европейский герб). На перстневой печати царя Федора Алексеевича уже помещен российский двуглавый орел, но в европейском геральдическом щите со шлемом, наметом и короной (Снимки... № 60).

⁶² О монетах этого времени см.: *Гайдуков П.Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М., 1993.

⁶³ *Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Деньги в России: История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000. С. 40–42.

⁶⁴ *Калинин В.А.* Монеты с русско-татарскими надписями // Труды Гос. Эрмитажа. Т. 21. Л., 1981. С. 111–116.

⁶⁵ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 139–141.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929. С. 570–571. Подробнее: *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого: История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989. Гл. 1.

⁶⁷ *Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Указ. соч. С. 59–60.

⁶⁸ *Спаский И.Г.* К прижизненной иконографии Ивана Грозного // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 41. Л., 1976. С. 49–53; *Мельникова А.С.* Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии самодержавной власти // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1. М., 2002. С. 610–620.

⁶⁹ В указе 1704 г. о выпуске медных копеек всадник все еще назван «великим государем на коне» (*Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Указ. соч. С. 25).

⁷⁰ Г. Котошихин, писавший свое сочинение о России в 1660-х годах, называет эту птичку голубем. Такая интерпретация наиболее распространена в историографии (см., например: *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого... С. 164), хотя А.Л. Хорошкевич усматривает в птичке одноглавого орла и связывает его, в частности, с орлами на новгородских печатях XV в., восходящими к владими́ро-суздальской эмблематике (*Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 99–103). На полушках птичка сохранялась вплоть до эпохи Алексея Михайловича, когда «по необъяснимым причинам» ее сменил двуглавый орел (*Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого... С. 156, 164; исследовательница полагает, что это результат «дальнейшего развития изображения птицы»). Существенно, что если трактовать птичку как голубя, то замена ее двуглавым орлом при Алексее Михайловиче (равно как и само появление птички на полушках Ивана Грозного) требует специального объяснения, ибо в таком случае это совершенно разные эмблемы.

⁷¹ *Chernetsov A.V.* Op. cit. Pl. XVII, 14, 17–18, 20.

⁷² Такое изображение присутствует уже на Малой («двойной кормчей») печати, скреплявшей жалованную грамоту Ивана IV от 28 января 1539 г. (Снимки... № 7). Впрочем, А.Б. Лакиер усматривал, что «уже на печати великого князя Василия Иоанновича клювы отверзты и из них выходит по язычку» (*Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 143), имея в виду печать грамоты от июня 1523 г. (прорисовка – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. С. 417). Однако, во-первых, нет твердой уверенности в точности этой прорисовки, во-вторых, клювы орла раскрыты незначительно (хотя язычки и присутствуют) и, в-третьих, на остальных печатях Василия III, в том числе и более поздних, клювы орла остаются закрытыми [Собрание... С. 413 (печать жалованной грамоты 1514 г.), 437 (жалованной грамоты 1530 г.), 448 (договорной грамоты 1531 г.)]. И лишь со времени Ивана Грозного изображение орла с раскрытыми клювами становится на государственных печатях постоянным. При этом важно отметить, что степень «раскрытости» клювов со временем колебалась: так, на Большой печати Ивана Грозного клювы раскрыты довольно широко, на печати Алексея Михайловича 1667 г. – значительно

меньше и т. д., наиболее раскрытыми клювы становятся с 1856 г. (см. об этом далее), но в целом, видимо, это не носило принципиального характера – главное, что клювы в любом случае оставались раскрытыми.

⁷³ *Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Указ. соч. С. 25.

⁷⁴ *Андреева Л.А.* «Местник Божий» на царском троне: Христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории. М., 2002. С. 166–167.

⁷⁵ Заметим, что в этом тексте ездец назван не царем или государем, а нейтрально – «человеком».

⁷⁶ Цит. по: *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 158.

⁷⁷ Снимки... № 12; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 160–161.

⁷⁸ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 158–159.

⁷⁹ Типологически такое положение восходит к западноевропейским геральдическим образцам. А.Б. Лакиер в середине XIX в. так интерпретировал это соединение: «Настоящее его (т. е. герба Москвы – всадника на коне. – Е. П.) место есть в сердце русского орла как средоточие, из которого выросло Государство» (*Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 144). Естественно, это объяснение не адекватно XVI веку.

⁸⁰ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 114–119; *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 29–32; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 29. При этом не следует упускать из виду всю условность сфрагистической терминологии применительно к русским печатям XVI–XVII вв. (*Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 29), а также и то, что использование печатей регламентировалось не законодательством, а практикой (Там же. С. 32).

⁸¹ К этому типу примыкает и печать Лжедмитрия I: двуглавый орел с поднятыми крыльями и двумя коронами, в щитке на груди ездец, между головами крест (не Голгофский) с трехлопастными концами, легенда отсутствует; печать изготовлена, вероятно, польским мастером (Снимки... № 33; *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 37–39).

⁸² В связи с этим существенно, что иерархия печатей выстраивается как «вислая (Большая) – прикладная (Средняя) – вислая (Малая) – прикладная». «Вислая печать является как бы отпечатком торжественности. В общем акт с привешенной печатью параднее по внешности и важности (с точки зрения современников) по содержанию документа с прикладной печатью», –

отмечал Н.П. Лихачев (цит. по: *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 220; *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 47).

⁸³ Вероятно, не случайно именно единорог держит скипетр в декоративном оформлении налуча саадака Большого наряда царя Михаила Федоровича (исполнен в 1627–1628 гг.).

⁸⁴ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 167–170.

⁸⁵ «Ибо вот, враги Твои, Господи, – вот, враги Твои гибнут, и рассыпаются все делающие беззаконие; / А мой рог Ты возносишь, как рог единорога, и я умащен свежим елеем; / И око мое смотрит на врагов моих, и уши мои слышат о восстающих на меня злодеях». Отсылку к тексту Псалтири имела и надпись на ковше времени Лжедмитрия I с изображением единорога (*Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М., 1994. С. 370).

⁸⁶ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 119; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 25, 28; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 168, 171.

⁸⁷ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 345. Оригинальную гипотезу о семантике эмблемы единорога на Руси в конце XV–XVI в. выдвинул также Р.А. Симонов (*Симонов Р.А.* Единорог – соперник двуглавого орла // Гербовед. № 38. М., 1999. С. 99–107; более подробно: *Он же.* Древняя государственная эмблема России – единорог // Труды Историко-архивного института РГГУ. Т. 34: Сб. ст. Геральдического семинара ИАИ РГГУ. М., 2000. С. 49–78). Основная мысль исследователя состоит в том, что символ единорога имел на Руси астрологический смысл: под инрогом подразумевался зодиакальный знак Козерога – именно так изображен Козерог в Изборнике Святослава 1073 г. Поскольку московские Рюриковичи считали себя потомками императора Августа (по крайней мере, с рубежа XV–XVI вв.), а астрологическим знаком Августа был именно Козерог, то возможно поэтому Козерог и стал астрологическим «управителем» Руси (в XVI в. уже считалось, что Русь находится под астрологическим управлением Сатурна и Козерога). При всем новаторстве этой гипотезы она вызывает ряд существенных возражений: во-первых, между Изборником Святослава и «корабельником» Ивана III, на котором единороги заменили английских львов, лежит огромная хронологическая дистанция (отождествление Козерога с единорогом в книге «Рафли» относится ко вто-

рой половине XVI в.), а во-вторых, сочетание львов и единорогов настолько очевидно для британской геральдики, что само по себе уже вполне объясняет замену первых вторыми на «корабельнике» Ивана III, имевшем прототипом нобль английского короля Эдуарда III. Такая замена могла произойти по принципу ближайшего эмблематического «аналога», подобно появлению двуглавого орла на печатях, семантически аналогичному орлу Священной Римской империи, но стилистически восходящему к византийскому «типу» этой эмблемы. Сочетание льва и единорога известно на регалиях московских царей: так, на костяных пластинах спинки трона Ивана Грозного единорог изображен справа от двуглавого орла, а лев слева (взгляд со стороны орла), то же самое и на налuche саадака Большого наряда Михаила Федоровича. Это показывает, что эмблема единорога была более значима, чем эмблема льва, и соотносилась с царским скипетром, который государь держал в правой руке (как, разумеется, и двуглавый орел государственного герба).

⁸⁸ Соборная грамота 1560 г., присланная в 1561 г. патриархом Константинопольским Иоасафом II Ивану Грозному [*Фонкич Б.Л.* Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора Восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 381–388, см. также с. 265–268 (№ 128)]; *Мельникова А.С.* Место монет Ивана Грозного в ряду памятников идеологии... С. 617.

⁸⁹ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 164–167.

⁹⁰ Подробнее см.: *Спасский И.Г.* Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // ВИД. Вып. 8. Л., 1976. С. 110–131. Причем на прототипе «корабельника» английском нобле крест со львами помещался на реверсе монеты, а на «корабельнике» крест с единорогами занял аверс.

⁹¹ Ср. толкование единорога в средневековой европейской традиции как Христа («духовного единорога»), воплотившегося в лоне Богородицы, а рога – как символа единства Христа с Богом-отцом [Средневековый бестиарий. М., 1984. С. 83; *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 126–128 (символика Благовещения)]. Христианским коннотациям способствовали и

легенды о чудодейственной очищающей силе рога (ср. использование рога «единорога» в лекарственных целях) и о способности единорога самовозрождаться, сбрасывая рог (см.: Белова О.В. Славянский бестиарий. М., 2001. С. 99–100).

⁹² Белова О.В. Указ. соч. С. 99–103, 133–134.

⁹³ На Большой печати Ивана Грозного конца 1570-х годов (см. разд. 1.4.) все идущие («шествующие») звери, обращенные к двуглавному орлу в центре, изображены с поднятой одной из передних лап.

⁹⁴ Белова О.В. Указ. соч. С. 102; и существенно отличается от изображения скачущего единорога («образа смерти») из Псалтыри 1397 г., иллюстрирующего «Притчу о единороге» Жития Варлаама и Иоасафа (Спасский И.Г. Указ. соч. С. 117). Ср. изображение единорога на соловецкой иконе 1540-х годов «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия», раскрывающее ту же притчу (об этом см.: Симонов Р.А. Древняя государственная эмблема России – единорог. С. 59–60, там же указана литература вопроса).

⁹⁵ Хорошкевич А.Л. Герб. С. 169. «Пропустим без комментариев панегирик Пимена царю», – пишет исследовательница.

⁹⁶ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 404.

⁹⁷ Важно отметить, что предположение об «апокалипсическом» значении ряда геральдических эмблем XVI–XVII вв. (в том числе и единорога) выдвинул еще в середине XIX в. А.Б. Лакиер (Лакиер А.Б. Указ. соч. С. 143), однако оставил его без подробного рассмотрения.

⁹⁸ Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси. С. 111; Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шкапина И.С. Указ. соч. С. 64; Дуров В.А. Русские награды XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 9.

⁹⁹ Спасский И.Г. Монетное и монетовидное золото... С. 118, 126–127, ил. 9–11. На «угорском» Федора Иоанновича, впрочем, единорог повернут в левую от смотрящего сторону. В левую сторону обращены и единороги на «корабельнике» Ивана III, но здесь скорее сыграло роль аналогичное расположение львов, на месте которых они появились. Существенно, что на «золотых» наиболее крупного достоинства XVI–XVII вв. единорог на груд-

ном щитке орла расположен на аверсе, а всадник на таком же щитке – на реверсе (Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси. С. 111–113). Это взаимное расположение привело Р.А. Симонова к выводу о такой «ранжировке» русских государственных эмблем на «золотых»: двуглавый орел, единорог, всадник-змее-борец (Симонов Р.А. Единорог – соперник двуглавого орла. С. 104). Примечательно, что она не совпадает с «ранжировкой» тех же эмблем на государственных печатях (см. разд. 1.2.). Со времен Алексея Михайловича единорог исчезает с печатей, а на «золотых» продолжает еще сохраняться. Все это лишний раз доказывает существенную разницу в употреблении, а возможно, и семантике отдельных геральдических эмблем на печатях, монетах и «золотых». Вероятно, «преимущество» единорога над ездецом (в отличие от обратного «преимущества» на печатях) может объясняться функциональным назначением «золотых», являвшихся наградами. Если усматривать в эмблеме единорога духовно-христианский подтекст (в отличие от более светской по характеру эмблемы всадника) и к тому же видеть в ней личную эмблему государя (всадника в таком случае, вероятно, можно считать эмблемой государственной, символизирующей российскую царскую власть как таковую), то помещение именно единорога (ср. аналогичную эмблему на печатях дворцового ведомства – приказа Большого дворца) на аверс крупных наградных «золотых» могло подчеркивать, что это пожалование исходит лично от государя. На печатях же ситуация была иной: здесь на первый план выходили эмблемы с общегосударственным значением, а эмблемы, имевшие «личностную», как бы более «частную» смысловую нагрузку, отходили во второй ряд – очевидно, семантика единорога со временем «сужалась». В любом случае семантическое наполнение тех или иных эмблем в рамках тех или иных знаковых систем, безусловно, не было постоянным и менялось со временем.

¹⁰⁰ Снимки... № 24; Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 31.

¹⁰¹ Примечательно, что на печатях Бориса Годунова изображение единорога меняется: он скачет на двух задних лапах, подняв обе передние и опустив вниз голову с рогом (Снимки... № 29; Спасский И.Г. «Золотые» – воинские награды в допетровской

Руси. С. 115). Тем самым шествие сменяется более агрессивным движением. Позднее прежний тип изображения в сфрагистике восстанавливается.

¹⁰² Многочисленные примеры эмблемы единорога на различных связанных и не связанных с царским обиходом вещах конца XV–XVII в. см.: *Симонов Р.А.* Древняя государственная эмблема России – единорог. С. 56–59. К ним можно также прибавить единорогов: на литой решетке, ограждающей раку царевича Дмитрия в Архангельском соборе Московского Кремля (первая половина XVII в.), в орнаменте волосника царицы Марии Владимировны, первой жены Михаила Федоровича (см.: *Панова Т.Д.* Кремлевские усыпальницы: История, судьба, тайна. М., 2003. С. 176, ил. 24, 54). Популярной была эмблема единорога и в русской армии той поры. В частности, его изображение встречается на знаменах с конца XVI в. (знамя Ермака) и на протяжении XVII в. (*Вилинбахов Г.В.* Русские знамена XVII века с изображением единорога // *Сообщения Гос. Эрмитажа.* Вып. 47. Л., 1982. С. 22–24; здесь же указана и иностранная литература о символике единорога), причем часто в паре со львом. Противостоящие и восстающие лев и единорог – один из распространенных мотивов русской эмблематики того времени. Любопытно, что встречаются и два единорога (по сторонам двуглавого орла): на седле Бориса Годунова конца XVI в. (*Вилинбахов Г.В.* Русские знамена XVII века... С. 23). Военные коннотации вполне объяснимы в свете символизации единорогом победы над врагами, в том числе и в христианском, православном контексте (ср. текст Псалтири).

¹⁰³ Снимки... № 49; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 137–139; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 173. На печати приказа Большого дворца 1638 г. под единорогом изображена ветка. Единорог также присутствовал в XVII в. на печатях Красноярского острога (*фон Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. М., 1990. С. IV, рис. 14; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 169, 205; в XIX в. в официально утвержденных гербах Красноярска были уже совершенно другие эмблемы), Московского печатного двора (противостоящие лев и единорог под короной; *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 116, табл. XIV, 9).

¹⁰⁴ Как, например, на печати 1562 г. (*Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 160–161).

¹⁰⁵ О ней см.: *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 154–167 (фотовоспроизв. на с. 227–228); *Соболева Н.А.* Русские печати. С. 209–215 (фотовоспроизв. на с. 211); *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. С. 26–32 (фотовоспроизв. на с. 24–25); *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны. С. 201–226; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 178–191 (фотовоспроизв. на с. 182–183). Воспроизв. также: Снимки... № 18, 19 (две стороны) – эта прорисовка неточна как в передаче легенды (*Линд Дж.* Указ. соч. С. 202–210 – в переводе этой статьи на русский язык Ф.А. Бюлер назван Т. Бюхлером), так и некоторых деталей отдельных эмблем. Прорисовка лицевой стороны печати из издания А.Б. Лакиера (*Лакиер А.Б.* Указ. соч. Табл. XV) кажется более точной, но также небезупречна (Лакиер знал только лицевую сторону печати). Печать могла быть прикладной, в этом случае использовалась лишь матрица лицевой стороны.

¹⁰⁶ *Stökl G.* Op. cit. S. 43; *Линд Дж.* Указ. соч. С. 203.

¹⁰⁷ *Эскин Ю.М.* Печати членов Боярской Думы в 1633 году: К истории русской «предгеральдики» // *Russia Mediaevalis.* Т. X, 1. S. 214.

¹⁰⁸ *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 375.

¹⁰⁹ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 179.

¹¹⁰ Не обозначена никакой эмблемой и загадочная «Северная страна», но это, вероятно, объясняется ее титульной сопряженностью с «Сибирью» (об этом см. разд. 2.3).

¹¹¹ *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 163–167; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 27–32. Кстати, птица, которую Н.А. Соболева интерпретирует как голубя (?), больше похожа на гуся или лебедя (это, кажется, один из случаев не совсем точной передачи эмблемы в прорисовке из издания Ф.А. Бюлера).

¹¹² *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 167; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 32.

¹¹³ Вероятно, столь же не случайно и количество картушей с территориальными эмблемами в «Титулярнике» 1672 г. – их 33 на 34 эмблемы и 36 объектов титула (см.: Портреты, гербы и печати «Большой государственной книги» 1672 г. СПб., 1903).

¹¹⁴ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 157; *Бобровническая И.А.* Указ. соч. С. 22.

¹¹⁵ Голгофский крест известен на русских знаменах, по крайней мере, с XV–XVI вв. [*Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. 1. СПб., 1898. С. 13, 19; *Рабинович М.Г.* Древнерусские знамена (X–XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии: Сб. ст., посвящ. 70-летию А.В. Арциховского. М., 1972. С. 174, 180; *Вилинбахов Г.В.* Русские знамена XVII века с изображением единорога. С. 22–23 (здесь о Голгофском кресте на воинских знаменах XVII в.); *Дегтярев А.Я.* История Российского флага. М., 2000. С. 15 (черные знамена с красным Голгофским крестом изображены на иконе «Битва новгородцев с суздальцами» XV в.)], где он, конечно, символизировал православное воинство. Символика, связанная с Голгофой, судя по всему, была особенно актуальной для эпохи Ивана Грозного, когда, в частности, на Красной площади было сооружено символическое «Лобное место» (название, впрочем, известно со времени Бориса Годунова), имевшее не только государственно-политическое, но и религиозно-сакральное значение (даже применительно к топографическому расположению относительно Покровского собора) (*Баталов А.Л., Вятчина Т.Н.* Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследство. Вып. 36. М., 1988. С. 27–31; *Щедрина К.А.* О некоторых особенностях иконографии горы Голгофы в изображениях Креста и Распятия // Ставрографический сборник. Кн. 1. М., 2001. С. 287). О надписях возле креста, обозначавшихся криптографией см.: *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 445–446; *Бударагин В.П.* «Сила крестная» и «титла кресту Христову» // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Вып. 3. М., 2004. С. 291–296. Привлекает внимание распространенность надписей из четырех одинаковых букв (ДДДД, ББББ, СССС и т. д.), аллитерация в надписях (сочетание букв «др» и «хр»), а также

тот факт, что надпись «Древо дарует древнее достояние» располагалась справа от креста, а «Христовы хоругви христианам хвала» (возможны незначительно отличающиеся варианты) – слева. На рассматриваемой печати Ивана Грозного первая надпись вокруг креста помещена на лицевой стороне, а вторая – на оборотной.

¹¹⁶ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 189. О гипотезе, связывавшей изображение Голгофского креста с начальными словами царского титула в легенде печати («Бога в Троицы славимаго милостию»), см.: Там же. С. 188. В принципе она имеет некоторые основания: Голгофский крест, правда, без орудий страстей и головы Адама, помещался на так называемых «Троицких печатях» Пскова XIV–XV вв., являвшихся печатями псковского веча. Однако эти печати несли также изображение Богоматери, а Голгофский крест исчез с них, вероятно, в 1424 г. [*Белецкий С.В.* «Герб» Пскова // Россия и проблемы европейской истории: Средневековье, Новое и Новейшее время: Сб. ст. в честь чл.-кор. РАН С.М. Каштанова / Сообщения Ростовского музея. (Вып.) 13. Ростов, 2003. С. 218–219, 226 (ил.)]. Голгофский крест (без орудий страстей и головы Адама) между головами орла известен еще на печати царского наместника в Ливонии, «учиненной» в новогодие, 1 сентября 1564 г. (Снимки... № 67; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 175). Здесь под лапами орла изображены перевернутые щиты с гербами Ливонского магистра и Юрьевского епископа (на самом деле ливонского ландмаршала и города Дерпта – *Линд Дж.* Указ. соч. С. 213). Тем самым демонстрировалось подчинение завоеванных ливонских земель власти московского государя. Голгофский же крест свидетельствовал о военных победах как победе православия над еретиками-ливонцами в общем контексте того духовного-религиозного смысла, который вкладывал в ситуацию Ливонской войны Иван Грозный.

¹¹⁷ Подробнее: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 356–404.

¹¹⁸ В период Ливонской войны апокалиптическая символика была особенно актуальной. Ее яркое воплощение представляют собой изображения на «великом стяге» Ивана Грозного 1560 г. (*Вилинбахов Г.В.* Символика меча в русской государственной геральдике XVII–первой четверти XVIII в. // Геральдика: Материалы и исслед. Л., 1987. С. 57).

¹¹⁹ Впрочем, изредка «рецидивы» одной, центральной, короны над двумя орлиными головами случались и позднее (но не на государственных печатях). Примером могут служить рубли и медные полтины Алексея Михайловича (*Орешиников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле // *Нумизматический сборник*. Т. 1. М., 1911. С. 485; изображение рубля 1654 г. см.: *Спасский И.Г.* «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси. С. 122, рис. 2); *Мельникова А.С.*, *Уздеников В.В.*, *Шиканова И.С.* Указ. соч. С. 86–87).

¹²⁰ *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 31.

¹²¹ Подробно о печатях Лжедмитрия I и эмблемах на них см.: *Лаврентьев А.В.* Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. СПб., 2001.

¹²² «При рассмотрении корон на орле царя Дмитрия видим, что обе боковые над головами орла имеют обычный геральдический характер, средняя же имеет реальный тип, т. е. форму западной королевской короны, совершенно подобную коронам на монетах Стефана Батория и Сигизмунда III» (*Орешиников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 484).

¹²³ *Орешиников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 484–485; *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 34–36; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 33. Иностранное происхождение этой печати отмечал еще А.Б. Лакиер (*Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 145–146).

¹²⁴ *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 52–57, 82 и сл.

¹²⁵ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 204; *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 37–39, 63–64.

¹²⁶ *Лихачев Н.П.* Земская печать Московского государства в Смутное время. М., 1914; *Каменцева Е.И.*, *Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 122–123 (воспроизв. на с. 123); *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 33; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 208–214 (как писал Н.П. Лихачев, в когтях у орла «нечто извивающееся, что можно было бы объяснить змеею, но... является, скорее, ветвью дерева, опорой для орла». По мнению Д.Ф. Кобеко, это все-таки змея); *Трутовский В.К.* Апофеоз Астреи // Среди коллекционеров. 1921. № 6–7. С. 1–11 (по мысли автора, сопоставив-

шего орла земской печати с орлом на золотой табакерке гр. А.Г. Разумовского 1759 г., две головы орла могли символизировать «царство» и «земство»; отмечу, что в изображении на табакерке присутствует и такой мотив, как «орёл, летящий к солнцу и смотрящий на него» – см. прим. 199). Схожее изображение орла присутствует на печати, скреплявшей междукняжеский договор 1434 г. и, вероятно, принадлежавшей Можайскому князю Ивану Андреевичу (*Соболева Н.А.* Русские печати. С. 138, 165–166, № 63; исследовательница пишет об орле, сидящем на скале, но под лапами орла, как кажется, видна змея). Мотив борьбы орла со змеей широко распространен «в мифологии и искусстве стран Азии и сопредельных ареалов» (*Иванов Вяч. Вс.*, *Топоров В.Н.* Орел // Мифы народов мира. Энцикл. Т. 2. М., 1992. С. 259). Так, изображение орла со змеей известно в античной нумизматике (например, на монетах Элиды; на монетах Истрии, Синопы, Ольвии изображался орел, стоящий на дельфине). Символика борьбы орлов со змеями нашла отражение в эмблематике петровского времени – на оборотной стороне знака ордена Святой Екатерины изображалась чета орлов, истребляющих змей у подножия разрушенной башни, на вершине которой в гнезде два птенца заняты тем же; изображение сопровождается легенда на латыни: «Трудами сравнивается с супругом». Здесь, с одной стороны, отсылка к ветхозаветным текстам, где особо подчеркивается забота орла о своих птенцах, с другой – аллюзия на семью самого Петра: Петр и Екатерина и их дочери Анна и Елизавета. Тем самым обозначается не только приближение Екатерины в равновеликости к Петру, но и, возможно, символически постулируется идея преемственности на троне (*Левин С.С.* Российские Императорские и Царские ордена в собрании Государственного Исторического музея. М., 2003. С. 47; *Гаврилова Л.М.* Ордена императорской России в собрании Оружейной палаты // Польза. Честь. Слава: Награды России: Каталог выставки. М., 2004. С. 17–18). В современной государственной геральдике известнейший пример мотива борьбы орла со змеей – в гербе Мексики. Орел, сидящий на кактусе и терзающий змею, известен в качестве мексиканского геральдического символа с 1810-х годов и восходит, разумеется, к ацтекской мифологии. Если все же интерпретировать предмет под лапами орла на «земской» печати как ветку, то это изображение обнаруживает

любопытные аналоги в западноевропейской глиптике XIII в. [см.: *Pietrusiński J. Średniowieczne klejnoty monarsze w złotym skarbie ze Środy Śląskiej*. Р. 15–16 (здесь же и удивительно схожие изображения)]. «Земская» печать была сделана по приговору Первого ополчения (Совета всей земли) от 30 июня 1611 г., Второе ополчение пользовалось ею после объединения с Первым начиная с 25 сентября 1612 г. (подробнее см.: *Садиков П.А. «Земская» печать и Нижегородское ополчение 1611–1612 гг.* // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы*. Л., 1929. С. 1–10).

¹²⁷ На русских личных печатях XVI–XVII вв. встречаются весьма разнообразные изображения одноглавых орлов, в том числе и эмблема орла, терзающего змею. Этот сюжет известен на печатях в пределах, по крайней мере, 1619 – 1656 гг. (*Иванов П.И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1858. Табл. X–XV). В качестве печатей использовались, конечно, европейские геммы.

¹²⁸ *Юранов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. С. 335, 346–347. Судя по воспроизведениям, всадник колет змею в пасть и на орловской воротной печати Михаила Федоровича 1625 г. (Снимки... № 43) и даже еще на печати царского наместника в Ливонии 1564 г. (Там же. № 67), хотя последняя, как можно думать, существенно отличалась по статусу и сфере применения от Большой, Средней и Малой государственных печатей Московского царства.

¹²⁹ Снимки... № 43, 44; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 33. На печати 1625 г. всадник повернут в левую от зрителя сторону.

¹³⁰ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 221.

¹³¹ *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 33. Впрочем, какое-то время продолжал сохраняться и прежний тип печати с Голгофским крестом.

¹³² *Орешников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 483; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 218–220; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 33. Кажется не случайным, что введение некоторых новых печатей в допетровской Руси приурочивалось к значимым календарным датам

(печать царского наместника в Ливонии – к 1 сентября 1564 г., печать с третьей короной над головами орла – к 25 марта 1625 г.; 1 сентября 1565 г. Иван Грозный повелел сделать печать новгородского наместника для скрепления грамот в дипломатических отношениях со шведским королем – Никоновская летопись // *ПСРЛ*. Т. 13. М., 1965. С. 398), но сама по себе эта тема заслуживает специального исследования.

¹³³ *Орешников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 483; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 195; *Каштанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // *Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения*. Сб. ст. и тез. докл. Вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1999. С. 186; *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // *Россия и греческий мир в XVI веке*. Т. 1. М., 2004. С. 37 (в грамотах: в краткой интитуляции – с 1589 г., в полной – с 1591 г., что, по мысли С.М. Каштанова, могло быть связано в первом случае с учреждением патриаршества, а во втором – с ликвидацией в мае 1591 г., после гибели царевича Дмитрия, последнего удела на Руси – Угличского). На государственных печатях титул «самодержец» появился при Борисе Годунове (Снимки... № 26, 28, 30).

¹³⁴ Полное собрание законов Российской империи (первое). Т. 1. № 421. С. 708–709. Аналогичное объяснение присутствует уже в тексте наказа от 4 июня 1667 г., данного переводчику Посольского приказа Василию Боушу, отправлявшемуся с царскими грамотами к Бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму и к Курляндскому герцогу Якову (*Орешников А.В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле. С. 485–486; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 36; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 233).

¹³⁵ Снимки... № 51, 55; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 140; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 36; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 35.

¹³⁶ «Согласно “Титулярнику”, кормчая печать изображала “человека на коне с копьём, колет змею, около подпись Царского Величества именованье»» (*Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Указ. соч. С. 25). Наследник царевич Алексей Алексеевич скончался в 1670 г. Следующий по старшинству сын Алексея Михай-

ловича царевич Федор Алексеевич (1661–1682) был объявлен престолонаследником только в новогодие 1 сентября 1674 г. «Титулярник» был создан в 1672 г.

¹³⁷ *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 12.

¹³⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 405 (комментарий В.Б. Кобрин и Я.С. Лурье). Это было связано с тем, что в начале 1555 г. Иван IV по просьбе сибирского хана Едигера принял Сибирь «под свою руку» (*Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 107).

¹³⁹ *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 15, 184–185. Это было связано с окончательным разгромом Кучума и ликвидацией самостоятельного Сибирского царства в 1598 г.

¹⁴⁰ *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 188.

¹⁴¹ Уникальное и абсолютно фантастическое расположение трех корон в российском гербе демонстрирует французская гравюра Лармессена 1685 г., представляющая собой условный портрет царей Ивана и Петра Алексеевичей. Три короны, скорее западноевропейского, нежели русского типа, расположены между головами орла одна над другой. Этот пример лишний раз показывает, насколько неправдоподобными могут быть интерпретации русской государственной геральдики иностранцами, писавшими о Московии.

¹⁴² *Подосинов А.В.* Указ. соч. С. 369–372.

¹⁴³ *Каштанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. С. 183; *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2. С. 32–34. По мнению исследователя, упоминание частей света могло быть результатом югославянского влияния. Так, еще Стефан Душан (середина XIV в.) именовался «благочестивый царь Серблем и Грком и Западным странам» (Там же. С. 38).

¹⁴⁴ Время появления в титуле территориального атрибута «Северная страна (земля)» и его последующее сопряжение с Сибирью, равно как и наличие в интитуляции грамоты турецкому султану (сентябрь 1558 г.) слов «и немец Ливонские земли, и Северные страны повелитель» (см.: *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2. С. 35), ставят под сомнение предположение, будто при Иване Грозном

«Северная страна» обозначала территориальные претензии в Ливонии (ср.: *Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 181, 231).

¹⁴⁵ *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2. С. 36.

¹⁴⁶ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 231.

¹⁴⁷ Вероятно, такая «передвижка» объясняется тем, что в титуле «Иверская земля» следует сразу же после «Северной страны»; в «Титулярнике» обе эмблемы (а вместе с ними и «Карталинских и Грузинских царей») помещены рядом. Грузино-кабардинский территориальный «атрибут» появился в царском титуле еще в 1591 г. [*Сокуров В.Н.* Включение Кабардинских земель «черкасских и горских князей» в титул русского царя и политические реалии // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщ. Первых чтений, посвящ. памяти А.А. Зимина. Ч. 2. М., 1990. С. 255–259 (впервые зафиксирован 25 июня 1591 г.); *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2. С. 37], но все-таки позже «Северной страны».

¹⁴⁸ На томских печатях в XVII в. изображалась корона, в первой половине XVIII в. томской эмблемой был рудокон, а в официально утвержденных гербах – серебряная стоящая лошадь в зеленом поле (1785 г.) и бегущая (скачущая) серебряная лошадь/конь в зеленом поле (герб города 1804 г., губернии 1878 г.), само наличие лошади в гербе 1785 г. объясняется хозяйственными особенностями «сего округа» (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 169, 207; *фон Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. С. 153, 192).

¹⁴⁹ Вероятно, ее сохранению способствовала актуализация этого понятия в титуле Петра I в связи с Северной войной (ср.: *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 266).

¹⁵⁰ Там же. С. 231.

¹⁵¹ Следует заметить, что подобный тип орла: поднятые крылья, скипетр и держава в лапах и три короны над головами (причем, центральная бóльшая) – украшает спинку знаменитого «резного костяного» трона Ивана Грозного. Это вроде бы указывает на то, что пластина с орлом – поздняя и была сделана не ранее середины XVII в. (ср.: *Бобровницкая И.А.* Указ. соч. С. 25–26).

¹⁵² Хотя традиция изображения орла с опущенными крыльями на печатях (но не на Больших государственных) еще продолжала какое-то время существовать. Пример тому – Малая государственная печать Ивана и Петра Алексеевичей (по типу аналогичная «орловской воротной») 1682 г. (см.: *Дуров В.А., Дуров Д.В.* Российская государственная символика. XVIII – начало XX века. М., 2003. С. 15). Любопытно, что здесь орел держит в левой лапе скипетр, а в правой – державу, т. е. расположение регалий оказалось перепутанным (как и на тарелке Алексея Михайловича 1667 г., мастера Леонтий Константинов и Иван Юрьев).

¹⁵³ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 139.

¹⁵⁴ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 150; *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 156; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 235; *Дуров В.А., Дуров Д.В.* Указ. соч. С. 96; Орёл и лев: Россия и Швеция в XVII в.: Каталог выставки. М., 2001. С. 90. При Петре I изменилась нижняя часть изображения. Впоследствии серебряная печать этого типа с титулом Петра I вошла в число императорских регалий и стала выполнять функцию коронационной: при коронации «министр иностранных дел держит ее на подушке из золотой парчи как атрибут своего сана» (Снимки... С. XIX).

¹⁵⁵ *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 39–41; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 250–251.

¹⁵⁶ Осматривая печать Бориса Годунова в Оксфорде (*Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* «Бог России» // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 271–272).

¹⁵⁷ *Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 68–69. Существенно в то же время, что на рубеже XVII–XVIII вв. получают распространение портретные изображения царя на груди орла, в частности на знаменах, таким образом прежний, абстрактный образ государя персонифицируется (*Вилинбахов Г.В.* История Российского герба и флага. С. 30–34).

¹⁵⁸ *Потин В.М.* Монеты. Клады. Коллекции: Очерки нумизматики. СПб., 1992. С. 53.

¹⁵⁹ *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 274–276; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 43, 45.

¹⁶⁰ *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 48; *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 279; *Вилинбахов Г.В.* История Российского герба и флага. С. 42.

¹⁶¹ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 184, 189; *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 279–280; *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 38–39.

¹⁶² Важно подчеркнуть, что при этом нимб над головой всадника не появился (*Вилинбахов Г.В.* Всадник русского герба. С. 120–122).

¹⁶³ *Уздеников В.В.* Монеты России. 1700–1917 гг. М., 1985. С. 33, 116–124. До этого погрудные портреты российских государей известны лишь на некоторых наградных золотых: уникальном угорском Бориса Годунова, двух медалей Лжедмитрия I, золотом в два угорских Алексея Михайловича и золотых с портретами царей Ивана и Петра Алексеевичей на аверсе и царевны Софьи на реверсе (*Спаский И.Г.* «Золотые» – воинские награды в допетровской Руси. С. 113, 127–128; *Мельникова А.С., Уздеников В.В., Шиканова И.С.* Указ. соч. С. 67, 95, 96; *Лаврентьев А.В.* Указ. соч. С. 52–61 и сл.). Как правило, на наградных золотых помещались «традиционные» эмблематические изображения: государь на коне, двуглавый орел, двуглавый орел с единорогом, двуглавый орел с ездецом.

¹⁶⁴ *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 264–265; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 41–43. Существенно, что цепь ордена Святого Андрея Первозванного, окружающая щиток с московским гербом на груди орла, появилась на российских монетах только в 1730 г., т. е. значительно позже, чем на печатях (*Уздеников В.В.* Геральдическое оформление российских монет 1700–1917 гг. С. 11, 22), исследователь объясняет причину такого «запаздывания» «стремлением упростить рисунок герба с тем, чтобы снизить расходы на весьма сложный процесс ручного изготовления монетных штемпелей» (Там же. С. 11).

¹⁶⁵ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 148; *Матвеев В.Ю.* Эмблематика личных печатей Петра I // Геральдика: Материалы и исслед. Л., 1987. С. 79; *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 265; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 43 («Следовательно, здесь Андреевский крест символизирует государя, т. е. Петра»). Изображения орла с Андреевским крестом на груди встречались, конечно, не только на печатях (см.: *Вилинбахов Г.В.* История Российского герба и флага. С. 38–39).

¹⁶⁶ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч. С. 156–157.

¹⁶⁷ Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 37; Он же. История Российского герба и флага. С. 30. Ср.: Королев Г.И. Цвет российского двуглавого орла по первую треть XVIII в. включительно // Гербовед. № 14. М., 1997. С. 7–10 [по мнению исследователя, в допетровской Руси цвета поля и орла не имели «геральдического значения», т. е. могли быть разнообразными, хотя в большинстве случаев орел все-таки был золотым. Здесь, конечно, особенно существенны не просто любые изображения (в том числе и на предметах декоративно-прикладного искусства), а изображения, чей статус близок «официальному», подобно рисункам «Титулярника»]. Золотым орел был и на гербовых знаменах второй половины XVII в. (Соболева Н.А., Артамонов В.А. Указ. соч. С. 107–109, 113).

¹⁶⁸ Белавенец П.И. Указ. соч. С. 58; Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В. Указ. соч. С. 266, 274, 279. Впрочем, иногда, вероятно, на «неофициальных» изображениях черный двуглавый орел появлялся и ранее (например, в книжной гравюре, где цветное воспроизведение было технически невозможным). В сочинении Симеона Полоцкого «Орел Российский» эта чернота государственной эмблемы получила такое объяснение: «Орел черный телом таит внутри белизну» (Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 37).

¹⁶⁹ Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В. Указ. соч. С. 266.

¹⁷⁰ Там же. С. 280; Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 45.

¹⁷¹ Любопытно расположение территориальных гербов в геральдической композиции на общегосударственных российских золотых монетах достоинством в 10 и 5 рублей, чеканившихся в 1755–1805 гг. (за исключением времени правления Павла I). Здесь вокруг щитка с двуглавым орлом крестообразно располагались щитки с гербами: Московским (верхний, увенчан императорской короной), Казанским (справа от орла, если взгляд идет от зрителя), Астраханским (слева от орла, взгляд от зрителя) и Сибирским (нижний), три последних увенчаны пяти- (вернее, восьми-) лучевыми коронами, ниже по статусу, чем императорская (Уздеников В.В. Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917 гг. С. 12–13, 15, 32–33, 103). Расположение Казанско-

го и Астраханского гербов вроде бы свидетельствует, что в данном случае преимущественным является соотношение правого и левого со стороны зрителя, а не со стороны орла.

¹⁷² Уже на Государственной печати, изготовленной в 1710 г. мастером Готфридом Гауптманом (Хауптом), изображены императорские короны (Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 42–43). На монетах императорские короны над головами орла начинают появляться также с 1710 г. (подробнее о различных видах корон: Уздеников В.В. Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917 гг. С. 14–15, 20–21).

¹⁷³ На печати работы Беккера (1712 г.) лента объединяет три короны, на печати работы Гедлингера только выходит из-под большой короны. В государственном гербе Павла I лента, объединяющая короны, красная; в двух вариантах государственного герба первой половины XIX в. ленты вообще не было. Окончательно утвердилась лента ордена Святого Андрея Первозванного, объединяющая короны, в государственном гербе только с 1856–1857 гг. (на монетах с 1859 г.).

¹⁷⁴ Снимки... С. XIX; Белавенец П.И. Указ. соч. С. 59.

¹⁷⁵ Соболева Н.А., Артамонов В.А. Указ. соч. С. 51; Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 45; Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 133. Изображение было гравировано известным мастером Н.И. Уткиным (Лукомский В.К. Хранение гербов Государственных и Императорского дома // История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 349).

¹⁷⁶ Или же восемь категорий блаженных из Нагорной проповеди Христа (Мф. 5: 3–10). Позднее восемь концов креста стали соотноситься с восемью «нациями» (или «языками») Ордена, которым в свою очередь соответствовали восемь должностей: Прованс (великий командор), Овернь (маршал), Франция (госпитальер), Италия (адмирал), Арагон (великий консерватор), Кастилия и Португалия (канцлер), Германия (великий балыи) и Англия (впоследствии Бавария) (туркополиер) (Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А. История Мальтийского Ордена. М., 1999. С. 61–62, 436).

¹⁷⁷ Захаров В.А., Акунов В.В. Краткая история военных-духовных рыцарских орденов // Тайны, скрытые забралом. Энциклопедический путеводитель по истории рыцарства. М.,

2002. С. 291–292; *Акунов В.В.* Орденская геральдика мальтийцев и иоаннитов // *Гербовед*. № 67. М., 2004. С. 15–16; *Левин С.С.* Российские Императорские и Царские ордена в собрании Государственного Исторического музея. М., 2003. С. 20 (форма креста заимствована у цветка куколя, распространенного в Палестине), 34.

¹⁷⁸ Слова «...и Великий магистр Державного Ордена Святого Иоанна Иерусалимского» были включены в императорский титул указом от 20 декабря 1798 г. (*Агафонова Е.А.* Преобразование императора Павла I в системе российской геральдики и Мальтийский орден // *Император Павел Первый и Орден Святого Иоанна Иерусалимского в России*. СПб., 1995. С. 81).

¹⁷⁹ *Медведев М.Ю.* Мальтийская геральдика в России. Некоторые возможности и результаты // *Император Павел Первый...* С. 95–97. Автор обосновывает утверждение, что включение геральдических эмблем Державного ордена в состав имперского герба «было простым отражением личных прав Павла».

¹⁸⁰ В соответствии с ними щит герба великого магистра крестообразно делился на четыре части: в первую и четвертую помещался орденский герб, во вторую и третью – родовой герб магистра. За щитом мог помещаться Мальтийский крест, а вокруг монашеские четки (розарий) (*Медведев М.Ю.* Указ. соч. С. 88–89; *Левин С.С.* Указ. соч. С. 29). В павловском гербе 1800 г. и крест за щитом, и орденский герб (в последней части щита) присутствовали. Однако четырехчастное деление щита в данном случае было невозможно (деление щита в Большом гербе осуществлялось совсем по другому принципу), а изображение орденских четок было невозможно, поскольку Павел не являлся обетным рыцарем. Композиционно четки заменяла традиционная цепь ордена Святого Андрея Первозванного, остававшегося высшим орденом империи. Герб же 1799 г. еще дальше отстоит от традиций орденской геральдики и потому, при всей оригинальности нововведений, вряд ли может рассматриваться исключительно с узких позиций «личных прав» Павла I.

¹⁸¹ Что, конечно, было обусловлено не только политическими мотивами, но и общей приверженностью императора идеалам средневекового рыцарства, уже в его время казавшимся анахронизмом и потому не понятным современниками. «В представлениях Павла о себе совмещались полководец и священник –

и смесь эта выросла из его мальчишеских грез о себе как главе средневекового рыцарского ордена русских дворян» (*Уртман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 239). Примечательно, что на реверсе золотых и серебряных (крупных номиналов) монет павловского царствования (а также на знаменах и штандартах гвардейских полков) присутствует надпись «Не нам, не нам, а имени Твоему». Это слова из девятого стиха 113-го псалма в православной традиции и первого стиха 115-го псалма – в католической: «Не нам, не нам, а имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей». В средневековой Европе они были девизом Ордена тамплиеров (храмовников). Павел I связывал их со своим «династическим» орденом Святой Анны (*Захаров В.А., Акунов В.В.* Указ. соч. С. 324; *Левин С.С.* Указ. соч. С. 58–59).

¹⁸² *Уртман Р.* Указ. соч. С. 237; *Песков А.М.* Павел I. М., 1999. С. 76.

¹⁸³ Эта дата не случайна. 16 декабря 1798 г. датирован Манифест «О восприятии Его Императорским Величеством звания Великого Магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского» (*Андреев А.Р., Захаров В.А., Настенко И.А.* Указ. соч. С. 151). Таким образом, новый герб был принят во вторую годовщину этого события. Павел I вообще придавал большое значение символическому смыслу дат: так, первую часть «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи» император утвердил в новогодие 1 января 1798 г., а вторую – в день своего тезоименитства, 30 июня того же года.

¹⁸⁴ Манифест с воспроизведением герба и его полным официальным описанием см.: Манифест о Полном Гербе Всероссийской Империи. СПб., 1993. См. также: *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 133–140. Можно полагать, что проект герба был составлен О.П. Козодавлевым, в июне 1800 г. возглавившим Герольдию (с 1797 г. Козодавлев руководил работой по созданию «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи») – *бар. Нольде А.Э.* Правительствующий Сенат в царствование Павла I // *История Правительствующего Сената за 200 лет*. Т. 2. СПб., 1911. С. 716, 722. Осип Петрович Козодавлев (1754–1819) был в свое время известным литератором, переводчиком и изда-

телем, с 1783 г. являлся членом Российской Академии (принимал участие в составлении ее знаменитого «Словаря...»). Его служебная карьера завершилась должностью министра внутренних дел (с 1810 г.). О нем см.: *Кулябко Е.С.* Козодавлев Осип Петрович // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2. СПб., 1999. С. 100–102; *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской Империи: 1802–1917: Биобиблиограф. справ. СПб., 2002. С. 335–338.

¹⁸⁵ *Песков А.М.* Указ. соч. С. 26.

¹⁸⁶ *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 304–305.

¹⁸⁷ Там же. С. 305.

¹⁸⁸ В государственном гербе 1800 г., как и в гербе Таврической области, утвержденном 8 марта 1784 г., крылья «херсонесского» орла подняты, а над головами три императорские короны, т. е. по сути это государственный двуглавый орел. В гербе Таврической губернии, утвержденном 8 декабря 1856 г., крылья орла опущены, а над головами две трехчастные короны, что соответствует византийскому «типу» орла, хотя клювы раскрыты и языки высунуты по образцу орла государственного, восходящему к немецко-австрийскому «типу» (изображения см.: *фон Винклер П.П.* Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи. С. XIX, 190). Херсонесский орел с опущенными крыльями вошел и в государственную геральдику России в 1856–1857 гг., естественно, такой же вид он приобрел и на монетах (с 1859 г.).

¹⁸⁹ Цит. по: *фон Винклер П.П.* Указ. соч. С. XVIII.

¹⁹⁰ Серебряный прямой крест в червленом поле.

¹⁹¹ *Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 67.

¹⁹² В деисусном чине иконостаса иконы архангелов Михаила и Гавриила находились справа и слева от Христа после Богоматери и Иоанна Крестителя. На южном, парадном, портале Успенского собора Московского Кремля над вратами архангелы Михаил и Гавриил изображены справа и слева от Богоматери. Оба архангела почитались также покровителями благочестивых царей (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 145). Изображение архангела Михаила, естественно, присутствовало на русских воинских знаменах XVI–XVII вв. Примечательно, что на одной из гравюр краковского издания (1611 г.) сочинения Александра Гваньини («Полное и правдивое описание

всех областей, подчиненных монарху Московии...») изображены знамена русского войска времен Ливонской войны, причем на знамени Большого полка помещено «Чудо Георгия о змие», на знамени полка правой руки – архистратиг Михаил, а на знамени полка левой руки – архангел Гавриил. Таким образом, сопряжение архистратига Михаила с правой стороной, а архангела Гавриила с левой имело устойчивое постоянство.

¹⁹³ *Уортман Р.* Указ. соч. С. 241; *Песков А.М.* Указ. соч. С. 35–37.

¹⁹⁴ Цит. по: *Левин С.С.* Указ. соч. С. 59.

¹⁹⁵ Следует учесть, что до этого имя Михаил среди потомков царя Михаила Федоровича не встречалось. Вероятно, имя родоначальника династии Романовых (названного, по всей видимости, в честь дяди, впоследствии трагически погибшего ныброского узника Михаила Никитича; здесь проявился принцип наречения племянника по живому дяде, прослеженный на примере Рюриковичей А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским) в определенной степени «табуировалось» (можно вспомнить лишь, что Михайловым именoval себя Петр I, будучи за границей с Великим посольством, и также Михайловой первоначально он именoval Екатерину I), после 1798 г. оно стало весьма популярным в царской династии.

¹⁹⁶ Свод основных государственных законов Российской империи. Разд. 1, гл. 7, 64 // Назаров М.В. Кто наследник Российского престола? М., 1998. С. 111; *Уортман Р.* Указ. соч. С. 236; *Песков А.М.* Указ. соч. С. 45. Идея об уподоблении царя Богу, равно как и сама сакрализация царского статуса, имела в России давнюю традицию [подробно: *Живов В.М., Успенский Б.А.* Указ. соч.; *Успенский Б.А.* Царь и Патриарх: Харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998]. Царь имел особый литургический статус в русской церкви, обладая сугубой благодатью Святого Духа и, следовательно, особой харизмой, а со времен Петра I стал восприниматься и как глава самой церкви. Но именно Павел I не только закрепил законодательно последнее из упомянутых положений, но и в начале своего правления всячески стремился утвердить священническую функцию монаршего сана в наиболее законченной форме, вплоть до того, что ходили слухи, будто однажды император причастил самого

себя (об эволюции сакрального статуса монарха при Павле см. подробнее: *Успенский Б.А.* Царь и Патриарх. С. 180–185).

¹⁹⁷ Так на рисунке герба. В описании же указано, что этот орел держит «в правом когте громовую стрелу Юпитера, в левом же – лавровый венец» [ср. эмблему из знаменитой книги 1705 и 1788 гг. «Символы и Емблемата» (*«Emblemata et symbola»*) – Эмблемы и символы / Вступ. ст. и коммент. А.Е. Махова. М., 2000. С. 124. № 212: «Орел летящий, с молнией и лавровою ветвию». Толкование: «Готов к войне и миру. Ко всему способен»]. Эти атрибуты «перешли» к двуглавному орлу на изображениях государственного герба первой половины XIX в. (*Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 140). В павловское время черный двуглавый орел, увенчанный тремя коронами, с лавровым венком в правой лапе и молниями в левой, а также голубым Андреевским крестом на груди, в золотом поле помещался в центральном медальоне звезды ордена Святого Андрея Первозванного [см.: Польза. Честь. Слава: Награды России / Каталог выставки. М., 2004. С. 62–63 (№ 26 – звезда, вероятно, выполненная придворным ювелиром Павла I Ж.-Д. Дювалем для великого князя Николая Павловича, в 1818 г. пожалована великому князю Александру Николаевичу – будущему Александру II), 66–67 (№ 31 – звезда, принадлежавшая императрице Елизавете Алексеевне, награжденной орденом в сентябре 1801 г.)], но впоследствии стилистика изображения изменилась, и атрибуты, которые орел держал в лапах, исчезли.

¹⁹⁸ Манифест о Полном Гербе Всероссийской Империи. С. 18.

¹⁹⁹ Ср. эмблемы: «Орел, близко на солнце взирающий» с толкованием: «Не смертного желаю. Хочу нечто Божественное» и «Орел, зрящий на солнце» с толкованием: «Превосходное мужество. Без страха» из кн.: «Символы и Емблемата» (*«Emblemata et symbola»*) – Эмблемы и символы. С. 106, № 142; С. 136, № 260. Изобразительно эта эмблема в конечном итоге восходит к широко распространенному еще со времен античности представлению о том, что орел – единственная птица, способная лететь навстречу солнцу, смотря прямо на него (ср.: *Arist. Hist. Animal.* IX, 125 – *Аристотель.* История животных. М., 1996. С. 369). Мнение, долгое время остававшееся неколебимым [ср., к примеру: «И солнцу счастья свободно / Смотрю в глаза я, как орел!» (*Lope de Vega.*

Учитель танцев / Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник // *Лопе де Вега.* Избранные драматические произведения. Т. 2. М., 1994. С. 406). Ср. также обыгрывание этого поэтического образа М.Е. Салтыковым-Щедриным в сказке «Орел-меценат»: «Он (*орел*) не летает, как прочие птицы, а парит, либо ширяет; сверх того: глядит на солнце и спорит с громами», «Смотришь целый день на солнце – инда одуреешь»].

²⁰⁰ См., к примеру: *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 93; *Семеничева Е.В.* Бородино: Битва гигантов. Бородино, 2004. С. 31.

²⁰¹ *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 45; *Агафонова Е.А.* Указ. соч. С. 84; *Медведев М.Ю.* Указ. соч. С. 97–98. При чем был восстановлен герб «в том виде, как он существовал до 1796 года». По мнению М.Ю. Медведева, это изменение было «закономерным последствием разделения императорского и магистерского достоинств в момент гибели Павла I». Но текст указа однозначно демонстрирует стремление восстановить преемственность именно от Екатерины II (до 1796, а не до 1799 г., когда и произошло предыдущее изменение герба), отрицая всю павловскую эпоху. Это лишний раз подчеркивает, что павловский герб с орденскими эмблемами мыслился прежде всего не как выражение личного статуса государя, а символизировал более общие государственно-политические и духовно-религиозные идеи.

²⁰² Эти атрибуты восходят еще к павловскому царствованию. В начальные годы правления Александра I изображение государственного герба оставалось традиционным (восходило к допавловскому типу): черный двуглавый орел с поднятыми крыльями, скипетром и державой, тремя коронами и московским гербом на груди (щит на андреевской ленте), окруженным цепью ордена Святого Андрея Первозванного (рисунок 1805 г.) (*Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 163). Орел нового типа появился впервые на гвардейских киверах в 1808 г. (Там же. С. 223). На российских монетах: золотых – с 1817 по 1831 г., серебряных – с 1826 по 1831 г., медных – с 1830 по 1839 г.; при этом на золотых и серебряных монетах орел имел одну корону, а на медных три (*Уздеников В.В.* Монеты России. 1700–1917. С. 429; *Он же.* Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917 гг. С. 11, 25; кроме того, на серебряных в правой лапе орла отсутствуют стрелы-молнии, выхо-

дящие из перуна). Таким образом, наибольшее распространение этот тип государственного герба получил в начальный период царствования Николая I (до конца 1830-х годов).

²⁰³ *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 54; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 47; *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 312–313.

²⁰⁴ Одноглавый орел, держащий в лапах лавровый венок и молнии, помещен также на знаках прусского ордена Черного Орла, основанного еще в XVIII в.

²⁰⁵ *Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 64.

²⁰⁶ *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 47. «Есть основания предполагать, что первый (упрощенный) вариант был по преимуществу военным, а второй – гражданским... т. е. использовались они соответственно в военном и гражданском ведомствах» (*Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 223).

²⁰⁷ По указу от 15 сентября 1832 г. (*Лукомский В.К.* Хранение гербов Государственных и Императорского дома. С. 351; *Хорошкевич А.Л., Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 316–317). Любопытная дифференциация наблюдается в нумизматике. На золотых и серебряных монетах 1832–1858 гг. и на платиновых 1828–1845 гг. на крыльях орла расположены гербы царств (и великого княжества Финляндского), а на медных монетах 1849–1859 гг. расположение земельных гербов восходит к прежней традиции печатей XVIII в., здесь присутствуют гербы Киевский, Владимирский и Новгородский (на монетах расположение таково – справа налево сверху вниз: Новгород – Владимир – Киев – Казань – Астрахань – Сибирь (*Уздеников В.В.* Монеты России. 1700–1917. С. 429; *Он же.* Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917 гг. С. 11–12, 25–26, 33–34). Таким образом, «статусность» набора территориальных гербов на крыльях орла соотносится с монетным металлом (платина, золото, серебро – медь). Спорадически помещение территориальных гербов на крыльях орла известно ещё на печатях Петра I (рисунок И. Корба 1699 г., печать работы Г. Хаупта 1710 г., см. также: *Дуров В.А., Дуров Д.В.* Указ. соч. С. 102, ил. 37). Само по себе расположение территориальных гербов на крыльях двуглавого орла известно и в государственной геральдике империи Габсбургов.

²⁰⁸ Очерк его жизни и деятельности см. в приложении.

²⁰⁹ *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 56–57; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 47; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 319–329; *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 283–284.

²¹⁰ *Лукомский В.К.* Хранение гербов Государственных и Императорского дома. С. 354; *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Указ. соч. С. 63; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 49; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 331; *Шепелев Л.Е.* Указ. соч. С. 339–346. А.И. Шарлемань принадлежал к семье потомственных архитекторов и художников. Превосходный мастер исторической и батальной живописи, художник-оформитель и иллюстратор, он известен еще и тем, что в начале 1860-х годов создал рисунки для одной из самых популярных в России (вплоть до настоящего времени) колоды игральных карт. Его сын И.А. Шарлемань наряду с Е.Е. Лансере был одним из авторов герба Грузинской ССР. Вообще же нет сомнений, что авторы первых советских гербов (художники с дореволюционным стажем, равно как и военный топограф В.Н. Адрианов) были хорошо знакомы с государственным гербом царской России.

²¹¹ Наличие трех государственных печатей, помимо Российской империи, известно также в тогдашних Австро-Венгрии, Пруссии, Италии, Португалии (Снимки... С. XV–XVI, здесь же приводится информация и по другим странам).

²¹² *Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 62–67 [в частности, «весь геральдический порядок титульных гербов совершенно перепутан» (С. 66), «удельные русские гербы соединены вместе, как маловажные, на общих щитах, а завоеванным оказано предпочтение и предоставлены большие отдельные щиты» (С. 67) и т. д.]. Следует учесть чисто полемический характер критики автором созданного Кёне герба, появившейся в период острой борьбы со всем немецким (и австрийским) во время Первой мировой войны. Впрочем, критика Кёне за приверженность иностранным геральдическим традициям звучала уже из уст его современников, вообще не слишком жаловавших барона: «И неумелою рукой / Искáзил славный герб России, / Завещанный нам стариной / В наследие от Византии. / Ему сей кунштюк с рук сошел, / И вот в Гербовник всероссийский / Внесен растрепанный орел / Орел монархии австрийской» (отрывок из сатирической «Археологической оды» Е.Е. Люценко, сочиненной в 1870 и 1878 гг.) –

Стихотворения археологов Е.Е. Люценка и барона В.Г. Тизенгаузена / Сообщил А.И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 44. Симферополь, 1910. С. 77.

²¹³ *Хорошкевич А.Л.* Символы русской государственности. М., 1993. С. 8; *Она же.* Государственные гербы 1857 и 1882 годов // Герб и флаг России. X–XX века. С. 321 («эклектическое нагромождение щитов, ампирных аксессуаров, псевдорусских шлемов и собственного небрежения»), 332 [«та же безвкусица, нагромождение орлов, орликов и орлят (их не менее 35), крестов и крестиков (их больше дюжины), лент и воланов, кистей и завитушек»] и т. д. и т. п.

²¹⁴ При этом хвост стал изображаться раздвоенным, как в европейской геральдике. Таким образом, двоичный принцип стилистики самой эмблемы получил законченное воплощение (две головы, два крыла, две лапы и две части хвоста при сохранении центрального пера в хвосте).

²¹⁵ Произошедшие изменения и время их появления позволяют сделать один внеисторический комментарий. С точки зрения психологии демонстрация агрессии является признаком внутренней слабости. Если оценивать степень «агрессивности» изображения двуглавого орла по поднятым и распушенным крыльям и широко раскрытым клювам, то нельзя не признать, что вариант 1856–1857 гг. был в этом отношении наиболее показательным. Разумеется, решающую роль здесь сыграли германские геральдические традиции, но следует заметить, что новый герб принимался в не слишком устойчивой политической обстановке, в период после окончания тяжелой Крымской войны и в преддверии Великих реформ. Новый орел приобрел как бы наступательный характер, он был призван продемонстрировать деятельную силу империи в переломное время. Подобным «рубежным» эпохам соответствовали и другие орлы: с Большой печати Ивана Грозного (орел с широко раскрытыми клювами), создававшейся в период Ливонской войны, и с герба 1667 г. (орел с поднятыми и раскрытыми крыльями), вызванного к жизни войной с Речью Посполитой за Левобережную Украину. В то же время в истории Российской империи два периода наивысшего подъема – екатерининское и александровское царствования – сопровождалось довольно-таки стабильными и «спокойными» государственными геральдическими

изображениями. Стабильность пыталось продемонстрировать и Временное правительство, чей орел как бы вернулся к архаическим истокам. Конечно, речь идет лишь о наблюдениях самого общего порядка, реально эмблематические и стилистические эволюции зависели от множества конкретных причин.

²¹⁶ *Белавенец П.И.* Указ. соч. С. 67.

²¹⁷ Соотношение правой и левой сторон в гербах заставляет обратиться к нумизматическому и фалеристическому материалу имперского периода. До конца XIX в. на монетах и наградных медалях это соотношение было в большинстве случаев «прямым» – профиль монарха был обращен вправо от зрителя, т. е. принципиальное значение имел взгляд со стороны смотрящего. При Николае II и на монетах, и на наградных медалях произошел «разворот» профиля влево от зрителя и тем самым, вероятно, возобладал геральдический принцип. Такое же положение сохранялось и в советской фалеристике. Интересным примером соотношения правого и левого здесь может служить профиль Сталина на медалях «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и «За победу над Японией». В первом случае он повернут влево от зрителя, во втором – вправо. Такой принцип был обусловлен географическим расположением – Германии на западе, а Японии на востоке.

²¹⁸ Мнения московского митрополита Филарета 1856 и 1864 гг.: О государственном гербе России и о театральных зрелищах / Сообщ. Е.Д. Лопухина // Русская старина. Т. 14. 1875. С. 397.

²¹⁹ Кёневский «разворот» Георгия Победоносца затронул только геральдику. Так, на знаках ордена Святого Георгия Победоносца направление движения Святого воина осталось прежним (вправо от зрителя). И даже в тех случаях, когда московский герб подразумевался, старая традиция продолжала сохраняться (например, на фасаде Третьяковской галереи, созданном по проекту В.М. Васнецова, Георгий Победоносец, символизирующий Москву, но имеющий прототипом не геральдическое, а иконописное изображение, обращен в правую от зрителя сторону).

²²⁰ В официальном описании московского герба слово «змий» было заменено словом «дракон» (см. об этом: *Королев Г.И.* Змий или дракон? // Гербовед. № 27. М., 1998. С. 64–68; автор полагает, что существенной разницы между этими понятиями не

было, дракон в Древней Руси обозначался словом «змий», само же слово «дракон» вошло в употребление только в XVI в.).

²²¹ *Левыкин А.К.* Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 72–73, 91 (ил.). Связывать изображение архангела Михаила на этом шлеме с ангелом-хранителем царя Михаила Федоровича (С. 72) можно только в очень опосредованном смысле – тезоименным святым царя был Михаил Малеев.

²²² *Лакиер А.Б.* Указ. соч. С. 127, 153.

²²³ *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 197.

²²⁴ *Артамонов В.А.* Флаг // Герб и флаг России. X–XX века. С. 443.

²²⁵ Мнения... С. 398–400.

²²⁶ Возможно, в этот контекст вписывается и сень: стилистически ее форма в гербе 1857 г. (в отличие от герба 1882 г. и павловского варианта 1800 г.) напоминает церковный купол русской православной традиции.

²²⁷ Такое количество щитов делает композицию герба уравновешенной и гармоничной: действительно, нижняя полукруглость включает 9 щитов, верхняя – по 3 с каждой стороны, правая и левая части герба – по 7 (3 малых и 4 больших с каждой стороны), 6 малых вкупе с родовым императорским также составляют 7. Существенно, что в отличие от Большой печати Ивана Грозного, где сами изображения на земельных эмблемах повернуты к центральной фигуре – орлу, в Большом государственном гербе, созданном Кёне, находящиеся в движении фигуры территориальных гербов повернуты в правую геральдическую сторону (влево от зрителя), строго в соответствии с правилами геральдики, без учета их кругового расположения по отношению к центру композиции. То есть принцип соотношения правой и левой сторон оказался предпочтительнее принципа «геральдической уचितности».

²²⁸ Сопряжение царств с различными царскими венцами и коронами существовало уже в петровское время, а возможно, начало формироваться и раньше. Уже при погребении Петра I Астраханской шапкой считался венец Михаила Федоровича, а Сибирской – алтабасная шапка Ивана Алексеевича (*Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых // Материалы и исследования. [Вып.] 12: Искусство средневековой Руси / Гос. ист.-

культур. музей-заповедник «Московский Кремль». М., 1999. С. 300, 306). Однако в государственных гербах до 1856–1857 гг. это сопоставление отсутствовало. Щиты с гербами царств и великих княжеств увенчивали или пятилучевые короны (гербы царств Казанского, Астраханского, Сибирского, Херсониса Таврического) или короны типа «княжеских» (гербы Киевский, Владимирский, Новгородский). Таким образом, герб, созданный Кёне, официально закреплял вышеназванные соответствия в государственной геральдике, которые с тех пор заняли определенное место в российской символике в целом. Так, на памятнике Ермаку в Новочеркасске (создан В.А. Беклемишевым по проекту М.О. Микешина, открыт в 1904 г.) атаман изображен протягивающим вперед правой рукой «корону» покоренного им Сибирского царства, т. е. все тот же алтабасный венец Ивана Алексеевича.

²²⁹ Единственное исключение, пока не находящее объяснения, это присутствие Югорского и Удорского гербов в щите «соединенных гербов княжеств и областей Великороссийских», а не в щите «соединенных гербов Северо-восточных областей империи». Наименование «Югорский» появилось в титуле еще в конце XV в. при Иване III (1490 г.), а «Удорский» – при Василии III в 1514 г. (*Каштанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. С. 182–183). Югрой на Руси называли земли, где жили вогулы (манси) и остяки (ханты) (*Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 66); первые походы московских воевод на Югру состоялись в 1465 и 1483 гг., после чего «от всея земли Кодские и Югорские» в Москву прибыло посольство – так началось присоединение этих земель к России (*Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 99–101). На Большой печати Ивана Грозного Югру символизировал пушной зверь. Югорский же герб XIX в. («в серебряном поле две в червленой одежде руки, выходящие справа и слева из лазуревых облаков и держащие крестообразно два червленых копья») восходит к гербу из «Титулярика» 1672 г. (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 202–203). Удорская земля находилась в бассейне реки Удоры (Вашки), притока Мезени, и в конце XVI в. входила в Яренский уезд (*Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 254–255). Удорский герб (в «кёневском» описании герба – «в черном поле идущая серебря-

ная лисица с червлеными глазами и языком») – один из самых древних в российской земельной геральдике. Уже на Большой печати Ивана Грозного Удория представлена изображением хищного зверя, возможно, лисицы. Расположение Удорского герба в оконечности щита соединенных гербов великороссийских после герба Белозерского соответствует порядку перечисления этих объектов в титуле.

²³⁰ Пермская земля располагалась по течению реки Вычегды и была населена коми (*Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 257). Ее присоединение произошло в 1472 г., тогда же был построен Чердынский острог (*Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 99), а территориальный атрибут «Пермский» известен уже в титуле Василия II в 1449 г. (*Каштанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. С. 181–182; *Каштанов С.М.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2. С. 32), таким образом являясь одним из старейших в титуле российских государей. Пермский герб («в червленом поле серебряный идущий медведь, на спине его золотое Евангелие, на коем серебряный крест с четырьмя лучами») восходит к 1620-м годам: сначала это было изображение только медведя, Евангелие появилось в «Титулярнике» 1672 г. (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 198–199). Евангелие на спине медведя, возможно, символизировало победу христианства над языческими культами (*Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 129–130). Интересно, что *типологически* это изображение сходно с изображениями на некоторых шведских рунических каменных памятниках XI в. – эпохи христианизации Швеции: «большой шагающий зверь» [или верблюд (?) на одном из памятников] и крест над ним [см.: *Мельникова Е.А.* Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации: Тексты, пер., коммент. / Сер. «Древнейшие источники по истории Восточной Европы». М., 2001. С. 288, 459 (ил. 99); 303, 468 (ил. 112)].

²³¹ Герб Вятки («в золотом поле выходящая вправо из лазуревых облаков рука в червленой одежде, держащая червленый же натянутый лук со стрелою; в правом углу червленый крест»), присоединенной к Московскому государству в 1489 г. (в титуле с 1490 г.), складывался постепенно. На Большой печати Ивана Грозного эмблема Вятки – лук со стрелой, в 1620-х годах к нему

добавилась рука, выходящая из облаков, а в «Титулярнике» 1672 г. – крест (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 194–195).

²³² Болгарский герб представлял собой «в зеленом поле серебряного идущего агнца с червленою хоругвию, древко золотое». Речь шла, разумеется, о некогда существовавшей Волжской Булгарии, земли которой входили в территорию Казанского ханства. Начиная с Большой печати Ивана Грозного, Болгарию символизировал идущий хищный зверь (барс) с поднятой передней лапой. В «Титулярнике» к нему добавилась хоругвь, с конца XVII в. зверь «превратился» в ягненка (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 200–201). Вероятно, эта трансформация была связана с переосмыслением названия «болгарский». Поскольку Казань обозначал коронованный дракон (василиск), то под Болгарией подразумевали не земли казанских татар, а других народов этого региона: чувашей и марийцев, принявших православие. Именно это и подчеркивал болгарский герб с символами Христа – агнцем, означавшим чистоту и непорочность, искупительную жертву Спасителя, с хоругвью. Эта христологическая эмблема была широко распространена в Западной Европе как в земельной и городской геральдике (*Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 174), так и в более широком контексте: ее изображали, в частности, даже на вымышленном гербе Христа (см., например: *Пастуро М.* Геральдика. М., 2003. С. 72, 86). Непосредственным же прототипом для болгарской эмблемы мог послужить сходный герб Готланда (серебряный агнец с хоругвью в лазуревом поле) из шведской земельной геральдики. В основе современного герба Татарстана, постулирующего свою историческую преемственность от Волжской Булгарии, лежит именно барс времен Ивана Грозного.

²³³ Обдорией называли земли в низовьях реки Обь. В 1595 г. здесь была построена крепость Обдорск (ныне г. Салехард). Обдорская земля (вместе с Удорской и Кондинской) известна в титуле российских государей уже с 1514 г. (*Каштанов С.М.* О титуле московских государей в XV–XVIII вв. С. 183; *Он же.* Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2. С. 32–33), ее соседство в титуле с Удорской, возможно,

и обусловило схожесть их эмблем. На Большой печати Ивана Грозного Обдория обозначена хищным зверем (лисицей?). Лисица осталась обдорским гербом и позднее (Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 202–203; таким образом, это одна из самых древних российских земельных эмблем). В описании государственного герба второй половины XIX в. герб Обдорский выглядит так: «в серебряном поле черная идущая лисица с червлеными глазами и языком».

²³⁴ Кондинская (Кондийская) земля располагалась в бассейне одноименной реки (Конда), притока Иртыша. В титул это название вошло при Василии III в 1514 г. (Каштанов С.М. О титуле московских государей в XV–XVIII вв. С. 183). На Большой печати 1570-х годов эмблемой Кондинской земли служит олень. В «Титулярнике» 1672 г. изображение иное: бородатый дикарь с палицей (Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 202–203). Таким Кондийский герб остался и впоследствии, его официальное описание: «В зеленом поле дикий человек с дубовым на голове венком и дубовым же поясом, держащий правою рукою на плече серебряную булаву». Эта эмблема, безусловно, возникла под влиянием западноевропейской геральдики, где дикие и отдаленные территории, в том числе северные, нередко обозначались подобным образом. Ближайший аналог и возможный прототип Кондийского герба – шведский герб Лапландии (дикарь с дубиной в красном поле) (изображение см.: Пашков А.М. Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 88).

²³⁵ Замечательно, что при этом расположении случайно получилось так, что в правой части щит с болгарским гербом соседствует с большим щитом Казанского царства, а в левой щит с гербом Туркестана – с гербом царства Астраханского. Таким образом, их геральдическое «соседство» соответствует и географическому.

²³⁶ Цвета туркестанского герба повторяли цвета центрального щита герба государственного: черный единорог в золотом поле – черный двуглавый орел в золотом же. Выбор именно единорога в качестве геральдической эмблемы Туркестана может, вероятно, объясняться тем, что единорог в то время воспринимался как элемент фантастической экзотики (утратив свою христианскую семантику) и мог потому ассоциироваться с Востоком.

²³⁷ В варианте Большого герба, утвержденном 8 декабря 1856 г., эти гербы объединены лентой ордена Святого Андрея Первозванного (ил. 2 к ст.: Дуров В.А. Личные гербы членов Императорской Фамилии // Гербовед. № 4. М., 1993. С. 11). Лента присутствует и в том случае, если государственный герб этого типа помещался на государственной печати, сама круглая форма которой не позволяла сохранять иное геометрическое расположение земельных гербов.

²³⁸ Аналогичное сочетание лавровых и дубовых ветвей встречается на российских монетах начиная с 1802 г. (на некоторых медных монетах времен Елизаветы Петровны и Екатерины II присутствует сочетание лавровых и пальмовых ветвей, на некоторых серебряных монетах номиналом в десять денег Петра I – сочетание только лавровых. См.: Уздеников В.В. Монеты России. 1700–1917. М., 1985; Он же. Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917 гг. С. 47–49). На российских наградных медалях с 1807 г. встречались венки только из лавровых (или же только из дубовых) листьев (см.: Кузнецов А.А. Энциклопедия русских наград. М., 2002; Чепурнов Н.И. Наградные медали Государства Российского. М., 2002). Сочетание лавровых (справа) и дубовых (слева) ветвей имело место и в европейской геральдике и фалеристике. Так, оно присутствовало на знаках французского ордена Почетного легиона, учрежденного Наполеоном I, гессенского ордена Людвиг, учрежденного в 1831 г., и прусского Королевского ордена Дома Гогенцоллернов, учрежденного в 1851 г. (см.: Gritzner M. Handbuch der Ritter- und Verdienstorden. Leipzig, 1893). На новом (после 1742 г.) варианте Государственного знамени «в форме флага-штандалта с квадратным золотым полотнищем» (1858 г.) (Шепелев Л.Е. Указ. соч. С. 290) и на Государственном знамени к коронации Александра III (Вилинбахов Г.В. Государственный герб России: 500 лет. С. 124) щитки с родовым императорским и территориальными гербами помещены на дубовых (справа от орла) и пальмовых (слева) ветвях. Разнообразные ветви и листья составляли узоры шитья гражданских мундиров начиная с эпохи Александра I; особенно частыми были дубовые, лавровые и масличные ветви, а также виноградные лозы, колосья, васильки и камыши. Изображения ветвей украшали и российские военные знамена. Пальмовые и лавровые ветви держат

в клювах (или в лапах) двуглавые орлы, украшающие павловский манифест о государственном гербе Российской империи 1800 г.

²³⁹ Орла предписывалось изображать «с поднятыми кверху крыльями» [Полное собрание законов Российской Империи (второе). Т. 32. Отд. 1. СПб., 1858. № 31890, 32108, 32128; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 49]. На монетах унификация произошла с 1859 г. (*Уздеников В.В.* Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917 гг. С. 12, 26–27; впоследствии отдельные детали в изображении менялись, в частности изображение герба Великого княжества Финляндского). Речь, конечно, не идет о произведениях искусства, где прежние стилистические формы могли присутствовать, например, в качестве своеобразной декоративной архаики, отсылавшей к историческим истокам и подчеркивавшей неразрывность традиций. Так, двуглавые орлы, типологически (с тремя коронами, но без скипетра и державы) и стилистически (с опущенными, но не распластанными крыльями) схожие с орлами царствования Михаила Федоровича, увенчали шпиль шатров петербургского храма Воскресения Христова (Спаса на Крови), построенного по проекту А.А. Парланда в 1883–1907 гг. на месте смертельного ранения Александра II. Разумеется, такая форма орлов не только отвечала общей архитектурной стилистике храма, перекликавшейся с допетровским храмовым зодчеством Москвы и Ярославля, но и воплощала династическую преемственность российских императоров второй половины XIX в. от первого царя из Дома Романовых.

²⁴⁰ *Колоницкий Б.И.* Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 85. В подкомиссию входили И.Я. Билибин, В.К. Лукомский, Г.И. Нарбут и С.Н. Тройницкий. Лукомский и Тройницкий были крупными учеными-геральдистами (Тройницкий в 1913–1914 гг. издавал журнал «Гербовед», Лукомский возглавлял Гербовое отделение при департаменте Герольдии Сената), «мир-искусники» Нарбут и Билибин получили известность и как художники гербов.

²⁴¹ *Драчук В.С.* Рассказывает геральдика. М., 1977. С. 87. Замечательно понимание орла как символа власти (без абсолют-

ной его сопряженности с монархическим строем) отражено в строках Игоря Северянина: «Народу русскому дивитесь: / Орлы настал его черед!», написанных в период Февральской революции (*Терёхина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И.* «Согреет всех мое бессмертье...»: О жизни и творчестве Игоря Северянина // Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Анапасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М., 2004. С. 620).

²⁴² *Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 88.

²⁴³ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. С. 161, 162 (воспроизв.); *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 349.

²⁴⁴ Прототипом стал орел на печати Ивана III 1504 г. (*Колоницкий Б.И.* Указ. соч. С. 85; см.: Снимки... № 2). Образец печати был утвержден Временным правительством 21 марта.

²⁴⁵ Речь идет об официальном изображении, созданном И.Я. Билибиным, на иных изображениях клювы могли быть более широко раскрытыми (см.: *Дуров В.А., Дуров Д.В.* Указ. соч. С. 147, ил. 93, ср.: С. 114, ил. 51, 52).

²⁴⁶ Сопряженность расположения круговой надписи и изображения в окружности хорошо видна на примере орденских звезд дореволюционной России, например на звездах ордена Святого Андрея Первозванного: на тех, в окружностях которых поддерживающие корону ангелы помещены вверх и легенда (девиз ордена) идет сверху вниз, там же, где изображение (лавровые ветви) помещено вниз, и надпись идет снизу вверх.

²⁴⁷ См.: *Васюков А.И., Горшков В.В., Колесников В.И., Чистяков М.М.* Бумажные денежные знаки России и СССР. СПб., 1993. С. 43–91 и ил. на цв. вкладке; изображения см., к примеру, также: *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 350–355; *Вилинбахов Г.В.* Государственный герб России: 500 лет. С. 156–157. Об орлах и вообще о символике денежных знаков белогвардейских правительств см.: *Кручинин А.С.* Символика белогвардейских денежных знаков (1917–1920) // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М., 1996. С. 121–122.

²⁴⁸ *Кручинин А.С.* Указ. соч. С. 122 (корона отсутствует даже там, где она «требуется чисто композиционно»).

²⁴⁹ Там же. С. 122: «Это не только отражало глубоко религиозный смысл Белого движения, но и – через символику георгиевских наград – соприкасалось с армейской темой».

250 Ср. современное толкование скипетра и державы в лапах нынешнего российского двуглавого орла как символов «державности», власти.

251 См.: *Сендерович С.Я.* Георгий Победоносец в русской культуре. С. 165–181.

252 Об истории советских гербов см.: *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Указ. соч. 2-е изд., доп. М., 1974. С. 205–256; *Драчук В.С.* Рассказывает геральдика. М., 1977. С. 88–139; *Поцелуев В.А.* Гербы Союза ССР: Из истории разработки. М., 1987; *Каменцева Е.И.* Истоки советской эмблематики // *Гербовед.* № 7. М., 1995. С. 26–36; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 356–376.

253 Прямую преемственность демонстрируют первые советские монеты, например серебряный рубль 1921 г. [медальер – А.Ф. Васютинский (1858–1935), главный медальер Петроградского монетного двора, в 1918 г. принимавший участие в изготовлении государственной печати с гербом РСФСР], на одной стороне которого помещен государственный герб, а на другой – пятиконечная звезда с цифрой 1 в центре, надписью «рубль» вверху, но, самое главное, обрамленная лавровыми (справа от звезды) и дубовыми (слева) ветвями, как и на дореволюционных монетах разных номиналов, в том числе и рублях (Александра I, Николая I, Александра II и коронационных рублях Александра III и Николая II). Аналогичное сочетание лавровых и дубовых ветвей появилось и в советской фалеристике со времен Великой Отечественной войны (ордена Суворова, Кутузова I степени, Ушакова I степени, орден «Победа» и др.), хотя дубовые ветви присутствовали в советской фалеристике и в довоенный период.

254 К слову сказать, даже сюжетика, связанная с Георгием Победоносцем, не сразу ушла из советской эмблематики. В этом отношении представляет интерес выпуск марок РСФСР 1921 г. На марке изображен человек, попирающий поверженного дракона и обращенный к восходящему над морем солнцу. Хотя, разумеется, само изображение ничем не напоминает «чудо Георгия о змие», типологическая аналогия налицо – так произошло своеобразное переосмысление геральдического сюжета. Показательно, что если в дореволюционном описании московского герба речь идет о Святом Георгии, «поражающем» дракона, т. е. акцентирован сам момент действия, то здесь дракон уже повержен, т. е. до-

стигнут результат. Кстати, в описании современного государственного герба Российской Федерации всадник (по сути восходящий к Святому Георгию) поражает копьем «опрокинутого навзничь и попранного конем дракона». Мотив окончательной победы усилен. Это уже не процесс, а его итог.

255 Нельзя не отметить еще одного, совершенно случайного, но в то же время символического совпадения: число союзных республик и соответствующих им надписей в конечном итоге совпало с числом геральдических щитов, расположенных по окружности имперского герба, – их 15.

256 В первом варианте герба СССР (1923 г.) расположение надписей на ленте было таким: центральная нижняя надпись отсутствовала, а шесть надписей шли по три с каждой стороны в следующем порядке (справа налево, снизу вверх): на русском, украинском, грузинском, азербайджанском («тюркско-татарском»), белорусском и армянском языках. Таким образом изобразительно демонстрировалось равенство всех шести республик, ведь надписи, занимавшей центральное положение, не было.

257 Впрочем, печатью своего мнимого отца пользовался и Лжедмитрий I (*Соболева Н.А.* Русские печати. С. 220; *Хорошкевич А.Л.* Герб. С. 178), но для него это было лишь способом подчеркнуть свою родовую принадлежность и династическую преемственность.

258 Полный текст, посвященный Кёне, см.: 1. Стихотворения археологов Е.Е. Люценка и барона В.Г. Тизенгаузена / Сообщил А.И. Маркевич // *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* Симферополь, 1910. № 44. С. 77–78; 2. Примечания к стихотворениям археологов А.И. Маркевича // Там же. 1911. № 45. С. 70–71.

259 *Плотников С.Л.* «Кёне Б.В., барон..., управляющий Гербовым отделением Департамента Герольдии Сената, археолог, нумизмат, геральдик» // *Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ.* М., 2002. С. 313–314.

260 Кёне посвящены биографические статьи в нескольких энциклопедических изданиях: *Русский Биографический словарь.* Т. 8. СПб., 1897. С. 614–615; *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии.* Т. 5. М., 1994. С. 768; *Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В.* Словарь нумизмата. М., 1993. С. 131; *Отечествен-*

ная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энцикл. Т. 2. М., 1996. С. 547–548 (автор статьи Ю.И. Штакельберг); *Рыхляков В.Н.* Петербуржцы – авторы работ по генеалогии и истории семей: Биобиблиограф. справ. СПб., 2003. С. 99–100. Биографические сведения о нем можно также найти в тр.: *Веселовский Н.И.* История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896 гг. СПб., 1900; *Спаский И.Г.* Нумизматика в Эрмитаже: Очерк истории Минцкабинета – Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. [Т.] 8. М., 1970. Архивный фонд Кёне имеется в РГИА (Ф. 1493).

²⁶¹ В ряде изданий можно встретить информацию, что Кёне будто бы происходил «из патрицианской семьи вольного города Бремена». С.В. Любимов отмечает, что род Кёне происходит из Вюртемберга [*Любимов С.В.* Титулованные роды Российской Империи. М., 2004 (1-е изд. – СПб., 1910). С. 239].

²⁶² Das Münzwesen der Stadt Berlin: Ein historischer Versuch. Berlin, 1837.

²⁶³ «Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde», возобновлен в 1859 г.

²⁶⁴ По отзыву Н.И. Веселовского, Кёне был «великий» мастер издательского дела, «относившийся к печатанию с полной любовью и внимательностью» (*Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 306).

²⁶⁵ *Веселовский Н.И.* Указ. соч. С. 67.

²⁶⁶ Подробнее см.: *Лукомский В.К., Типольт Н.А.* Русская геральдика. М., 1996. С. 23–24; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. С. 123–124, 135–140; см. также: *Лавренов В.И.* «Дело» о тверских гербах и Б.В. Кёне // Биография как вид исторического исследования. Тверь, 1993. С. 122–137.

²⁶⁷ *Артамонов В.А.* Флаг. С. 443–445; *Дегтярев А.Я.* Указ. соч. С. 86–87. Александр II утвердил гербовые цвета 11 июня 1858 г. Цвет третьей полосы соответствовал «белому или серебряному всаднику (Св. Георгию) в Московском гербе».

²⁶⁸ Подробнее см.: *Куник А.А.* О русско-византийских монетах Ярослава I с изображением Святого Георгия Победоносца. СПб., 1860.

²⁶⁹ «Опыты его (Кёне) в русской нумизматике были не только неудачны, но даже скандальны как по легкомыслию, так и по недопустимому в научной дискуссии высокомерному тону. Именно они привели Кёне как ученого к банкротству, выявив с полной отчетливостью спекулятивный характер его публикаций» (*Спаский И.Г.* Указ. соч. С. 153).

²⁷⁰ *Левинсон-Лессинг В.Ф.* История картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1986. С. 255, 295.

²⁷¹ *кн. Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895. С. 264; *гр. Бобринский А.А.* Дворянские роды, внесенные в Общий Гербовник Всероссийской Империи. Ч. 2. СПб., 1890. С. 706–707; *Любимов С.В.* Указ. соч. С. 239. Герб баронов Кёне был внесен в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи» сенатским определением от 24 июня 1874 г. (Ч. XII, № 40).

²⁷² *Плотников С.Л.* Указ. соч. С. 314.

²⁷³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 28749. Л. 3–3об., 6–6об., 12.

²⁷⁴ *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 226.

1. Печать Ивана III 1504 г.,
аналогичная печати 1497 г.
2. Изображение двуглавого орла на миниатюре
из Евангелия Дмитрия Палеолога

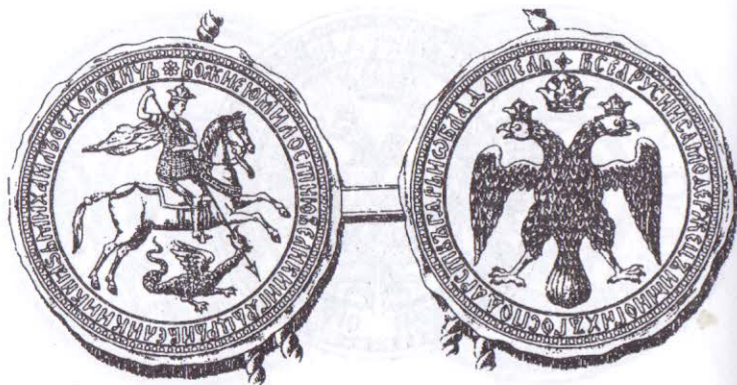
3. Печать Ивана IV 1562 г.
Прорисовка из издания Ф.А. Бюлера

4. Большая государственная печать
Ивана Грозного
Прорисовка лицевой стороны
из книги А.Б. Лакиера, оборотной стороны
из издания Ф.А. Бюлера

5. Государственная печать Бориса Годунова
Прорисовка из издания Ф.А. Бюлера

6. Печать Лжедмитрия I 1604 г.
Прорисовка из издания Ф.А. Бюлера

7. Малая государственная («орловская воротная») печать Михаила Федоровича 1625 г.
Прорисовка из издания Ф.А. Бюлера

8. Малая государственная («двойная кормчая») печать Михаила Федоровича 1627 г.
Прорисовка из издания Ф.А. Бюлера

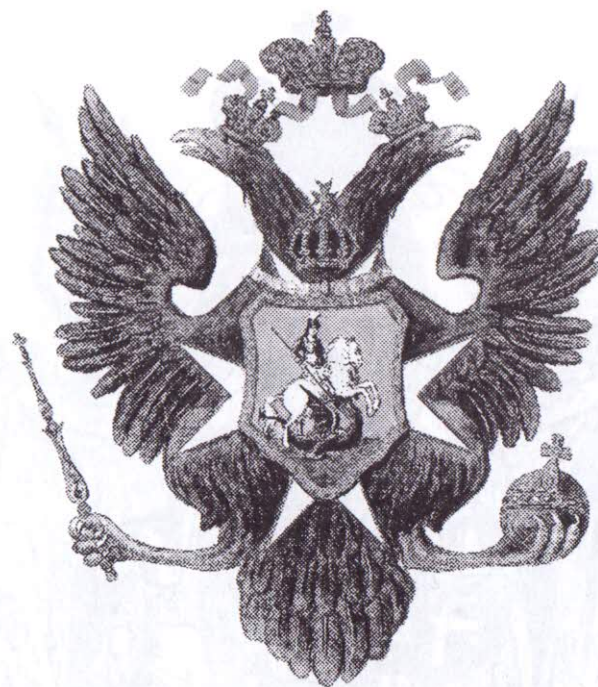

9. Большая государственная печать Алексея Михайловича 1667 г.

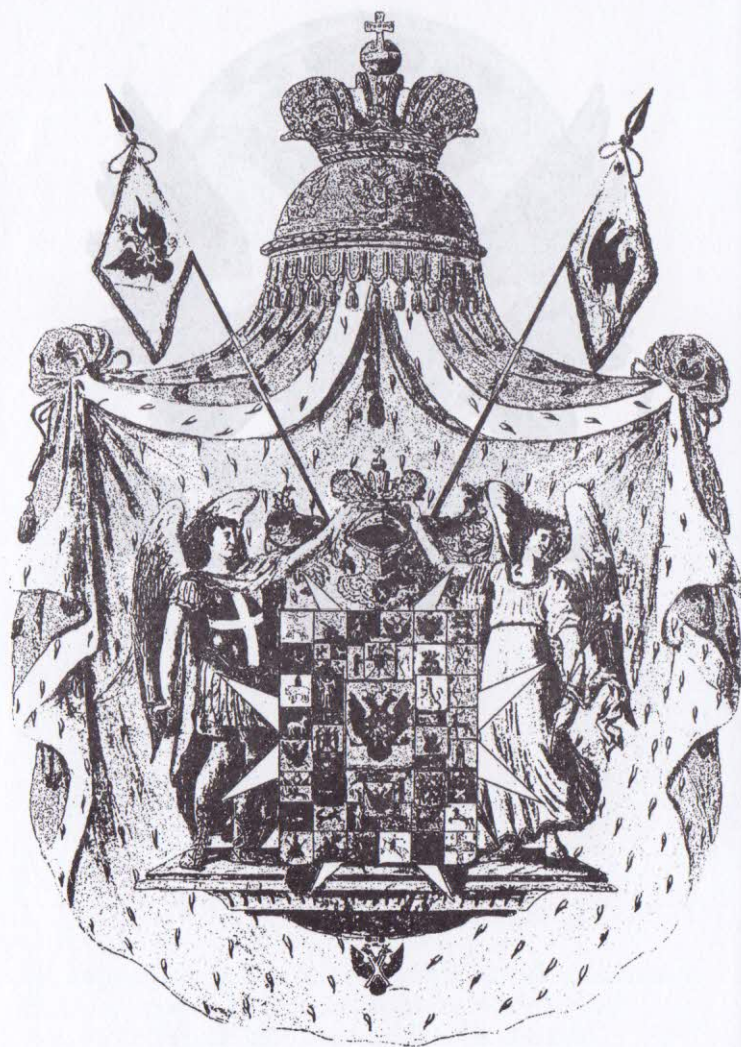
10. Государственная печать Петра I
работы Беккера 1712 г.
Прорисовка из книги А.Б. Лакиера

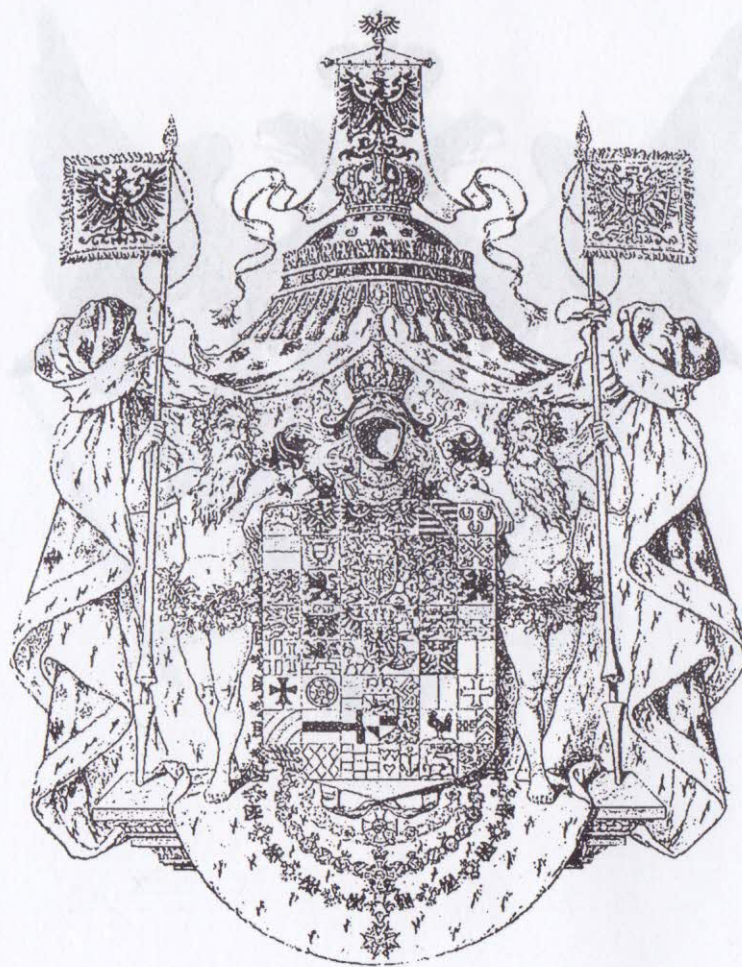
11. Большая государственная печать
(тип И. Гёдлингера) Николая I

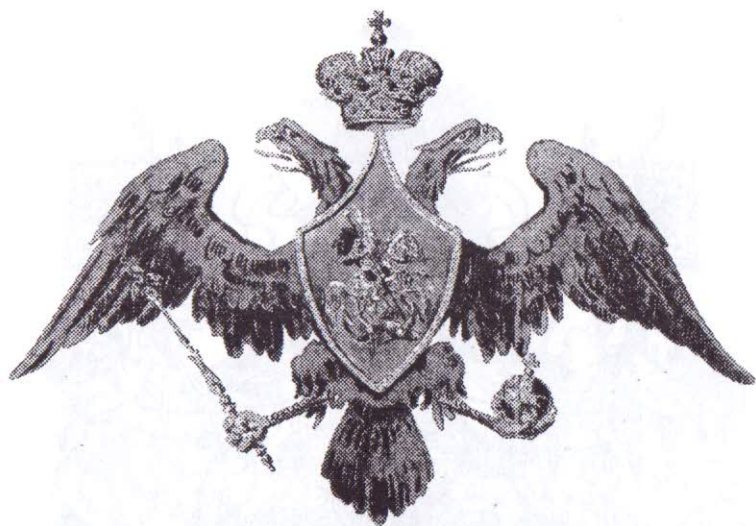
12. Государственный герб 1799 г.

13. Большой («полный») государственный герб
1800 г.

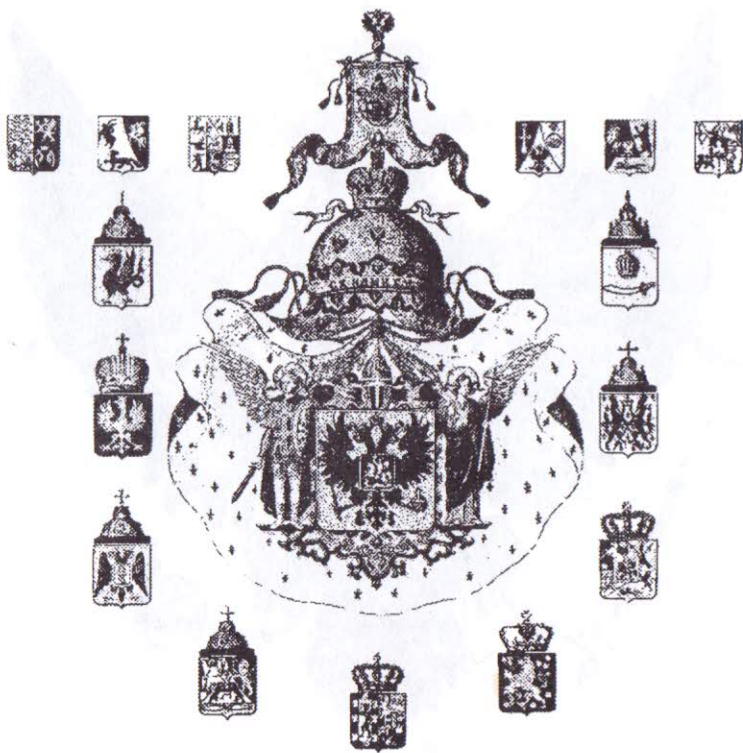
14. Герб маркграфов Бранденбургских – королей
Пруссских

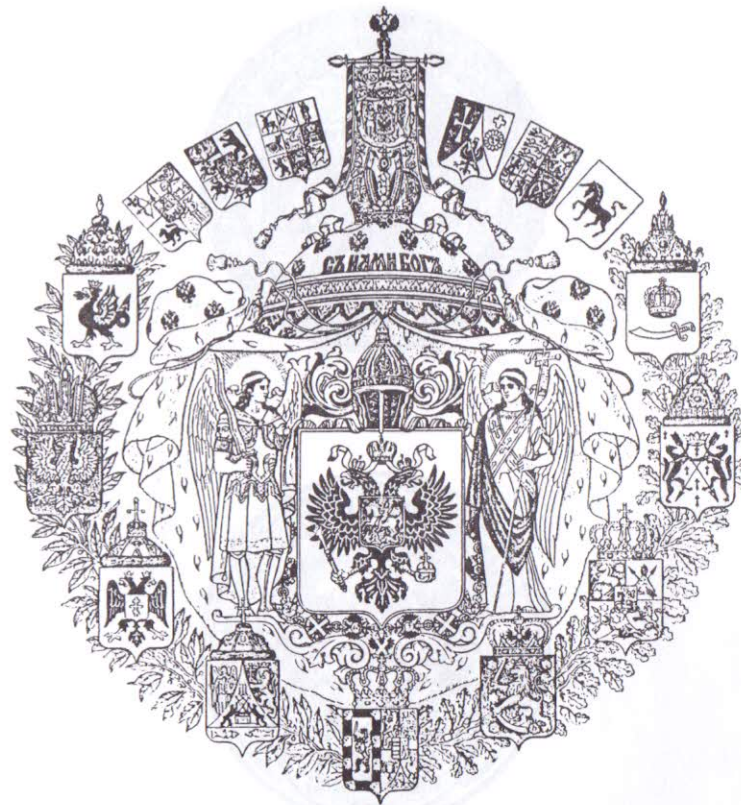
15. «Первый тип» государственного герба первой половины XIX в.

16. «Второй тип» государственного герба первой половины XIX в.

17. Большой государственный герб
Российской империи 1857 г.

18. Большой государственный герб
Российской империи 1882 г.

19. Рисунок государственной печати
Российского временного правительства
(художник И.Я. Билибин), 1917 г.

20. Первый оттиск печати Совета народных
комиссаров с гербом РСФСР, 1918 г.

21. Герб СССР 1924 г.

22. Герб СССР 1956 г.

23. О.П. Козодавлев

24. бар. Б.В. Кёне

25. И.Я. Билибин

26. В.Н. Адрианов

Предисловие (Вяч.Вс. Иванов)	5
Предварительные замечания	9

1

От Ивана III до Ивана Грозного

1.1. Гербовые эмблемы на печати Ивана III и проблемы их изучения	14
1.2. Государственные печати Ивана Грозного. Система печатей и вероятная семантическая иерархия эмблем	26
1.3. Эмблема единорога и ее возможная семантика	29
1.4. Большая государственная печать Ивана Грозного	31

2

От Федора Иоанновича до Алексея Михайловича

2.1. Гербовые эмблемы на печатях царей конца XVI – первой половины XVII в. «Земская» печать с одноглавым орлом	38
2.2. Изменения государственных гербовых эмблем при Михаиле Федоровиче	40
2.3. Государственный герб на печати 1667 г. ...	41

3.1. Изменения государственного герба в Петровскую эпоху	49

3.2. Государственная геральдика в царствование Павла I и Большой герб Российской империи 1800 г.	52

4.1. Государственный герб в первой половине XIX в. . .	59

4.2. Большой государственный герб Российской империи 1857 и 1882 гг.	60

5.1. Герб на печати Временного правительства	71

5.2. Гербы советской эпохи. Герб СССР	73

Эпилог	78

Приложение. Создатель герба Российской империи (Барон Б.В. Кёне: штрихи к портрету)	80

Примечания	87

Иллюстрации	143

Пчелов Е.В.

П 92 Российский государственный герб: Композиция, стилистика и семантика в историческом контексте. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. 162 с.
ISBN 5-7281-0809-1

В монографии рассматривается история российского государственного герба в аспекте эволюции наиболее значимых его элементов, деталей и эмблем и общего композиционного построения на протяжении XV–XX вв. Проводится анализ наиболее существенных трансформаций как государственного герба в целом, так и его составляющих и их интерпретаций в зависимости от культурно-исторического и идеологического контекста эпохи. Выявляются взаимосвязи и взаимовлияния стилистических особенностей изображения государственного герба и его семантики.

Для историков, специалистов в области геральдики, эмблематики, культурной антропологии.

УДК 929.6 (47)
ББК 63.2

Научное издание

Пчелов Евгений Владимирович

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГЕРБ

*Композиция, стилистика и семантика
в историческом контексте*

Редактор
Г.Н. Дюкова

Художественный редактор
М.К. Гуров

Технический редактор
Г.П. Каренина

Корректор
Л.П. Бурцева

Компьютерная верстка
Г.И. Гавриковой